Казачій Альманахъ

1939

www.alan-kazak.ru

www.elan-kazak.ru

Эта книга отпечатана въ январѣ
1939 года въ типографіи Navarre
въ Парижѣ, въ количествѣ семи-
сотъ экземпляровъ, изъ коихъ
десять номерованныхъ въ прода-
жу не поступили.

Изданіе Кружка казаковъ-литераторовъ.

Редакціонная коллегія:

П. В. Гусевъ.
В. С. Крюковъ.
Н. Н. Туровѣровъ.

www.elan-kazak.ru

КАЗАЧІЙ АЛЬМАНАХЪ

1939

www.elan-kazak.ru

Казаки въ эмиграціи и по своей численности и по своей родственности занимаютъ почетнѣйшее мѣсто. Какъ бы казаки ни пытались раздѣлиться, эти попытки, — столь естественныя въ двадцатилѣтней оторванности отъ родной земли, — носили и будутъ носить чисто внѣшній характеръ.

Казакъ казаку — братъ на вѣчные времена. Ихъ роднитъ то, что *превыше человѣческихъ увлеченій и страстей: кровная вѣрность Россіи*, великая любовь къ своей родной землѣ, къ прошлому казачества; казачья слава, гордость казачья.

У казачества не можетъ не быть будущаго и оно будетъ построено на томъ лучшемъ, что осталось отъ прошлаго.

Кто не слыхалъ о казакахъ, но много ли о нихъ знаютъ?

Азіатская конница, дикій гикъ въ атакахъ, да сырое мясо и сальныя *свѣчи на бивуакахъ — вотъ все то, что говорилось про казаковъ* не одно столѣтіе, говорилось не только въ Западной Европѣ, но, увы, и въ Россіи.

Въ прошломъ, въ этомъ отношеніи, было сдѣлано очень мало, — родной край съ его природой и бытомъ, съ его исторіей, памятниками старины, архивами, еще живыми преданіями и пѣснями — былъ налицо — но мы были лѣнивы и нелюбопытны. И только теперь, разсѣянные по чужбинѣ, мы поняли, что потеряли. Но старится старое и не казаками растетъ молодое.

Казаки многое видѣли, многому научились въ чужихъ краяхъ — пусть же чужая культура пойдетъ на пользу казачества, — претворится въ казачью культуру.

www.elan-kazak.ru

Основанный годъ тому назадъ Кружокъ казаковъ литераторовъ поставилъ себѣ цѣлью сохранить и развить то, что еще уцѣлѣло въ казачествѣ: гордость своимъ прошлымъ, Любовь къ своей Родинѣ, Вѣру въ ея будущее.

Кружокъ уже объединилъ многихъ казаковъ и казачекъ, кому *дорога эта его цѣль, кто готовъ служить ей, посильно, своимъ перомъ* и творчествомъ.

Настоящій альманахъ является первымъ результатомъ этого единенія. Кружокъ казаковъ литераторовъ глубоко вѣритъ, что поддержка казаковъ и не казаковъ обезпечитъ дальнѣйшіе выходы этого изданія, осуществленнаго, въ этотъ разъ, благодаря жертвенности почетныхъ членовъ Кружка — аббата К. А. Кенэ и генерала Д. И. Ознобишина.

www.elan-kazak.ru

1

Одно изъ первыхъ изображенiй казака.

2

Казакъ 17-го столѣтiя.
(Во французской перерисовкѣ 1814-15 г. г.).

www.elan-kazak.ru

Марія ВОЛКОВА

Закрывъ глаза, я вижу ихъ
Въ угрюмыхъ шрамахъ боевыхъ, —
Такихъ могучихъ и суровыхъ...
Ихъ поступь звонко тяжела,
На лбу забота залегла,
Но ищетъ взглядъ просторовъ новыхъ...
Силенъ и вѣренъ взмахъ руки,
Прямые плечи широки,
Скупы слова, улыбки рѣдки.
Вояки съ ногъ до головы —
Они всѣ были таковы,
Во тьмѣ исчезнувшіе предки!
За доблесть дѣлъ, за горечь ранъ
Имъ пѣсенъ не слагалъ баянъ:
Ихъ славный путь прошелъ украдкой.
Лишь въ старой записи, порой,
Про подвигъ чей нибудь лихой
Разскажутъ сдержанно и кратко...
Манилъ Востокъ... Сіяли льды...
Влекли звѣриные слѣды
Въ тайгѣ загадочно-дремучей...

www.elan-kazak.ru

В засадахъ ждалъ раскосый врагъ...
Но шли они — за шагомъ шагъ —
        Ничѣмъ неотвратимой тучей!
Съ равнинъ родного Иртыша
Все дальше, дальше, не спѣша,
        По дикимъ станамъ, безъ дороги,
Несли побѣду казаки, —
И выростали городки,
        И мрачно щерились остроги.
Въ забытыхъ малыхъ крѣпостцахъ,
Преодолѣвши женскій страхъ,
        Казачки вѣкъ свой коротали.
Глубоко прятали печаль,
Мужей напутствовали въ даль
        И — *не дождавшись* — умирали...
У тѣхъ была прямая цѣль:
Искать невиданныхъ земель,
        Терпѣть тоску полярной ночи,
Блуждать, гдѣ не былъ человѣкъ,
И къ берегамъ сибирскихъ рѣкъ
        Влачить дощанники и кочи.
Застывшихъ мамонтовъ стада
Они встрѣчали иногда
        Въ печальномъ неживомъ просторѣ.
И колыхало смѣльчаковъ,
Средь грозно наплывавшихъ льдовъ,
        Студеное сѣдое море...
Чутьемъ весеннихъ птичьихъ стай
Нашли они Даурскій край,
        Гдѣ виноградъ обнялся съ дубомъ.
И шелкъ амурскихъ соболей
Въ подарокъ слали — для царей —
        Съ тысячелѣтнимъ «рыбьимъ зубомъ».
Былъ тугъ и медленъ ходъ вѣковъ.
И вотъ руками казаковъ
        Разрушенъ заговоръ природы.
И грудь нетронутой земли,
Что тишь съ безлюдьемъ берегли,
        Одѣли ласковые всходы.

www.elan-kazak.ru

Давно покорны дикари,
Вездѣ, куда ни посмотри,
Все тонетъ въ сытости и мирѣ.
И мѣдный православный звонъ
Гудитъ, летитъ со всѣхъ сторонъ
По русской ставшею Сибири!
Прекрасна юная страна
Глядитъ въ грядущее она,
Но сказъ временъ о ней невѣдомъ.
Ее узнать и впрямь и вкось
Лишь въ трехъ столѣтьяхъ удалось
Моимъ неутомимымъ дѣдамъ!
Они стрѣляли, хмуря бровь,
Въ несчетныхъ стычкахъ лили кровь,
Они рождались что-бъ бороться
И въ строгой ревности своей
Обогатили тронъ царей
Безвѣстные землепроходцы!

www.elan-kazak.ru

Евгенія де ЖЕРВЕ.

1.

Снѣгомъ причащались небо и земля
Въ сумрачное утро, утро октября.
Въ это утро, рано, выпалъ первый снѣгъ
Въ часъ, когда родился крошка-человѣкъ.
Такъ всегда бывало: праздновала я
Вмѣстѣ съ первымъ снѣгомъ, праздникъ бытія.
Помню: въ день рожденья выходя гулять,
Знала — будутъ гостьи первыя летать.
Маленькія гостьи — зимніе цвѣты —
Медленно слетаютъ, рея, съ высоты;
Кружатся; танцуютъ танецъ снѣговой
Надъ одѣтой въ капоръ дѣтской головой.
Жадными губами ловишь налету
Крошечную льдинку — снѣжную звѣзду
Пріобщаясь снѣгомъ тайнѣ бытія
Въ сумрачное утро, утро октября.

2.

Мнѣ ли, тихой и усталой,
Край разбойный воспѣвать? —
Кто не бѣглый, не удалый;
Кто не воинъ и не тать...
Сколько ихъ на югъ бѣжало
Отъ закона, отъ тоски...
Въ Дикомъ Полѣ, гдѣ попало,
Поселялись казаки.
    Много славы небывалой,
    Много крови и бунтовъ:
    Пять столѣтій создавало
    И создало казаковъ.
Сколько разъ за Русь вставала
Казаковъ стальная рать...
Мнѣ ли, тихой и усталой
Подвиги перечислять.

www.elan-kazak.ru

Нина ЖАРОВА.

Остались позади привычные пороги.
Проходятъ дни, и надо мнѣ идти.
Казалось, нѣтъ уже слѣдовъ моей дороги
И я не знаю новаго пути.

Но, все равно, когда нибудь потомъ
Я вспомню каждую малѣйшую тропинку,
Мой каждый шагъ и каждую былинку,
И каждый камень на пути моемъ.

И вотъ тогда лишь я смогу понять
Всѣ радости и всѣ мои тревоги
И, безъ усилія, безъ жалобы, сказать, —
Что жизнь прошла и не по той дорогѣ.

Игорь ВОИНОВЪ.

Сегодня, какъ вчера. Недѣли...
За годомъ годъ, все сызнова, опять.
Мы на пути безпутно проглядѣли,
Что дважды два — четыре, а не пять.

А почему, — пожалуй, не отвѣтимъ.
И даже сны уже не снятся намъ,
Такіе сны, что снятся только дѣтямъ
Да мудрымъ, жизнь познавшимъ, старикамъ.

www.elan-kazak.ru

Ирина ПОЛЯКОВА.

1.

Какъ начинается? — Трудно сказать.
Можно-ли сердцу пути указать?
Вечеръ. Закатъ — полу-взглядъ, полу-слово —
Дрогнетъ душа — и узнаетъ родного.

2.

Ты сказалъ мнѣ: «Пой!» — и я пою,
Обо всемъ на свѣтѣ забывая.
Пусть ползутъ отъ края и до края
Тучи застилая жизнь мою.
Я постигла заповѣдь Твою: —
Все земное въ вѣчность претворяя,
Съ неземнымъ его соединяя —
О нездѣшней радости пою.

3.

И. С. Шмелеву.

Облака причудливо-легки.
Боръ стоитъ торжественнымъ соборомъ,
А въ дали, за темносинимъ боромъ,
Серебро прохладное рѣки,
Золотыя луковки церквей,
Очертанья нѣжныя березокъ;
Зной. Дорога. Пыль и стукъ повозокъ,
Ширь необозримая полей.
Перепелки монотонный крикъ,
Волны золотистыя пшеницы;
Темный крестъ въ лощинѣ у криницы,
Странницы иконописный ликъ.
Ржанье, топотъ рѣзвый табуна
Гикъ веселый скачущихъ въ ночное —
Близкое, далекое родное —
Всюду ты со мной, моя страна!

www.elan-kazak.ru

Алексѣй АЧАИРЪ.

1.

Эхъ, рѣка ты моя дорогая,
Золотая рѣка Уссури!
Эхъ, просторы казачьи — безъ края —
Отъ зари и до новой зари.
Что мой гордый Амуръ опечаленъ?
Нѣтъ тебя, многоводной рѣки!
Къ берегамъ твоимъ скоро причалимъ
На стругахъ мы, — твои казаки.
Скоро жизнь закипитъ за Байкаломъ.
Не горюй, не тоскуй, Селенга!
Шлемъ съ чужбины и старымъ, и малымъ
Мы горячій привѣтъ казака.
А за этимъ привѣтомъ горячимъ —
Вы увидите желтый лампасъ,
Золотыя вы, рѣки казачьи,
Казаками вскормившія насъ!

2.

Прищуривъ глазъ, мой пращуръ пролетѣлъ
На скакунѣ, и скрылся въ дымкѣ сизой.
Стрѣла, взлетѣвъ, завыла въ пустотѣ.
Стрѣлокъ вздохнулъ и лукъ угрюмо снизилъ...
И, вдругъ, повсюду стали города,
И вѣсть побѣды протрубила вьюга.
Алтайскихъ горъ алмазная гряда,
Страну снѣговъ оберегала съ юга.
Сибирь моя! Какъ бушевалъ потокъ,
Прорвавшійся изъ за Урала въ степи,
Неся струги казачьи на востокъ,
Къ просторамъ дѣвственныхъ великолѣпій.
Святая Русь... Суровая Сибирь...
Вотъ все, что мнѣ запомнилося съ дѣтства.
Наперекоръ тебѣ, сегодняшняя быль, —
Я сберегу отцовское наслѣдство.

www.elan-kazak.ru

И. ДАНИЛОВЪ.

Генералу Н. И. Малышенко.

Въ золотыхъ поляхъ пшеницы
Катится Кубань.
Ей веселыя станицы
Пѣсней платятъ дань.
Дочь Эльборуса сѣдого
Рыцарей рѣка,
Свѣтлый памятникъ былого,
Радость казака.
Бурно, гордая, клокочетъ
Рѣжетъ камни горъ
И, беспечная, хохочетъ,
Выйдя на просторъ.
По веснѣ садовъ зеленыхъ
Бѣлоснѣжный цвѣтъ.
На волнахъ плыветъ студеныхъ
Морю шлетъ привѣтъ.
Разлилася безъ границы,
Блещетъ средь полей,
Низко бѣлыя станицы
Кланяются ей.
Ржетъ надъ нею конь ретивый
Въ берегъ бьетъ ногой
И, напившись, съ новой силой
Въ бой летитъ стрѣлой.
И могучей грозной лавой
Мчатся въ бой полки.
Русь! за Кремль твой златоглавый
Бьются казаки.
Знаю, знаю: вновь, къ побѣдамъ,
Будетъ звать Кубань,
Вслѣдъ великимъ нашимъ дѣдамъ
Казаковъ на брань.

www.elan-kazak.ru

Николай ЕВСѢЕВЪ.

1.

Толоки, зеленя, оржанья —
Поля безкрайнія кругомъ.
Осеннее очарованье,
Какая примиренность въ немъ.
На зеленяхъ слѣды дудачьи —
Пометъ и перья съ завиткомъ,
А сами дудаки маячатъ
Въ сѣдомъ овсяньи подъ бугромъ.
Въ неповторяемомъ волненьи
Глядѣлъ на небо и поля,
И вѣрилъ сердцемъ безъ сомнѣній
Какъ счастлива моя земля,
Мой незамѣтный рай казачій
Чудеснымъ сномъ теперь встаетъ
И пепельнымъ перомъ дудачьимъ
Меня волнуетъ и зоветъ.

2.

Деревья въ лѣсу пожелтѣли;
Сентябрь улыбался лучемъ
И грустно осины звенѣли
Надъ тихимъ овражнымъ ручьемъ.
Звенѣли о юности нѣжной,
Ушедшей, какъ сонъ золотой,
О ночи холодной и снѣжной,
Таящей послѣдній покой.
Звенѣли о всемъ невозвратномъ,
Что въ жизни дается лишь разъ,
О мірѣ умомъ необъятномъ,
О листьяхъ опавшихъ — о насъ.

www.elan-kazak.ru

3.

Шла тройка шагомъ по плотинѣ.
Огромный прудъ спокойно спалъ
И только гдѣ то тамъ въ низинѣ
Тревожно чибисъ закричалъ.
Заря погасла, ночь настала;
Луна серебрянымъ серпомъ
Незабываемо сіяла
Надъ темнымъ полемъ и прудомъ.

4.

Опять бы увидѣть луга и озера,
Кувшинки на плесѣ, въ росѣ бѣлоталъ;
Дышать бы безбрежнымъ сарматскимъ просторомъ,
Которымъ мой пращуръ дышалъ.

Услышать бы звоны далекой станицы
Надъ узкой хоперской песчаной косой,
Послушать бы въ небѣ гусей вереницы
Осенней сѣдою порой.

Увидѣть бы степь, стрепетиныя стаи,
И слушать куличій пронзительный стонъ
И видѣть, какъ царственно дрофы гуляютъ,
Какъ розовъ зарей небосклонъ.

Вернуться въ свой городъ, красою нетлѣнной
Сіяющій въ страшной казачьей судьбѣ.
О, край мой, далекій, родной, драгоцѣнный,
Тебѣ эти строки, тебѣ.

www.elan-kazak.ru

Борисъ НОМИКОСОВЪ.

1.

Точно зеркало темное Донъ,
Лѣтней ночью не двинется онъ.
Шелеститъ надъ водою тростникъ
И луна свой сіяющій ликъ
Расплескала во глади рѣчной
Серебра полосой...
Степь кругомъ безъ конца и безъ края
И ковыль, въ лунномъ свѣтѣ, блистая,
Разстилается свѣтлымъ ковромъ.
Надъ горящимъ, неярко, костромъ
Мы собрались изъ ближней станицы, —
Мы — въ ночномъ...
Мы шумливой гурьбой, вечеркомъ
Мчались степью какъ вольныя птицы.
Бѣгъ веселый степной кобылицы;
Гикъ разбойный ребятъ-казачатъ;
Въ небѣ дальній неяркій закатъ;
Запахъ острый и горькій полыни;
Въ вышинѣ рѣзкій крикъ журавлиный
Мнѣ восторгомъ наполнили грудь.
— Степь моя, — нескончаемый путь!

www.elan-kazak.ru

Сергѣй СУЛИНЪ.

Увижу ль я тебя, мой край родной, далекій?
Услышу ль благовѣстъ твоихъ колоколовъ?
Почую ль вольный вѣтръ степи твоей широкой.
И жаворонка трель и ароматъ цвѣтовъ?

Войду ль, весь трепеща, въ соборъ нашъ шестиглавый,
Подъ византійскій сводъ червонныхъ куполовъ,
И встанутъ ль предо мной воспоминанья славы —
Былая мощь и блескъ унесшихся годовъ?

Увижу ль я тебя, о — мать моя родная —
И припаду ль къ твоей рыдающей груди,
И — счастьемъ упоенъ — враговъ моихъ прощая,
Забуду зло и мракъ, лежащій позади?

Услышу ль рѣчь родныхъ, увижу ль эти лица,
Кого я такъ любилъ всю жизнь, отъ дѣтскихъ лѣтъ,
И у могилъ, въ слезахъ, смогу ли помолиться,
За близкихъ тѣхъ моихъ, кого давно ужь нѣтъ?

Не уходите вспять, усталыя надежды,
Будите скорбный умъ, порхайте надо мной,
И — прежде чѣмъ я самъ сомкну на вѣки вѣжды,
Примите образъ вы реальный и живой!

www.elan-kazak.ru

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

1.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ,
Глупое сердце все еще ждетъ,
Все еще вѣритъ въ вѣрность твою,
Въ какую то нѣжность въ далекомъ краю;
Все о тебѣ сердцу хочется пѣть, —
Бѣдное сердце не хочетъ старѣть.

2.

— Ю. Т.

Что за глупая затѣя
Довѣряться ворожбѣ,
Что расскажетъ ворожея
Обо мнѣ и о тебѣ?
Что она еще предскажетъ,
Если вдругъ, — какъ мы вдвоемъ, —
Дама пикъ случайно ляжетъ
Рядомъ съ этимъ королемъ.
Иль во тьмѣ кофейной гущи
Распознаешь ты меня
Въ день послѣдній, въ день грядущій
Въ пеклѣ адскаго огня
Плакать рано, но поплачь-ка
Ты надъ этой ворожбой,
Моя *милая казачка*,
Черноокій ангелъ мой.

www.elan-kazak.ru

3.

Опять надъ синью этихъ водъ,
Такихъ прозрачныхъ и студеныхъ,
Порхаетъ листьевъ хороводъ,
Совсѣмъ по-лѣтнему зеленыхъ.

Еще не осень, но злодѣй —
Восточный вѣтеръ рветъ всѣ листья,
И зори стали холоднѣй
И продолжительнѣй и мглистѣй.

А въ полдень солнце горячо;
Взлетаютъ грузно перепелки
И отдаетъ слегка въ плечо,
Чудесный бой моей двухстволки.

Еще не осень, но уже
Въ дыму лежитъ моя станица
И, возвращаясь по межѣ,
Теперь мнѣ надо торопиться.

И птицы больше не поютъ
Надъ опустѣвшими полями
И по осеннему уютъ
Царитъ въ столовой вечерами.

Опять пора моя, опять —
Удѣлъ *блаженный и жестокій* —
Косноязычно повторять
Мнѣ музой сказанныя строки.

4.

Осыпается садъ золотой,
Затуманился день голубой,
За окномъ твоимъ черную ель
Замела золотая мятель.

www.elan-kazak.ru

Ты все смотришь на листьевъ полетъ,
Ты все вѣришь, что сынъ твой прійдетъ,
Возвратится изъ странствій — и вотъ
У твоихъ постучится воротъ.
Ты до вечера ждешь у окна;
На дорогу выходишь одна;
Желтыхъ листьевъ мятель надъ тобой, —
Недалекъ твой послѣдній покой.

5.

«Поѣдемъ, корчмарочка, къ намъ на тихій Донъ».

Ахъ, не цѣлуй меня ты снова,
Опять своей не называй, —
Отъ моего родного крова
Не уводи, не отрывай.
Тебѣ мой дворъ унылъ и тѣсенъ,
Но, Боже мой, какъ страшно мнѣ
Повѣрить зову твоихъ пѣсенъ,
Съ тобой уѣхать на конѣ.
Бери любовь мою въ подарокъ,
Какъ бралъ ее ты у другихъ,
Тобой загубленныхъ корчмарокъ
Среди ночлеговъ кочевыхъ.
Тебя потомъ я вспомню съ плачемъ,
Слезой горючей изойду,
Но за твоей судьбой казачьей
Я не пойду, я не пойду.

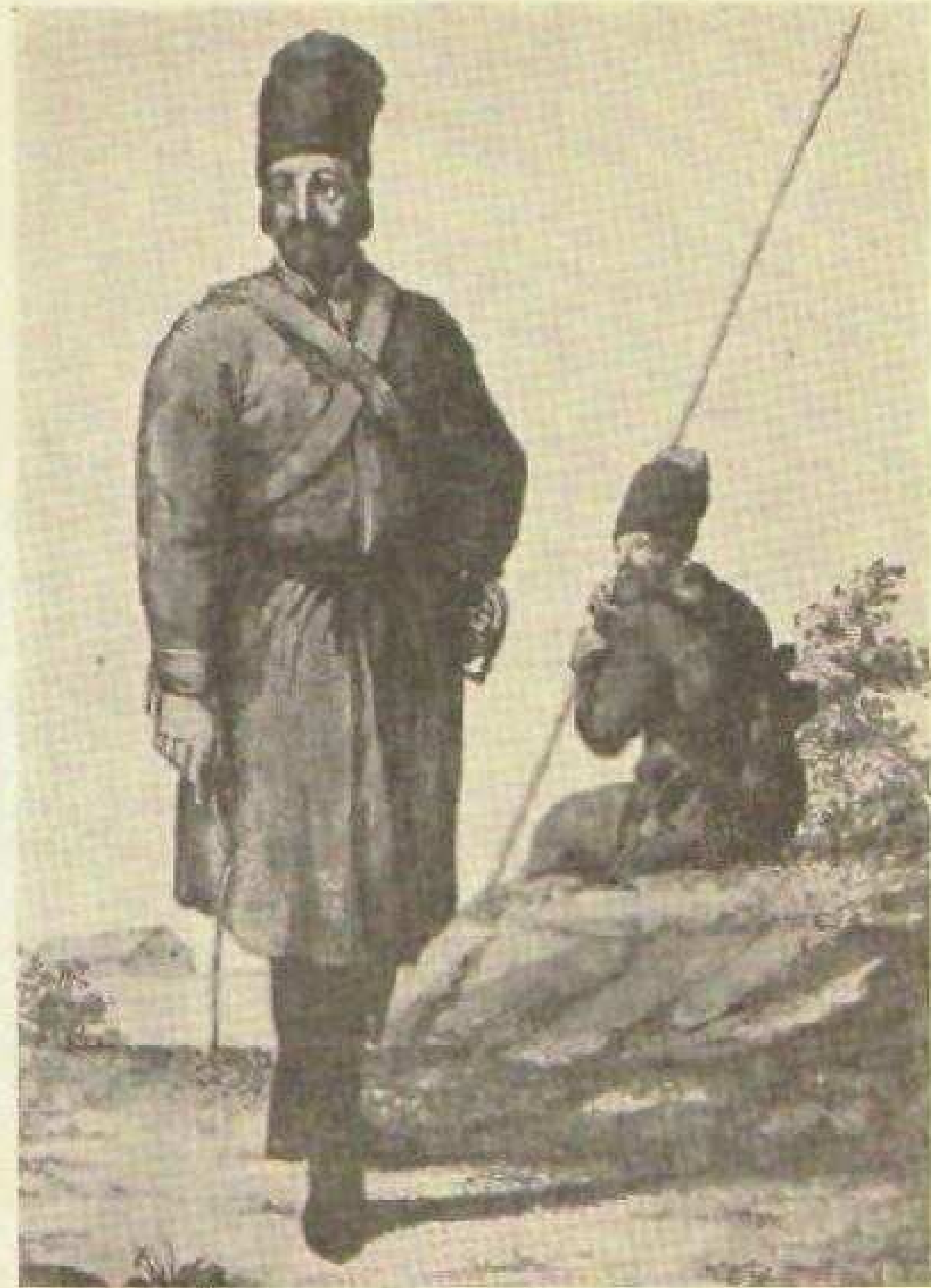
www.elan-kazak.ru

3

Калмыкъ
(рисовалъ и гравировалъ Le Prince).

4

Донскіе казаки
(рисовалъ и гравировалъ Chr. Geissler въ 1793 году).

www.elan-kazak.ru

П. Н. КРАСНОВЪ.

КАЗАЧЬИ ВОЙСКА

Одиннадцать казачьихъ войскъ — одиннадцать жемчужинъ въ блистательной коронѣ Россійской Имперіи. Три городовыхъ казачьихъ полка — три бурмицкихъ зерна Бѣлаго Царя.

Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское, Астраханское, Оренбургское, Забайкальское, Семирѣченское, Амурское и Уссурійское казачьи войска — у каждаго своя исторія, — у кого, уходящая въ даль вѣковъ, къ истокамъ земли Русской, у кого еще недолгая, молодая жизнь искусственно продвинутыхъ «на линію» полковъ; — всѣ покрыты неувядаемой славой походовъ и боевъ, сраженій и побѣдъ. У каждаго былъ свой непріятель, свой театръ военныхъ дѣйствій, свои въ пѣсняхъ воспѣтые герои.

Три городовыхъ полка — Красноярскіе, Иркутскіе и Енисейскіе казаки — три горододержца, хранителя порядка въ Сибири, на далекомъ Сибирскомъ трактѣ.

Кромѣ Астраханцевъ и Красноярцевъ — я зналъ ихъ всѣхъ. Съ одними прожилъ тѣсною жизнью *на протяженіи* десятковъ лѣтъ, съ другими связанъ годами, проведенными вмѣстѣ въ трехъ войнахъ, третьихъ видалъ только въ лагеряхъ, на ученьяхъ. Всѣхъ успѣлъ оцѣнить *и горячо полюбить.*

---

*Казаки приходили на службу на своихъ собственныхъ, часто до*мощенныхъ, казачьихъ коняхъ, со своими сѣдлами, въ своемъ обмундированіи, со своими шашками и, одно время, со своими ружьями и пиками. Какъ поется въ казачьей пѣснѣ: —

www.elan-kazak.ru

... «Онъ съ походомъ насъ проздравилъ,
Отдавалъ строгой приказъ: —
«Чтобы были у васъ, ребята,
Ружья новыя Берданы,
Шашки вострыя въ ножнахъ»...

Казаки снаряжались *дома* и вполнѣ готовыми приходили въ полки. Юношами — *«малолѣтками» они обучались военному дѣлу, жили* въ лагеряхъ, и полковая жизнь имъ была знакома и не страшила ихъ.

Они не боялись лошади. Конь входилъ въ семью казака, былъ тѣсно связанъ съ его бытомъ. Казаки любили своего коня, какъ члена семьи, какъ связь съ домомъ.

Казаки несли воинскую повинность всѣ поголовно, безъ льготъ. Въ казачьей семьѣ — и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ — и, далеко въ вѣка уходя, всѣ были воины; служили и старшій, и младшій братъ, и отъ того создавалась традиція службы и уваженія къ ней.

По стѣнамъ казачьяго куреня висѣли фотографіи тѣхъ, кто служилъ раньше, портреты начальниковъ и героевъ. О нихъ пѣли пѣсни казачки, ихъ поминали и *знали.*

Казаки были прирожденные воины.

Они сами стали такими. Ихъ закалила въ бояхъ на границѣ исторія.

Это было очень трудно, дорого и разорительно казакамъ снаряжаться на службу. Отъ нихъ требовали все лучшихъ, болѣе рослыхъ и кровныхъ коней, красиваго, крѣпкаго, исправнаго снаряженія. Они стояли наряду съ полками блистательной кавалеріи Россійской, и войсковое, казачье самолюбіе требовало не быть ни въ чемъ ниже ихъ.

Я былъ очень близокъ съ казаками. Въ молодые годы, младшимъ офицеромъ, я жилъ съ казаками одною жизнью, ночевалъ въ полевыхъ поѣздкахъ и на маневрахъ въ одной хатѣ, въ полѣ, на сѣновалѣ, сутками былъ съ ними и много съ ними говорилъ, — говорилъ откровенно, по душѣ, не какъ начальникъ, а какъ старшій братъ говоритъ съ младшимъ.

Я зналъ родителей многихъ казаковъ, говорилъ съ ними.

Я никогда не слыхалъ ропота, жалобъ на разореніе, на тяжесть *службы.*

Молча, въ величайшемъ сознаніи своего долга передъ Родиной, несли казаки свои тяготы по снаряженію на службу и гордились своимъ казачьимъ именемъ.

www.elan-kazak.ru

Въ нихъ было прирожденное — *чувство долга.*

На смотрахъ и парадахъ — имъ выпадало самое трудное. Лейбъ-*Гвардіи 6-ая Донская казачья* Его Величества батарея всегда, по традиціи — карьеромъ проходила на церемоніальномъ маршѣ. Карьеромъ пропускали и казачьи полки. Если на маневрахъ конница переплывала рѣки — первыми плыли казаки.

Они изумляли своею безстрашной джигитовкой. Они восхищали легкостью и красотою своего строя, они поражали затѣйливой игрою заманивающей лавы. Они, по признанію всѣхъ иностранцевъ, видѣвшихъ ихъ въ мирное время — были единственной въ мірѣ, неподражаемой и несравненной конницей. *Они были природными конниками.*

Красота ихъ мирнаго полкового быта, съ изъ глубины вѣковъ идущими пѣснями, съ *лихой пляской, съ тѣснымъ и дружнымъ* товариществомъ плѣняла. Служить у казаковъ, служить съ казаками было *мечтой всѣхъ истинно военныхъ людей. Сколько Русскихъ героевъ во*шло въ казачью исторію, благодаря службѣ съ казаками. Отъ Ермаковскихъ бояръ Строгановыхъ въ далекія Іоанновы времена — до П. Н. *Врангеля* въ наши мятежные дни.

Писатели и поэты, художники и ваятели, композиторы и танцмейстеры искали у казаковъ вдохновенія. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, гр. Л. Н. Толстой, Шолоховъ воспѣли ихъ. Виллевальде, Самокишъ и Мазуровскій, французъ Детайль и нѣмецъ Рубо оставили намъ без*смертные холсты съ изображеніемъ* казаковъ. Лансере увѣковѣчилъ ихъ въ бронзѣ, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе художники временъ Отечественной и освободительной войнъ увлекались ими. Цезарь Кюи и Травлинъ имъ посвятили свои оперы, о нихъ пишутъ оперы и въ совѣтскомъ союзѣ. Ихъ сильная, полная красокъ полковая и боевая жизнь плѣняютъ воображеніе художниковъ всякаго рода.

Въ казачьихъ полкахъ и батареяхъ была особая, ни съ чѣмъ несравнимая *красота казачьей удали.*

И раньше, и теперь, въ великую войну казаки были прославлены *и оцѣнены* и любимы всѣми родами войскъ.

Раннее утро. Густой туманъ низко приникъ къ полямъ, затянулъ овраги, въ поросли деревьевъ покрылъ лѣса. Темными островами стоятъ они надъ бѣлымъ моремъ тумана.

www.elan-kazak.ru

Медленно и нерѣшительно подаются впередъ пѣхотныя патрульныя цѣпи. Идутъ ощупью. Война только что началась и необстрѣляна пѣхота, на половину состоящая изъ запасныхъ. Солдаты бредутъ, еле передвигая ноги, останавливаются, прислушиваются, тяжело молчатъ. Никто и не закуритъ... Впереди неизвѣстность. И гдѣ *онъ*, и сколько *его* и что надо дѣлать?

Чуть повѣяло утреннимъ вѣтромъ. Заколыхались, заходили волны тумана, сзади брызнули *солнечные лучи. Вдали, на сжатой нивѣ*, между золотистыхъ копенъ, показались одиночные всадники.

Пѣхота замялась. Жутко идти въ лѣсную глушь.

— Вы не могли-бы помочь своими казаками?..

Въ балочкѣ — звонкая команда сотеннаго командира.

— Сотня, готовься къ пѣшему строю!.. Къ пѣшему строю — слѣзай!

Какъ на ученьи — въ мирное время.

Очень жидкая казачья цѣпь. Будто на охотѣ — облава. Идутъ быстро, согнувшись, на перевѣсъ несутъ винтовки, — легко такъ. Ближе *и ближе* къ лѣсу, презирая свистъ и чмоканіе пуль, разрывы шрапнелей, не оглядываясь на тѣхъ, кто упалъ, сраженный пулею. Вошли въ гущу, исчезли въ ней, какъ лани идутъ, безъ шороха и шума, скользятъ между кустами.

Встала и смѣло пошла за ними навстрѣчу смерти пѣхота. Зашумѣла густыми цѣпями по лѣсу.

Казаки впереди!

Лѣто 1916-го года. Бои на Стоходѣ. Его берегъ, крутой и высокій, стѣной спадаетъ къ водѣ. Стоходъ течетъ въ нѣсколько рукавовъ среди зеленыхъ болотистыхъ луговъ, между перелѣсковъ и островов кустарника. Пѣхотная бригада подошла вплотную къ лугамъ, и нѣтъ силы поднять дальше цѣпи. Страшитъ болото, гдѣ нельзя окопаться, страшатъ водныя пространства рукавовъ Стохода. Отъ командира пѣ*хотной бригады телефонъ* къ начальнику Казачьей дивизіи: — «не поможете-ли своими казачками поднять наши цѣпи? Наша атака захлестнулась».

Кубанцы — двѣ сотни и съ ними пулеметы на вьюкахъ. Сѣрыя черкески, за спинами алые башлыки, черныя бараньи шапки съ красными тумаками, алые бешметы и погоны — ничего «защитнаго». — Развернулись широкою лавою, цѣлый полкъ прикрыли. Впереди на

www.elan-kazak.ru

нарядномъ сѣромъ конѣ командиръ сотни, еще дальше впереди на гнѣдомъ конѣ командиръ дивизіона. Какъ на смотру — чисто равненіе. Легко по луговой мокрой травѣ спорою рысью идутъ горскіе кони, не колышатся въ сѣдлахъ казаки. Прошумѣли по кустамъ и перелѣскамъ, прошли сквозь пѣхотныя цѣпи. Имъ навстрѣчу нѣмецкія батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котломъ кипитъ огонь винтовокъ — чистый адъ съ Любашевскаго берега... Казаки перешли въ наметъ, скачутъ черезъ протоки Стохода, алмазными брызгами сверкаетъ вода изъ подъ конскихъ копытъ. Все скорѣе и скорѣе мчится казачья лава — двѣсти человѣкъ на тысячи нѣмцевъ. Рѣютъ алые башлыки... По брюхо въ водѣ бредутъ кони черезъ главное русло.

Стихъ огонь нѣмцевъ, въ ихъ рядахъ замѣшательство, слишкомъ непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пѣхота встала и съ громовымъ ура бросилась за казаками въ воду. Стоходскій плацъ-д-армъ былъ занятъ...

Казаки проложили дорогу пѣхотѣ.

Осень 1916-го года. У селенія Тоболы, на Стоходѣ, Австро-Германская пѣхота сбила нашу 4-ю Финляндскую стрѣлковую дивизію. Съ такимъ трудомъ завоеванный Червищенскій плацъ-д-армъ занимается нѣмцами.

Изъ штаба III арміи приказъ казакамъ выручить пѣхоту.

Пять нѣмецкихъ аэроплановъ низко рѣютъ надъ казачьей дивизіей, наметомъ скачущей длинной колонной къ жидкому, казаками построенному мосту. Стучатъ съ аэроплановъ пулеметы, часто рвутся бросаемыя съ нихъ бомбы. Аэропланы такъ низко, что отчетливо видны лица летчиковъ. Падаютъ убитыя лошади, вездѣ лежатъ убитые и раненые казаки. Казаки карьеромъ проскакиваютъ по ходуномъ ходящему подъ ними мосту, проходятъ черезъ прорѣзы въ проволокахъ нашихъ укрѣпленій и вотъ они: — передъ изумленной германской пѣхотой разворачивается широкая на четыре версты, захватившая весь плацъ-д-армъ, казачья лава.

Сотни плѣнныхъ... Взятыя съ боя пулеметы. Очищенное отъ врага поле сраженія... Возстановленное положеніе. Казаки выручили свою пѣхоту, Финляндцы вернулись въ свои окопы.

Когда арміи шли впередъ — казаки были впереди армій, когда

www.elan-kazak.ru

отступали — казаки широкой завѣсой прикрывали ихъ отходъ — какъ во времена Наполеоновскихъ войнъ, какъ въ Семилѣтнюю войну противъ Фридриха, какъ въ Турецкія и Польскія войны съ Суворовымъ. Ни броневыя машины, ни самолеты, ни пулеметы, ни скорострѣльныя пушки и полевыя мортиры и гаубицы не измѣнили ихъ дерзновенно-смѣлой казачьей тактики.

Лѣтомъ 1915-го года наши арміи отступали. Не было снарядовъ, не хватало патроновъ. Большія потери были въ пѣхотныхъ полкахъ. Упадалъ воинскій духъ.

Ночь съ 22 на 23 іюля. По большому Влодавскому шляху пылаютъ села и посады. Пожарное зарево кровавымъ блескомъ покрываетъ широкую полосу полей. Сверху свѣтитъ полная луна. Все кажется неестественно страшнымъ и призрачнымъ въ красномъ свѣтѣ пожара и въ мутномъ лунномъ маревѣ. Наша пѣхота отходитъ. Штабъ XIV армейскаго корпуса и всѣ его обозы еще находятся въ посадѣ Савинъ. Необходимо остановить наступленіе нѣмцевъ.

Двѣ сотни Терцевъ 1-го Волгскаго полка и за нимъ 6 сотенъ Кубанцевъ 1-го Линейнаго казачьяго генерала Вельяминова полка вылетаютъ въ сумракъ ночи, озаренный пожарами и луной, проходятъ сквозь цѣпи отступающей нашей пѣхоты и съ дикимъ гикомъ кидаются на нѣмцевъ. Результатъ этой атаки былъ поразительно сильный. На *пять* сутокъ было остановлено наступленіе нѣмцевъ, морально потрясенныхъ ночною дерзкой атакой казаковъ.

Казаки остались на завоеванномъ полѣ и простояли одни эти пять сутокъ, давъ возможность нашей пѣхотѣ пополниться, устроиться и укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ.

Такъ было вездѣ на всемъ двухъ-тысяче-верстномъ фронтѣ Европейскаго театра военныхъ дѣйствій и въ Закавказьи, въ Малой Азіи, гдѣ казакамъ генерала Баратова приходилось выручать англичанъ. Донцы, Кубанцы, Терцы, Уральцы и Сибиряки, Оренбуржцы и Астраханцы, Забайкальцы и Семирѣченцы, Амурцы и Уссурійцы — вписывали страницы подлинной славы въ свои войсковыя исторіи, вплетали лавры въ вѣнки своихъ полковъ.

Потерь не считали. По казачьему завѣту — «объ убитыхъ и раненыхъ» былъ у нихъ свой, «домашній счетъ».

Когда началась смута — казаки не признали власти большевиковъ. Они сражались до послѣдняго, они ушли — не только офицеры — «золотопогонники» — но цѣлыми полками ушли въ изгнаніе въ

www.elan-kazak.ru

твердой вѣрѣ, что еще пригодятся они своимъ роднымъ войскамъ. Тѣ *кому пришлось остаться испивать горькую чашу рабства и насилія*, непрерывно и постоянно, несмотря на жесточайшій терроръ и ссылки на сѣверъ на вѣрную смерть волнуются, поднимають то на Дону, то на Кубани, то на Кавказѣ возстанія и только ждутъ удобнаго случая, чтобы свергнуть проклятую власть пролетаріата.

Казаки не согнулись и не сдались.

И вѣрю я, что, *когда начнетъ разсѣиваться уже не утренній туманъ*, но туманъ историческій, туманъ международный, когда прояснѣютъ мозги задуренныхъ ложью народовъ, а Русскій народъ пойдетъ въ «послѣдній и рѣшительный» бой съ третьимъ интернаціоналомъ и будетъ та нерѣшительность, когда идутъ первыя цѣпи туманнымъ утромъ въ неизвѣстность — вѣрю я — увидятъ Русскіе полки за рѣдѣющей завѣсой историческаго тумана родныя и дорогія тѣни легкихъ казачьихъ коней, всадниковъ, будто парящихъ надъ конскими спинами, подавшихся впередъ, и узнаетъ Русскій народъ съ величайшимъ ликованіемъ, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долгъ передовой службы — чтобы, какъ всегда, какъ въ старину, одиннадцатью крупными жемчужинами казачьихъ войскъ и тремя ядрышками бурмицкаго зерна городовыхъ полковъ вновь заблистать въ дивной коронѣ Имперской Россіи.

www.elan-kazak.ru

Уральскіе казаки со своимъ атаманомъ М. Д. Бородинымъ въ походѣ Суворова, въ 1790 г.
(по картинѣ К. Hess, гравировалъ Grenlher).

37

www.elan-kazak.ru

В. КРЮКОВЪ.

ВЪ СВОЕЙ СРЕДѢ

Боевая слава казаковъ создала для нихъ особое положеніе въ русской арміи по отбыванію воинской повинности. Число полевыхъ частей мирнаго времени утраивалось съ первыхъ же дней мобилизаціи. Рядовые казаки для этого увеличенія частей, оставаясь у себя по станицамъ должны были сохранять полную готовность на случай выступленія съ своимъ конемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ. Нужное количество офицеровъ для этихъ полковъ находилось въ отпуску, на льготѣ, и они чередовались службой съ офицерами полевыхъ частей черезъ каждые три, четыре года. Льготу можно было бы назвать привилегіей для казачьихъ офицеровъ, если бы она не имѣла значительныхъ недостатковъ въ служебномъ и житейскомъ отношеніи: длительная бездѣятельность понижала ихъ служебный уровень и создавала бродячесть въ ихъ жизни. На ограниченное количество командныхъ *вакансій въ полевыхъ частяхъ было обиліе кандидатовъ, что очень* тормозило производство въ старшихъ чинахъ. Уже для есауловъ создавалась почти безнадежность повышенія и, въ большинствѣ, они уходили въ отставку съ производствомъ въ войсковые старшины. Окружныя станицы и, особенно, Новочеркасскъ были ими полны. Почти всѣ *они выходили изъ одного военнаго училища, «кочевую» службу* проходили по тѣмъ же полкамъ и лагерямъ, что опредѣляло ихъ взаимную связь, знакомства, близость и родственность.

Такимъ положеніемъ создался въ казачествѣ типъ отставного войскового старшины въ покойной, лѣнивой, сытой жизни на пенсіи, чаще въ собственномъ домикѣ. Личная жизнь ограничивалась домашними заботами, — воспитаніемъ дѣтей въ Донскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Донскомъ женскомъ Маріинскомъ институтѣ. Общественная жизнь и интересы сохранились на военно-служебной почвѣ и сосредоточивались въ офицерскомъ собраніи. Армейская газета «Русскій Инвалидъ» и «Областныя вѣдомости» являлись источникомъ питанія

www.elan-kazak.ru

ума, профессіональной страсти и средствомъ «почесать языкъ». Политики въ то время не было, а новости кухарки съ базара были также жгучи. Игра въ карты по маленькой занимала все свободное время. Кромѣ установленныхъ очередныхъ дней для винта и преферанса съ полуночнымъ ужиномъ въ перерывѣ, измышлялись всевозможные предлоги для собраній: крестины, имянины, дни рожденій, обмывка покупокъ, переходъ дѣтей въ слѣдующій классъ и т. п. Обильные ужины съ пирогами и кулебяками славились изобрѣтательностью новой закуски, или какой либо необычайной настойки. Анекдоты, шутки, сплетни служили здѣсь пищеварительнымъ средствомъ въ помощь самодовольству и покойному добродушію.

Конечно, и въ этой жизни вспыхивали временами страсти и ссоры, но онѣ лишь поверхностно волновали густо сложившійся покой и растворялись въ немъ, не нарушая нравовъ своей среды.

Въ отставкѣ войсковой старшина Пономаревъ жилъ въ собственномъ домѣ на Воспитательной улицѣ, въ Новочеркасскѣ. Домъ былъ купленъ цѣною экономій, составленныхъ за тридцатилѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ; точнѣе же — за послѣдніе годы службы, когда онъ трижды командовалъ сотней. Не задолго до великой войны, сынъ его Владиміръ отлично кончилъ Донской кадетскій корпусъ и порывался было поступить въ военно-инженерное училище, но отецъ воспрепятствовалъ отходу единственнаго сына отъ казачества и не хотѣлъ отпустить его отъ себя дальше Новочеркасскаго военнаго училища. Да и Володя былъ не твердъ въ своемъ стремленіи, не желая разставаться надолго съ Лидой Кононовой, другомъ дѣтства и юности, кончающей теперь Донской институтъ. Въ ихъ возрастѣ наступало время, когда сосѣдская близость, неразлучность и дружба порождають то крѣпкое чувство связи, которое не опредѣляетъ еще любовь, но силою привычки предрѣшаетъ судьбу. Увѣренность въ своемъ будущемъ разумѣлась Володей лишь въ этихъ двухъ направленіяхъ: быть офицеромъ и мужемъ Лиды. Эта увѣренность раздѣлялась и поощрялась ихъ родителями, которые давно уже въ шутку назывались сватами. Отцы двухъ семействъ также съ юности были близки между собою, вмѣстѣ окончивъ военное училище. Войсковой старшина Кононовъ, отецъ Лиды, служилъ завѣдующимъ коннозаводствомъ при Окружномъ управленіи въ Новочеркасскѣ и это онъ посовѣтовалъ своему другу, отцу Володи, купить сосѣдній съ нимъ домъ. Домъ Кононовыхъ былъ большой и нарядный, съ садомъ и конюшней, въ которой содержалась пара рослыхъ выѣзд-

www.elan-kazak.ru

ныхъ лошадей. Эта роскошь по Новочеркасску объяснялась наличіемъ у Кононовыхъ наслѣдственной земли въ Таганрогскомъ округѣ, которая сдавалась хохламъ въ аренду. Иначе, — откуда бы выѣздъ? Всѣ подозрѣвали бы что-то неладное.

Сосѣди въ Новочеркасскѣ если не были врагами, то интимная дружба ихъ крѣпилась такой общностью, въ которой свое и чужое теряло предѣлъ даже въ мысляхъ и переживаніяхъ. Только кухарки этихъ двухъ семей были ревнивы ко всему своему домашнему, да и то лишь въ силу непреодолимаго желанія болтовни. На одномъ рѣшеніи и онѣ сходились: «неминуемой свадьбѣ быть, какъ только нашъ Володя выйдетъ въ офицерья».

Такъ издавна велась, сплеталась и крѣпилась жизнь въ одинъ клубокъ своей среды. Быть внѣ его казалось труднымъ и обрекало на борьбу съ чѣмъ то постороннимъ, какъ и съ самимъ собой. Такъ воспринялъ свою судьбу и Володя, послѣ производства въ офицеры. Воспитанный въ чувствѣ выполненія долга, онъ переживалъ теперь радость и ожидалъ обрученія съ Лидой, какъ завершенія счастья въ своей жизни, которое отсрочивалось изъ за формальныхъ причинъ.

Увѣренность въ ея любви къ себѣ Володя безъ словъ читалъ въ нѣжности, преданности и вѣрности ея чуткой и отзывчивой натуры. Эти же чувства крѣпили его долгъ передъ Лидой. Въ полкъ Володя уѣхалъ съ предрѣшенной судьбой своего будущаго.

Великая война и вслѣдъ гражданская путали намѣченные планы, но ихъ не порывали. Короткіе отпуска съ фронтовъ ихъ сближали теперь еще и страстью, которую Володя сдерживалъ, оберегая завѣтную чистоту своего счастья передъ неопредѣленностью происходящихъ событій.

По эвакуаціи Донской Арміи въ Крымъ молодой полковникъ Владиміръ Пономаревъ оказался въ Евпаторіи одинъ, безъ семьи. Онъ слышалъ, что семья Кононовыхъ отходила съ арміей по Кубани, но онъ не зналъ — гдѣ теперь Лида. Курортный городъ съ множествомъ прекрасныхъ виллъ и дачъ былъ предназначенъ для покоя и удовольствія. Весна и лѣто на крымскомъ берегу моря съ отличнымъ песчанымъ пляжемъ, предоставили казакамъ, удобно здѣсь размѣстившимся, заслуженный ими отдыхъ послѣ долгихъ, злосчастныхъ потрясеній. Тяжкія думы о родномъ краѣ стихали подъ нѣжный шорохъ волнъ на пляжѣ, который такъ ласково грѣлъ тѣло животворящею силою лучей весенняго солнца. Загрубѣвшіе войной нравы радостно

www.elan-kazak.ru

теперь спѣшили использовать дни счастливой передышки. Все создавало надежду на близкіе успѣхи.

Молодежь, свободная пока отъ фронта, искала удовольствій и находила ихъ, то на пляжѣ, гдѣ встрѣчи были такъ томительны и жгучи запретной близостью прелестной наготы, то въ прекрасномъ ресторанѣ «Дюльберъ» на берегу моря, гдѣ скрипки плакали цыганскимъ зноемъ счастья, то въ карточномъ азартѣ ловился мигъ обогащенья, то въ тишинѣ садовъ у дачъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ, гдѣ страстью трепетныя губы краснѣли ярче сочныхъ крымскихъ яблокъ.

Долго Володя искалъ знакомства съ барышней, которую онъ выдѣлилъ сначала взглядомъ конника на пляжѣ и часто встрѣчалъ въ «Дюльберѣ», всегда окруженную молодежью. Красивая, стройная, элегантно одѣтая блондинка съ манерами хорошо воспитаннаго человѣка, произвела большое впечатлѣніе на томящагося одиночествомъ Володю. Случай помогъ его намѣренію. По комендантскому ордеру ему была отведена комната въ домѣ богатаго караима, гдѣ жила и эта барышня. При первой же съ ней встрѣчѣ въ домѣ было ясно для Володи, *что она искала съ нимъ знакомства.*

— Когда мнѣ сказали, что въ кабинетъ вселили молодого офицера, я была увѣрена, что это вы.

— Странно. Это просто случай, хотя и счастливый для меня.

— У умныхъ людей случаи покорны.

— Благодарю васъ. Но умныхъ людей много.

— Они вамъ и помогли.

Вскорѣ же выяснилось, что зовутъ ее Лидіей Петровной; она дочь банкира, живущаго въ Кіевѣ. Ходомъ событій она принуждена была оставаться въ Крыму и живетъ теперь въ домѣ караима въ качествѣ учительницы французскаго языка для двухъ его дочерей. Умна тою практическою сметкой, которая опредѣляется чувствомъ мѣры и приспособляемостью къ жизни. Въ веселой бойкости ея рѣчи видна расчетливость знающаго себѣ цѣну человѣка, какъ и своихъ поступковъ. Постоянныя встрѣчи, прогулки и ужины становились теперь все болѣе и болѣе уединенными. Дружба ихъ сначала осторожно подстраивалась, затѣмъ крѣпла въ интимность и, если бы не обоюдная сдержанность, могла вскорѣ же превратиться въ страсть. Свои отношенія къ Лидіи Петровнѣ Володя сознательно относилъ къ «углубленному флирту», который не разъ уже имъ легко переживался за время войны, а свою основную преданность Лидѣ Кононовой онъ считалъ

www.elan-kazak.ru

нерушимой. Искренность и прямота натуры Володи сказались въ одномъ изъ душевныхъ разговоровъ съ Лидiей Петровной и онъ ей признался, что у него есть невѣста.

— Я тоже считалась невѣстой въ Кiевѣ, но послѣдую лишь зову моего сердца.

Володя понималъ, что при свободномъ развитiи ихъ взаимоотношенiй бракъ съ Лидiей Петровной будетъ неизбѣженъ. Острота близости съ ней и страсть заглушали все болѣе и болѣе чувство воспринятаго имъ долга къ своей Лидѣ, гдѣ будущность была такъ счастливо опредѣлена. Вѣроломность событiй разрушала теперь эту надежду, и отсутствiе свѣдѣнiй о Лидѣ Кононовой, можетъ быть навсегда для него потерянной, — склоняли Володю къ мысли укрѣпиться въ *настоящемъ, которое такъ заманчиво складывалось въ праздной, курортной* жизни. Случайное совпаденiе именъ двухъ Лидiй, создававшее *путаницу въ его внутренней борьбѣ между долгомъ и чувствомъ*, казалось ему теперь какимъ-то фатальнымъ оправданiемъ передъ далекой Лидой, туманившейся въ его сознанiи передъ ясностью другой Лиды.

Лидiя Петровна также видѣла и понимала эту борьбу въ Володѣ и, увѣренная въ успѣхѣ, предоставила времени сдѣлать свое дѣло.

На вечерней прогулкѣ съ Лидiей Петровной въ городскомъ саду Володя встрѣтилъ Олю Платонову, близкую подругу Лиды Кононовой.

— Володя, да вы здѣсь! А Лида спрашивала меня изъ Севастополя, — не имѣю ли я о васъ свѣдѣнiй?

— Она въ Севастополѣ?.. Одна?

— Нѣтъ, съ родителями. Папа ея устроился тамъ въ интендантствѣ. Я напишу ей, что встрѣтила васъ здѣсь... и, кажется, не скучающимъ...

Растерянность и озабоченность въ чувствахъ Володи вызывали теперь болѣе жгучiе поцѣлуи Лидiи Петровны. На ихъ любовь по*вѣялъ тотъ холодный вѣтерокъ, который или раздуваетъ ее въ пламя* или заглушаетъ.

Черезъ три дня, ужиная съ Лидiей Петровной въ «Дюльберѣ», Володя вдругъ замѣтилъ входящую Лиду съ семьей Платоновыхъ. Онъ бросился ей на встрѣчу, оставивъ за столикомъ Лидiю Петровну одинокой.

Блестящiй радостью и счастьемъ взоръ Лиды замѣтилъ тревож-

www.elan-kazak.ru

ное состоянiе Володи. Послѣ вопросовъ о своихъ родныхъ Лида спросила:

— Что съ вами Володя? Вы ужинаете съ нами?

— Нѣтъ, я не одинъ. Но я приду васъ проводить.

Возвратившись за свой столикъ, Володя увидѣлъ ту особую оживленность первнаго подъема Лидiи Петровны, бравада которой такъ дается самоувѣреннымъ людямъ, умѣющимъ владѣть собою и вниманiемъ окружающихъ. Залъ ресторана былъ полонъ преимущественно казачьей публикой, настроенiе которой подогрѣвалось въ мѣру выпитаго. Печальная, молчаливая фигура Лиды, въ лучистыхъ глазахъ которой Володя видѣлъ всю глубину ея горести, представляла полный контрастъ веселой, элегантной Лидiи Петровны. Услужливый скрипачъ, склонившись надъ ней, вторилъ ея умѣлому контральто:

Молчи, грусть, молчи,
Не тронь старыхъ ранъ...

Привлеченное вниманiе къ ихъ столику, фальшь веселья Лидiи Петровны и ея вызывающiй тонъ раздражали Володю.

Въ залъ вошелъ Донской Атаманъ съ супругой. Музыка и пѣнiе прекратились; всѣ встали, кромѣ Лидiи Петровны.

— Въ этихъ случаяхъ лучше слѣдовать примѣру другихъ, — сдерживая раздраженiе сказалъ Володя.

— Иногда выгодно идти противъ теченiя.

— Вы такъ увѣрены въ своей силѣ?

— Скромностью городовъ не берутъ.

— Но ею украшается разумъ...

— Вы начинаете быть дерзкимъ.

— Простите. Поймите же мое состоянiе... Лучше, если мы скорѣе окончимъ ужинъ и уйдемъ.

Вошелъ адъютантъ Войскового Атамана и подалъ ему телеграмму. Радостная улыбка на всегда спокойномъ лицѣ ген. Богаевскаго привлекла общее вниманiе. Гомонъ стихъ.

— Господа, я хочу подѣлиться съ вами счастливою новостью. Вторая донская атаманская дивизiя блестящимъ маневромъ и боемъ разгромила красныхъ подъ Н., захвативъ городъ, пять тысячъ плѣнныхъ, 30 орудiй. Ура! молодцамъ, нашимъ братьямъ!». Поднялся шумъ и крики ура! Браво! Лихой дивизiи скорой помощи! Гимнъ!

Радость боевого успѣха донцовъ углублялась здѣсь до восторга и гордости сознанiемъ семейственной близости съ доблестными геро-

www.elan-kazak.ru

ями дня. Заглушая оркестръ, мощно разлился напѣвъ дружнаго хора: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихій Донъ»... Всѣ встали. Лидія Петровна сидѣла. Озлобленный, упорный взглядъ на нее Володи невольно перенесся на свою Лиду, на лицѣ которой такъ ясно отразился теперь общій радостный восторгъ. Гимнъ оконченъ. Всѣ сѣли.

— Какой молодецъ Врангель!

Какая она вся чужая! Впервые такъ подумалъ *Володя*, какъ бы въ отвѣтъ на ея слова.

— Я *долженъ проводить васъ немедленно; у меня есть дѣло въ* связи съ моимъ отъѣздомъ на фронтъ.

— Но мы не кончили...

— Нѣтъ, мы кончили! — твердо произнесъ Володя.

Молча шли они до дома. Учитывая важность момента, Лидія Петровна хотѣла лаской возстановить ихъ близость:

— Мой милый казакъ! Я была не права сегодня. Прошу меня простить.

— Да, я казакъ! И это вы не учли. Поздно, — мы разные люди. Я уѣзжаю на фронтъ... къ своимъ.

Возвратившись въ «Дюльберъ», гдѣ Платоновы его встрѣтили шуткой «о бѣглецѣ изъ стана своихъ», *Володя* почувствовалъ облегченіе, покой и благорасположенность людей, въ средѣ которыхъ, въ *силу нажитой привычки къ взаимности, образуется своя семейственность*, въ которой радость и горе крѣпятъ ея связь.

Раскрыть передъ Лидой рѣшительность своихъ намѣреній съ полной откровенностью Володя считалъ необходимымъ теперь же. Это было понято всѣми, когда онъ предложилъ Лидѣ проводить ее до дома. Володѣ трудно было изложить свое признаніе, которое могло оскорбить чистоту ея чувствъ къ нему. Неловкое молчаніе прервала Лида вопросомъ, который ее такъ волновалъ:

— Кто эта барышня? Она красива и эффектна, но...

— Что — но?

— Она какая-то вся... чужая. Это замѣтили всѣ наши.

— *Милая Лида*, я прошу васъ вѣрить моей искренности. *Я* сю увлекался довольно серьезно... Но только теперь замѣтилъ, что она *мнѣ чужая. Я понялъ это, увидѣвъ ее впервые на своемъ, такъ сказать*, казачьемъ фонѣ, случайно сложившимися обстоятельствами этого вечера. Глубина и искренность вашей скорби обо мнѣ, которую я такъ

www.elan-kazak.ru

ясно видѣлъ въ вашихъ глазахъ, послужила мнѣ источникомъ для борьбы съ моимъ увлеченіемъ. Я понялъ также, что безъ этого источника, всего мнѣ родного, я опустошу свою жизнь. Если вы меня поняли Лида и простили...

— Понять мнѣ васъ не трудно: я выросла у того же источника. Для прощенія же — у меня есть большее чувство, чѣмъ скорбь о васъ...

Они вошли въ садъ дачи Платоновыхъ надъ берегомъ моря. Полный лунный свѣтъ клалъ узоры сквозь листья деревьевъ на песокъ аллеи и бѣлое платье Лиды. Передъ ними аллея продолжалась въ даль недвижной синевы моря яркой полосой игривыхъ, серебристыхъ блестокъ. Чуть тронутая нѣгой моря тишина сада была еще полна зноемъ южнаго іюльскаго дня.

Володя обнялъ талію Лиды и, медленно привлекая ее къ себѣ, нѣжно сказалъ:

— Лида, по этой дорогѣ... на всю жизнь. Да?

— Да, — чуть слышно прошептала Лида, — вмѣстѣ, и до смерти!

Поцѣлуи, ласки, слезы радости въ тишинѣ луннаго сада создали покой полнаго счастья.

— Какъ тихо и хорошо въ душѣ. Какъ будто тамъ установилось *все на свое мѣсто.*

— Да, да, Володя! Какъ будто мы пришли къ себѣ домой и нашли все привычное въ порядкѣ. Знаете, какъ я всегда представляла себѣ этотъ моментъ: обязательно весной, какъ обычно, послѣ ужина, два папы съ мамой садятся доигрывать пульку, а мы въ саду. Послѣ нашего признанія мы идемъ въ гостиную и объявляемъ, что мы женихъ и невѣста. Знаете, что отвѣтилъ бы вашъ папа: «Семь пикъ! Дайте же закончить дѣло. Сногсшибательныя новости надо говорить за ужиномъ». Заохали бы слезливыя мамы и начался бы споръ — кто заготовилъ лучшее шампанское для этого случая.

Подъ ихъ радостный смѣхъ воспоминаній послышался на улицѣ гомонъ семьи Платоновыхъ, возвращавшейся веселой компаніей изъ ресторана. Не отнимая рукъ отъ объятій они пошли по аллеѣ къ калиткѣ на встрѣчу входящимъ.

— Позвольте вамъ представить мою невѣсту, — торжественно и радостно сказалъ Володя.

— Браво! я угадала, — закричала Оля.

— Нечего было и гадать. Я же сказала, что все образуется, какъ слѣдуетъ, — цѣлуя Володю и Лиду, сказала мать Оли.

www.elan-kazak.ru

Передъ отъѣздомъ Володи на фронтъ было условлено, что Лида останется у Платоновыхъ въ Евпаторіи, куда должны были вскорѣ переѣхать ея родители изъ Севастополя.

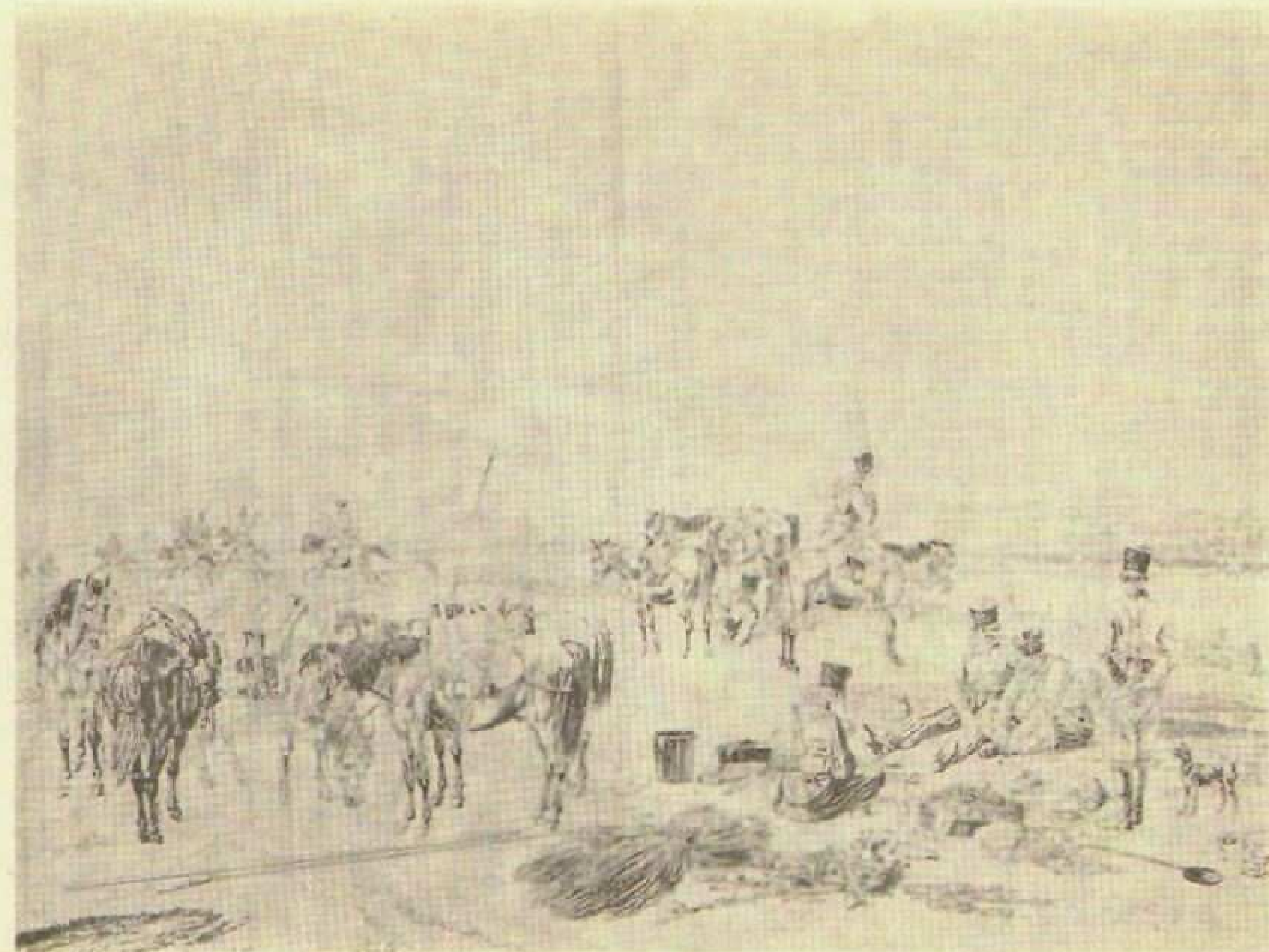
Фронтъ рухнулъ внезапно и все стремительно покатилось назадъ къ крымскимъ портамъ на пароходы. Володя прибылъ въ Евпаторію въ день эвакуаціи. Дача Платоновыхъ была пуста. Два парохода, стоявшіе недалеко отъ берега, были уже полны, но съ лодокъ принимали запоздавшихъ.

Поиски Володи въ городѣ и въ толпѣ на пристани были напрасны. На нанятой лодкѣ онъ объѣхалъ первый пароходъ, но и здѣсь его разспросы оказались безрезультатными. Тревожные гудки пароходовъ торопили. Володя рѣшилъ подняться на второй пароходъ, будучи увѣреннымъ найти тамъ Лиду и Платоновыхъ. Съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, онъ обошелъ всѣ помѣщенія переполненнаго парохода, но ихъ не нашелъ. Съ кормы Володя тревожно всматривался въ толпу на берегу моря, надѣясь увидѣть Лиду, которая еще имѣла бы возможность попасть на пароходъ. Наростала тревога и растерянность — что предпринять? Частые, рѣзкіе гудки сжимали сердце предчувствіемъ роковой разлуки. Вдругъ Володя замѣтилъ на набережной женщину въ бѣломъ платьѣ, бѣгущую къ толпѣ на пристани. Сердце всрянуло радостью, — она! И въ тотъ же моментъ вблизи него, на кормѣ, заскрежетала лебедка якоря. Поднявшись на горку скрученнаго каната, Володя размахивая руками и фуражкой, дѣлалъ призывные жесты. Онъ видѣлъ теперь Лиду впереди толпы на берегу, ея протянутыя къ пароходу руки и жесты отчаянія. Володя метался по пароходу, разыскивая капитана, крича угрозы и проклятія. Поздно! Внизу ворчала машина; пароходъ уходилъ. Возвращаясь на корму, онъ различалъ еще бѣлую фигуру Лиды. Вдругъ, безнадежно взметнулись ея *руки и она упала на песокъ берега у воды. Послѣднимъ видѣніемъ* любимой невѣсты была ея бѣлая фигура на сѣромъ фонѣ толпы, поднятая съ земли съ распростертыми руками въ стороны.

— Распятая любовь! — подумалъ цѣпенѣющій въ отчаяніи Володя. Какъ отъ порыва свѣжей раны, струились слезы по его скорбному лицу. Трепетныя плачемъ губы чуть слышно повторяли, — прости, прости!

А кругомъ — безкрайніе, холодные просторы моря, тоскливо и безнадежно открывали путь въ пустоту невѣдомой жизни чужбины.

www.elan-kazak.ru

Казаки въ сторожевомъ охраненіи.
(рисовалъ W. Kobell въ 1804 г., гравировалъ F. Geissler).

www.elan-kazak.ru

Александръ ТУРОВѢРОВЪ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

«Запомнимъ, запомнимъ, до гроба
Жестокую юность свою».

— «Вы помните эти ноябрьскіе дни въ Новочеркасскѣ? Это были замѣчательные дни: Корниловъ формировалъ Добровольческую армію, Калединъ взывалъ къ казачеству. Но казаки, вернувшись съ фронта, были глухи къ призыву своего атамана — война имъ надоѣла, — и мы — юнкера, кадеты, гимназисты, разоруживъ пѣхотную бригаду въ Хотункѣ подъ Новочеркасскомъ, пошли брать возставшій Ростовъ.

Кто то изъ писателей, кажется, Бунинъ, увѣрялъ, что каждый человѣкъ имѣетъ въ своей юности одну необыкновенную весну, которую онъ помнитъ потомъ всю свою жизнь. Такой весны у меня не было; но, вотъ, эту зиму, очень снѣжную и мятельную, эти дни великолѣпнаго переполоха, когда все летѣло къ чорту, и, не успѣвшимъ попасть на *фронтъ, было разрѣшено стрѣлять и совершать подвиги у себя дома*, это неповторимое время Атамана Каледина, я запомнилъ твердо и навсегда.

И теперь, черезъ двадцать лѣтъ, у меня все еще захватываетъ духъ, какъ на качеляхъ, даже отъ этого дряннаго парижскаго намека на зиму, отъ этого тумана, — кажется: вотъ сейчасъ пойдетъ снѣгъ, ис-

www.elan-kazak.ru

чезнетъ городъ, бахнетъ орудіе и надо будетъ идти въ бѣлую муть, загоняя на ходу въ винтовку обойму.

Итакъ, мы ѣхали брать Ростовъ. Я былъ взводнымъ портупей-юнкеромъ, и со своимъ взводомъ долженъ былъ нагнать сотню, которая уже ушла подъ Ростовъ.

Мы сидѣли на вокзалѣ и ждали. Паровозъ съ однимъ вагономъ долженъ былъ насъ везти въ полночь. Пассажирскіе поѣзда не ходили; вокзалъ былъ пустъ; но около голой буфетной стойки стоялъ съ салфеткой извѣстный всему городу старикъ лакей — ему некуда было уходить. Юнкера спали на сдвинутыхъ стульяхъ; я дремалъ, облокотясь на столъ. Меня разбудилъ толчекъ въ плечо. Я вскочилъ.

Передо мной стоялъ въ короткой мѣховой кожаной курткѣ (такія куртки надѣли тогда всѣ партизаны), и простой солдатской папахѣ худощавый, невысокій мальчикъ съ поразительнымъ цвѣтомъ лица и темными черкесскими глазами.

— Слушайте, юнкеръ (по голосу я сразу узналъ дѣвушку), — возьмите меня съ собой. — Торопясь и волнуясь, она разсказала, что звать ее Кира, что она институтка, но что теперь не время учиться. Она хочетъ воевать. Запретить ей это никто не можетъ: мать ея гдѣ то далеко въ станицѣ, а отецъ убитъ на войнѣ. Не съ нами, такъ она сама пойдетъ подъ Ростовъ, вотъ только бы ей раздобыть винтовку.

— Я стрѣляла дома изъ дробовика. И очень хорошо. Впрочемъ, я не навязываюсь, — закончила она сердито.

Вы понимаете это время? Могъ ли я, полный жажды необычайныхъ приключеній, отвѣтить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ согласія?

Щелкнулъ шпорами, представился и попросилъ Киру, во избѣжаніе болтовни среди юнкеровъ, считать меня своимъ кузеномъ. Брать добровольцевъ изъ знакомыхъ намъ, юнкерамъ, разрѣшалось.

Черезъ часъ паровозъ, неистово свистя и разсыпая искры, несъ насъ къ Ростову. Двери товарнаго вагона были открыты, черный вѣтеръ летѣлъ мимо, и мы пѣли пѣсни. А уже на разсвѣтѣ я лежалъ на мерзлой пахотѣ и стрѣлялъ изъ винтовки по мглистой сизой громадѣ города. Кира лежала рядомъ. Я ей досталъ карабинъ; онъ здорово отдавалъ; у нея, навѣрное, ломило плечо, но на мой вопросъ она сердито отвѣтила:

— Не выдумывайте ерунды; это, навѣрное, у васъ нѣжныя плечи.

Рѣдко позади насъ стрѣляло наше орудіе, и снарядъ, шепеляво свистя, ухалъ, разрываясь гдѣ то далеко впереди.

www.elan-kazak.ru

Ростовъ отвѣчалъ намъ двумя-тремя пулеметами; пули пѣли надъ нами. Въ полдень предполагалось атаковать городъ.

Кира стрѣляла рѣзво, но, конечно, не цѣлясь, хотя и цѣлиться, собственно было не во что. Загоняя обойму, она прихватила затворомъ палецъ: ноготь сразу посинѣлъ, но она небрежно сказала:

— Карабинъ не въ порядкѣ и, вообще, я жалѣю, что связалась съ вами: опасности никакой, только скучаешь на вѣтру.

Въ это время меня позвали къ командиру сотни. Въ желѣзнодорожной будкѣ полковникъ мнѣ сказалъ:

— Надо по два человѣка отъ взвода, всего восемь отъ сотни, въ одну экспедицію. Желательны добровольцевъ. Цѣль экспедиціи будетъ сообщена въ Новочеркасскѣ, куда на паровозѣ эти восемь человѣкъ должны прибыть сегодня въ полдень. Если хотите, можете ѣхать и вы; но предупреждаю — походъ очень рискованъ.

Я согласился и черезъ полчаса привелъ семь добровольцевъ къ ожидающему насъ паровозу; среди нихъ была Кира.

Полковникъ поморщился и сказалъ:

— Храбрость похвальна въ женщинѣ, но женщина не создана для войны; впрочемъ, валяйте!

Въ Новочеркасскѣ намъ выдали бомбы и револьверы; мы сняли шпоры, сорвали погоны и чернильнымъ карандашемъ написали на плечахъ шинелей цифру 41; на Соборной площади насъ ожидало пять парныхъ тачанокъ и пятнадцать юнкеровъ артиллеристовъ, тоже съ бомбами и безъ погонъ. Начальникъ нашего отряда небольшой, ловкій поручикъ Строевъ, весело щурясь, объяснялъ задачу:

— Въ Добровольческой арміи нѣтъ ни одного орудія; казаки пушекъ изъ своихъ батарей не даютъ. Калединъ указалъ Корнилову на единственный выходъ изъ положенія: въ селѣ Лежанка, на границѣ Донской области и Ставропольской губерніи сейчасъ находятся части 39 пѣхотной дивизіи — головной отрядъ карательной экспедиціи, идущей противъ насъ съ Кавказскаго фронта; съ ними батарея, мы должны ее взять и доставить пушки сюда. Ѣдемъ мы подъ видомъ демобилизованныхъ казаковъ 41 полка. Понятно?

— Такъ точно! — отвѣтили мы, сѣли въ тачанки и, спустившись по Крещенскому спуску, веселой рысью выѣхали въ степь въ синіе снѣга.

Прошлая безсонная ночь и этотъ день мнѣ казались безконечно длинными, а сидящая рядомъ со мной Кира давно знакомой, почти родной. Но разговаривали мы съ ней мало; она, отвернувъ мѣхъ папахи на

www.elan-kazak.ru

уши и засунувъ руки въ рукава куртки, на мои попытки завязать разговоръ отвѣчала неохотно, скупо.

Кормили лошадей уже поздно вечеромъ въ станицѣ Богаевской. Къ намъ, на постоялый дворъ, пришелъ станичный атаманъ, пришли казаки старики. Принесли вина. Казаки знали, что мы юнкера, пили съ нами вино, кричали ура и грозились разнести большевиковъ.

Я подошелъ къ дремавшей въ углу Кирѣ со стаканомъ чудесныхъ зыморозковъ и началъ тостъ — что то насчетъ огненныхъ глазъ, освѣщающихъ намъ путь, — но она меня перебила:

— Боже мой, какая ерунда! Оставьте меня въ покоѣ. Я хочу спать.

Выѣхали изъ станицы передъ разсвѣтомъ, казаки провожали насъ и пѣли пѣсни. Сидѣлъ я опять съ Кирой рядомъ на задней тачанкѣ. Лошади бѣжали ровной рысью, визжали по накатанному снѣгу колеса.

Кира раза два толкнула меня плечомъ; я подвинулся ближе къ ней, робко протянулъ руку и осторожно обнялъ за талію. Ея тѣло худое и крѣпкое покорно прижалось ко мнѣ и голова опустилась на мое плечо. Я губами коснулся ея папахи, ея лба, рѣсницъ и потихоньку поцѣловалъ закрытые глаза; она сонно вздохнула. Я впился въ ея ротъ; она тихо ахнула, больно укусила меня за нижнюю губу и прошептала (я никогда не забуду этого свистящаго отъ злобы шопота):

— Вы хамъ, нахалъ. Если эта гадость еще повторится — я буду стрѣлять.

Стало свѣтать. Губа болѣла и распухла — пришлось выдумать, что со сна ударился о винтовку. До слѣдующей остановки на какомъ то хуторкѣ, Кира сидѣла ко мнѣ спиной, а когда поѣхали дальше, то она была уже на другой подводѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Строевымъ.

Вы знаете Задонскія степи?

Цѣлина, на сорокъ верстъ кругомъ видно, рѣдкіе зимовники, косяки кобылъ, да стога сѣна. Зимой же какая то сплошная бѣлесая муть, — гдѣ небо, гдѣ земля — не разберешь и, кажется, дорога никогда не кончится.

Ѣхали мы, ночуя по зимовникамъ дня три, пока нашъ начальникъ не сдѣлалъ дневки. Хозяинъ богатаго зимовника, гдѣ мы дневали, громадный бородатый старикъ принялъ насъ, какъ родныхъ. Намъ отвели большой флигель, принесли горячей воды и мы, впервые за всю дорогу помылись, побрились.

Въ домѣ насъ ждали съ обѣдомъ. Мы высыпали изъ флигеля ве-

www.elan-kazak.ru

селой толпой на широкій снѣжный дворъ. Вдругъ Кира подошла къ поручику Строеву и неловко, по-женски, взяла подъ козырекъ:

— Господинъ поручикъ, — голосъ ея сорвался и перешелъ въ крикъ: — господинъ поручикъ, я прошу вашей защиты. Юнкера клянутся мнѣ въ любви и лѣзутъ цѣловаться. И этотъ, и этотъ, и этотъ... — Кира указала на меня, на трехъ другихъ юнкеровъ. — Господинъ поручикъ, я не хочу заниматься ерундой, я хочу воевать. Они думаютъ, что я не умѣю стрѣлять!

Кира выхватила наганъ и выстрѣлила въ сидящую на плетнѣ ворону; ворона каркнула и нехотя полетѣла прочь.

Кира выстрѣлила еще разъ ей вслѣдъ и бросила револьверъ въ сугробъ, лицо ея пылало, по щекамъ текли слезы.

— Господа юнкера, — закричалъ поручикъ Строевъ и голосъ его зазвенѣлъ какъ труба, — господа будущіе офицеры, кто изъ васъ не знаетъ, какъ себя вести, того я научу. Будьте увѣренны! А вамъ, партизанъ, я категорически запрещаю плакать.

И, круто повернувшись, увелъ за собою юнкеровъ въ домъ.

Я поднялъ со снѣга револьверъ и протянулъ его Кирѣ.

— Простите меня, сказалъ я ей: клянусь, никогда больше я не дерзну прикоснуться къ вамъ. Будемъ друзьями.

Она кивнула головой.

— Хорошо. Но Боже мой, какой позоръ! Я не попала въ ворону.

За столомъ мы сидѣли рядомъ, ѣли замѣчательно вкусные вареники и слушали нашего хозяина. Онъ разсказывалъ удивительныя вещи о своихъ косякахъ, о маткахъ и жеребцахъ. Въ громадной столовой намъ чудилось ржаніе лошадей.

На разсвѣтѣ мы выѣхали къ Великокняжеской, но не доѣзжая Маныча, повернули направо и гнали лошадей, не останавливаясь, до какого то маленькаго зимовника, гдѣ, напугавъ престарѣлую хозяйку, завалились спать и спали двѣнадцать часовъ.

Лежанка была въ семи верстахъ.

На другой день, рано утромъ, поручикъ Строевъ, взявъ меня за кучера, поѣхалъ на саняхъ въ Лежанку. Переодѣтые мужиками мы объѣхали село, прицѣниваясь къ шерсти; пили въ корчмѣ самогонъ съ безпогонными солдатами, ругали Каледина и съ трудомъ, наконецъ, на краю села нашли батарею. Четыре орудія и зарядные ящики стояли на широкомъ дворѣ за низкимъ плетнемъ; у воротъ уныло стоялъ часовой.

Вернулись мы подъ вечеръ, проѣхавъ на зимовникъ черезъ базы.

www.elan-kazak.ru

Юнкера сидѣли въ домѣ и томились. Киры съ ними не было. Выйдя во дворъ, я увидѣлъ ее за воротами на дорогѣ въ Лежанку. Она ждала насъ. Я хотѣлъ тихо подойти къ ней, но снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами. Она обернулась и увидѣла меня. Лицо ея стало строгимъ.

— Что за манера подкрадываться? Или вы воображаете, что я вышла васъ встрѣчать? Боже мой, какая ерунда! — сказала она съ досадой и быстро прошла мимо меня въ домъ.

Для ночного нападенія надо отличное знаніе мѣстности и твердая вѣра въ успѣхъ — все это у насъ было.

Батарея стояла особнякомъ на ближайшемъ къ намъ краю села.

И въ эту ночь, на Николу Зимняго, разбивъ насъ на группы по три человѣка и давъ каждой группѣ опредѣленную задачу, Строевъ подвелъ насъ къ селу. Ровно въ полночь онъ зажегъ свой электрическій фонарикъ — мы пошли добывать пушки.

Часовой у орудій былъ снятъ безъ шума, ворота распахнуты, поднятые нами въ сосѣднихъ хатахъ ѣздовые, шатаясь отъ страха, выводили лошадей.

Безъ единаго выстрѣла мы до разсвѣта вывели изъ Лежанки четыре орудія въ полной запряжкѣ, съ ѣздовыми и два зарядныхъ ящика. Когда же взошло огромное, малиновое отъ холода, солнце, мы уже кормили лошадей на какомъ то зимовникѣ около желѣзной дороги Ростовъ-Царицынъ. Здѣсь Строевъ приказалъ мнѣ ѣхать по желѣзной дорогѣ черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ и передать атаману Каледину донесеніе о взятіи батареи.

Я собирался сказать передъ отъѣздомъ Кирѣ что то, какъ мнѣ казалось, особенно важное, но такъ ничего и не смогъ сказать, подержалъ только ея руку и сѣлъ въ бричку.

Лошади уже тронулись, когда Кира, вскочивъ на подножку, перекрестила меня, молча и быстро, широкимъ крестомъ, спрыгнула на ходу и пошла, не оборачиваясь къ топтавшимся около костра ѣздовымъ.

Какъ разсказать, какъ вамъ передать чувство любви, нѣжности, какого то восторженнаго умиленія, охватившаго меня въ этотъ моментъ и не покидавшаго всю дорогу до станціи.

Я былъ счастливъ этимъ первымъ молчаливымъ знакомъ вниманія Киры ко мнѣ. Большаго счастья я не ждалъ, да его и не могло быть.

До Ростова я ѣхалъ въ случайномъ поѣздѣ (тогда все было случайно), ужасая своимъ видомъ какого то больного старика и даму въ

www.elan-kazak.ru

траурѣ; смотрѣлъ въ окно на снѣжную пустыню и слышалъ въ грохотѣ колесъ одно и тоже имя: Кира.

Вечеромъ я былъ въ Ростовѣ. Городъ уже былъ взятъ нашими. На вокзалѣ я нашелъ нашихъ юнкеровъ, не жалѣя красокъ нарисовалъ картину нашего набѣга на Лежанку, показалъ отобранные у артиллеристовъ наганы, поразилъ своихъ однокашниковъ конвертомъ съ донесеніемъ Каледину — «въ собственныя руки».

Только утромъ я смогъ на паровозѣ выѣхать въ Новочеркасскъ.

Въ Новочеркасскѣ, взявъ извощика, я ѣздилъ цѣлый день по занесеннымъ снѣгами улицамъ и все искалъ атамана Каледина и все не могъ его найти: изъ дворца меня послали въ театръ, гдѣ засѣдалъ Кругъ, изъ театра въ какія то комиссіи и только уже вечеромъ, вернувшись во дворецъ, я увидѣлъ только что пріѣхавшаго атамана. Сбросивъ въ передней на руки казака пальто, онъ устало поднялся по лѣстницѣ наверхъ. Черезъ десять минутъ я съ бьющимся отъ волненія сердцемъ стучался въ двери его кабинета.

Я чувствовалъ себя уже въ объятіяхъ атамана, восхищеннаго нашимъ подвигомъ; я видѣлъ уже на своихъ плечахъ погоны прапорщика. Дверь открылъ дежурный полковникъ и, выйдя самъ, пропустилъ меня въ кабинетъ.

Калединъ стоялъ за письменнымъ столомъ, опершись руками на разостланную на столѣ карту и смотрѣлъ на меня. Въ огромной комнатѣ, освѣщенной низко опущенной надъ столомъ лампой, былъ полумракъ.

— Ваше Высокопревосходительство! Портупей-юнкеръ Бабаковъ съ донесеніемъ отъ поручика Строева прибылъ, — отчеканилъ я и протянулъ конвертъ.

Въ зеркалѣ напротивъ я увидѣлъ свое черное отъ грязи и безсонницы лицо, свою безпогонную шинель съ торчащими изъ кармановъ наганами, артиллерійскій кинжалъ-бебутъ на поясѣ. Я былъ страшенъ.

Атаманъ рѣзко рванулъ конвертъ, вынулъ донесеніе и началъ читать.

Я впился глазами въ его твердое, желтоватое лицо, увидѣлъ, какъ приподнятыя сначала брови срослись вдругъ вмѣстѣ, рука державшая донесеніе дрогнула и на мнѣ остановились незабываемые гнѣвные глаза.

— Да, какъ вы смѣли? Нападать первыми на воинскую часть! Вы знаете, что это такое? Вы понимаете, что это значитъ? Позоръ, губить все, мальчишки, молокососы! — загремѣлъ Калединъ и скомканное донесеніе пролетѣло мимо моего уха. Я обмеръ.

www.elan-kazak.ru

— Опять кровь! Опять нареканія! Какія потери?

— Никакихъ нѣтъ! Потерь никакихъ, — отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ.

— Какъ никакихъ? Почему? Разсказывайте все. Вотъ Лежанка — Калединъ ткнулъ пальцемъ въ карту.

Я, робѣя и волнуясь, коротко доложилъ о нашемъ походѣ, о развѣдкѣ Лежанки, о нашемъ ночномъ налетѣ и, желая доказать, что крови не было (о часовомъ я умолчалъ), добавилъ, что солдаты-ѣздовые сами съ удовольствіемъ (какое тамъ удовольствіе) сѣли на лошадей и вмѣстѣ съ батареей ѣдутъ сюда.

— На кой чортъ! Мало этихъ негодниковъ здѣсь! — опять разсердился Калединъ.

Я замеръ, съ ужасомъ уставившись глазами на его громадный шейный Георгій, — смотрѣть ему въ глаза я не смѣлъ.

— Я не понимаю, какъ вы не получили моего приказанія прекратить эту экспедицію, посланнаго вслѣдъ вамъ, на другой же день послѣ вашего выступленія отсюда? Вы мнѣ своимъ сумасшествіемъ портите все! Орудія то въ порядкѣ? Сколько снарядовъ?

Я ободрился и, похваливъ орудія и лошадей, рѣшилъ порадовать атамана захваченнымъ денежнымъ ящикомъ (я зналъ о денежномъ кризисѣ на Дону), но не успѣлъ я кончить, какъ Калединъ, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

— Какъ? Вы взяли и ящикъ? Грабежъ, разбой! Вонъ, сію минуту, вонъ!..

Я летѣлъ по лѣстницѣ, прыгая черезъ двѣ ступеньки, и надо мною гремѣлъ, какъ громъ, голосъ выскочившаго изъ кабинета Каледина.

Мое состояніе было ужасно. Я бродилъ по Новочеркасску, не узнавая улицъ. Мои мечты казались мнѣ постыдными, а наше дѣло ужаснымъ и разбойничьимъ.

Поздно ночью я зашелъ къ Самсону (извѣстный всему городу кавказскій подвалъ-шашлычная) и, не выходя изъ этого вертепа, двое сутокъ пилъ звѣрское кахетинское вино, тоскуя по Кирѣ, ревнуя ее къ Строеву, ко всѣмъ юнкерамъ, писалъ и рвалъ пьяныя безумныя письма къ ней. Я былъ близокъ къ самоубійству. Но вотъ, на третій день, въ снѣжное солнечное утро я встрѣтилъ поднимающуюся по Крещенскому спуску нашу батарею. Юнкера пѣли пѣсни, колеса пушекъ грохотали по мостовой. Впереди на рыжемъ конѣ ѣхала Кира; она сіяла и батарейный значекъ рѣялъ надъ ея папахой. У собора батарея остановилась.

www.elan-kazak.ru

Кира спрыгнула съ лошади и, радостно улыбаясь, протянула мнѣ обѣ руки.

— Ну, вотъ, мы опять вмѣстѣ. Я очень волновалась, т. е. я думала какъ вы доберетесь сюда съ донесеніемъ. Какая ерунда! Пожалуйста, не воображайте о себѣ Богъ знаетъ что.

Ну, скажите, что я могъ сказать ей на это?

Я молча прижался губами къ ея рукѣ и, навѣрное, такъ и застылъ бы, если бы за моимъ плечомъ не раздался веселый голосъ Строева:

— Что за нѣжности? Стыдитесь, портупей-юнкеръ, а вы, партизанъ, потрудитесь своихъ рукъ для поцѣлуевъ впредь не давать.

Кира была, какъ кумачъ; навѣрное, такимъ былъ и я. Я поторопился разсказать Строеву о гнѣвѣ Атамана Каледина и къ моему удивленію Строевъ не ужаснулся, а весело сказалъ:

Я уже видѣлъ атамана и знаю все. Вы очень неудачно попали къ нему. Въ этотъ день атаману былъ брошенъ на Кругѣ упрекъ въ ростовскомъ «кровопролитіи». Но все проходитъ, и теперь онъ благодаритъ насъ за лихое дѣло, а васъ за толковый докладъ. Итакъ, если хотите, можете оставаться при батареѣ, такъ какъ теперь о какихъ либо наукахъ въ училищѣ говорить не приходится — юнкера сейчасъ наша главная опора.

Я остался при батареѣ, осталась и Кира. Куда ей было дѣваться? Двѣ пушки были отданы въ Ростовскую группу, а двѣ мы погрузили на открытую платформу и обложили ихъ мѣшками съ пескомъ. Это былъ первый прообразъ будущихъ бронепоѣздовъ, это была наша первая артиллерія — незабываемая Михайло-Константиновская юнкерская батарея, а я съ Кирой ея пулеметная команда: нашъ поджарый Кольтъ возвышался на тендерѣ надъ орудійной платформой. Мы метались отъ Ростова къ Гуково, отъ Звѣрево къ Таганрогу, съ налета громили безконечные эшелоны красной гвардіи, ползущіе со всѣхъ сторонъ на Донъ. Я плохо уже помню чередъ этихъ стремительныхъ дней и ночей. Мы были въ кольцѣ; выхода у насъ не было; все меньше и меньше оставалось рельсъ для нашего бѣшенаго гона; но мы тогда не думали объ этомъ. Все такъ же, показывая свои голыя щиколотки изъ подъ обмотокъ, командовалъ полковникъ Міончинскій, улыбался есаулъ Князевъ и балагурилъ поручикъ Строевъ; все такъ же были поразительны попаденія нашихъ орудій и безпечно-жизнерадостны юнкера, и такъ же сіяла черкесскими глазами Кира, подставляя свое, вымазанное углемъ лицо степному морозному вѣтру.

www.elan-kazak.ru

Мы были счастливы и оба знали объ этомъ. Счастливы нашей безшабашной жизнью, этими мятелями и боями, постоянной опасностью, о которой не думали, нашей наростающей любовью, о которой боялись говорить.

И когда, какъ то разъ, въ короткій перерывъ между боями, въ нашемъ купэ, гдѣ кромѣ меня и Киры помѣщалось еще два юнкера, случайно никого не оказалось и я началъ говорить о томъ, о чемъ, все равно, рано или поздно, я долженъ былъ сказать, Кира коротко и твердо остановила меня:

— Не надо, я знаю все, какъ и вы.

И начала подчеркнуто озабоченно говорить о неровной подгонкѣ патроновъ въ нашихъ пулеметныхъ лентахъ.

Наконецъ, насъ придали къ отряду Чернецова.

Кто въ это время не зналъ его у насъ на Дону? Кто не слышалъ о его легендарномъ партизанскомъ отрядѣ изъ учащейся молодежи, изъ подростковъ, почти дѣтей, давшихъ родному Дону единственную вооруженную силу, — кто то хорошо сказалъ, что это былъ дѣтскій крестовый походъ.

Съ Чернецовымъ мы пошли на сѣверъ. Въ станицѣ Каменской былъ организованъ «казачій революціонный комитетъ» и его предсѣдатель подхорунжій Подтелковъ потребовалъ отъ атамана Каледина передачи ему власти, грозя пропустить съ Миллерово въ Новочеркасскъ красногвардейскіе эшелоны, — но не успѣлъ. Коротко, какъ бы шутя, мы разгромили ночью подъ разъѣздомъ Сѣверо-Донецъ два эшелона красныхъ и 17-го января утромъ уже заняли станицу Каменскую. Революціонный комитетъ бѣжалъ въ Глубокую, казаки начали расходиться по домамъ. Мы ихъ не трогали. Я зналъ, что здѣсь, въ станицѣ мать Киры; видѣлъ какъ она волновалась. Когда нашъ составъ остановился на Каменскомъ вокзалѣ, Кира, поговоривъ съ нашимъ полковникомъ, подошла ко мнѣ.

— Идемъ. Я хочу, чтобы мама увидала васъ. Я хочу, чтобы вы увидѣли меня дома не въ курткѣ, а платьѣ. Боже мой, какъ страшно: я надѣну платье. Мы цѣлый день — Міончинскій разрѣшилъ — будемъ дома, будемъ въ комнатахъ. Я сейчасъ увижу маму: я боюсь, что расплачусь. Какая ерунда!

Мы почти бѣжали по широкимъ станичнымъ улицамъ и, когда остановились передъ низкимъ одноэтажнымъ домомъ съ палисадни-

www.elan-kazak.ru

комъ и громадными, почти крѣпостными кирпичными воротами, Кира, крикнувъ мнѣ — подождите, исчезла въ калиткѣ.

Я ждалъ, навѣрное, съ полчаса. Наконецъ, двери дома какъ то неожиданно распахнулись и я увидѣлъ въ передней полную сѣдую даму съ черной наколкой на головѣ и рядомъ съ ней Киру, заплаканную, сіяющую, уже переодѣтую въ платье; помню его сейчасъ: синее, съ бѣлыми горошинками.

— Мама! Вотъ — Никита. Понимаешь, это мой другъ, мой братъ. Цѣлуй же его, мамочка! Если бы ты знала, какъ онъ стрѣляетъ изъ Кольта! Ахъ вѣдь ты не знаешь, что такое Кольтъ, ты ничего не понимаешь.

У матери Киры текли по щекамъ слезы; она, навѣрное, ничего не видѣла. Громадный сенбернаръ радостно лаялъ и билъ насъ хвостомъ по ногамъ. Я впервые за полтора мѣсяца вымылся, какъ слѣдуетъ. Мнѣ принесли генеральскій китель. Онъ мнѣ былъ великъ; Кира потащила меня въ кабинетъ и, показавъ портретъ сѣдого, но черноусого генерала, сказала:

— Это мой папа. Какъ бы вы ему понравились, Никита. Онъ такъ любилъ военныхъ.

Мы долго сидѣли за обѣденнымъ столомъ, ужасая Кирину мать своими разсказами о бояхъ и набѣгахъ.

Послѣ обѣда Кира играла на старенькомъ піанино такіе же старенькіе вальсы. Не совсѣмъ увѣренно пѣла «Жаворонокъ» Глинки. Помните:

«Кто то вспомнитъ про меня
И вздохнетъ украдкой».

Музыка мнѣ казалась райской, я сидѣлъ на диванѣ и смотрѣлъ на милый, ставшій сразу нѣжнымъ, дѣвичій Киринъ затылокъ, на крупные завитки ея волосъ.

Мы ходили въ садъ, занесенный снѣгомъ: лѣпили снѣжки; сенбернаръ неотлучно слѣдовалъ за нами. Кира была неузнаваема. Она ни на минуту не отходила отъ меня, смѣющаяся, счастливая, безконечно хватала меня за руку и все спрашивала:

— Ну, какъ? Правда, хорошо дома? Вы довольны, Никита? Подумайте, у насъ еще цѣлый вечеръ впереди!

Но, увы, этого блаженнаго вечера мы такъ и не дождались. Какъ только стемнѣло, въ передней зазвонилъ звонокъ и партизанъ передалъ намъ приказаніе немедленно идти на вокзалъ: красные заняли Лихую,

www.elan-kazak.ru

отрѣзавъ насъ отъ Новочеркасска. Черезъ десять минутъ мы уже спѣшили къ станціи черезъ пустынную, будто вымершую станицу.

Всю ночь мы съ Кирой, ставшей опять какой то подчеркнуто холодной, набивали наши пулеметныя ленты патронами и чистили Кольтъ. А холоднымъ мглистымъ утромъ, повернувъ нашу платформу на югъ, двинулись къ Лихой. Кирина мать пришла насъ проводить и когда нашъ составъ медленно двинулся, она перекрестила насъ дрожащимъ крестомъ. Мы стояли съ Кирой на тендерѣ и махали папахами. Можетъ быть, потому, что насъ никто никогда не провожалъ, намъ стало какъ то не по себѣ. Но уже подъ Лихой, когда партизаны высыпали изъ вагоновъ свою жидкую цѣпь и Міончинскій занялъ свое обычное мѣсто около насъ на тендерѣ, привычное острое чувство боя вернулось къ намъ: по старому засіяли у Киры глаза. Наша цѣпь пошла впередъ, потомъ ахнуло наше орудіе; низкая вѣрная шрапнель повисла розовымъ дымкомъ надъ станціей; на снѣгу стали ясно видны густыя черныя цѣпи противника; сначала робко, потомъ, нарастая все больше и больше, затрещали пулеметы и рядомъ съ нашимъ тендеромъ, пропѣвъ знакомый напѣвъ, задохнулась въ снѣгу граната. Бой начался. Сидѣть около Кольта было скучно — стрѣлять было далеко , — и мы съ Кирой пошли по шпаламъ къ нашей цѣпи. Надъ нашими головами пѣли гранаты Міончинскаго: станція лежала въ черномъ дыму разрывовъ. Наша цѣпь шла, не отвѣчая на встрѣчный бѣшеный огонь. Падали, какъ будто спотыкаясь, партизаны. Наконецъ, поручикъ Курочкинъ весело рванулъ изъ кобуры свой маузеръ и разрядилъ обойму. Наша цѣпь рванулась впередъ, вспыхнуло ура, и ружейный огонь потонулъ въ тишинѣ рукопашнаго боя. Черезъ полчаса все было кончено.

Нашъ составъ медленно подошелъ къ станціи, мы грузили въ вагоны отбитые пулеметы и поручикъ Курочкинъ кричалъ въ телефонную трубку, оставшемуся въ Каменской Чернецову: — Лихая наша, потери велики.

Въ этотъ вечеръ въ разбитомъ нашими гранатами пассажирскомъ залѣ, подъ росписаніемъ поѣздовъ (какое тамъ росписаніе, когда платформа и пути завалены трупами, а семафоръ, какъ мертвецъ, лежалъ въ сугробѣ), я сказалъ Кирѣ, что люблю ее. Сказалъ — и ужаснулся своей дерзости. Но она взяла меня за руку и просто сказала:

— Нельзя же здѣсь объясняться, какая ерунда. Давайте выйдемъ.

И крѣпко держа меня за руку, повела меня черезъ платформу, мимо уже сложенныхъ кѣмъ то въ ряды труповъ, куда то за станцію.

www.elan-kazak.ru

остановилась около какого то палисадника, быстро и крѣпко обняла меня и поцѣловала въ лобъ. И когда я, не помня себя отъ любви и радости, началъ, сбивая съ нея папаху, цѣловать ее въ щеки, въ глаза, жадно ища губы, она, закрывъ ладонями мой ротъ, оттолкнула меня и серьезно сказала:

— Не надо, милый Никита, я такъ счастлива!

Всю ночь мы бродили вокругъ станціи, загрузая въ сугробахъ; заходили на вокзалъ, гдѣ партизаны ѣли найденный въ эшелонѣ красныхъ миндаль и пѣли новый куплетъ нашего Черновецкаго «Журавля»:

«Подъ Лихой лихое дѣло
Всю Россію облетѣло».

Опять выходили на снѣгъ, въ ночь и непрестанно говорили, держа другъ друга за руки.

Потомъ Кира спала на моемъ мѣстѣ въ нашемъ купэ; я смотрѣлъ на ея тонкія, точно углемъ вычерченныя брови; на ея чудесныя рѣсницы, слушалъ ея ровное легкое дыханіе, и не зналъ, что же мнѣ дѣлать съ собой отъ переполнявшаго меня счастья. На разсвѣтѣ вышелъ изъ вагона и ходилъ вдоль эшелона, что то бормоча себѣ подъ носъ и размахивая руками, и, встрѣтивъ нашего сожителя по купэ, юнкера артиллериста, снялъ свои часы-браслетъ и уговорилъ его принять ихъ отъ меня въ подарокъ.

Въ полдень нашъ эшелонъ былъ вызванъ въ Каменскую. Чернецовъ былъ произведенъ атаманомъ Калединымъ въ полковники и рѣшилъ брать Глубокую, но не въ лобъ, а, сдѣлавъ обходное движеніе по степи, съ тыла. Уйти намъ, съ Кирой, къ ней домой такъ и не удалось: весь вечеръ и всю ночь готовились къ походу — сгружали наше орудіе съ платформы, искали лошадей, подгоняли хомуты, устанавливали пулеметы на дроги мобилизованныхъ нами станичныхъ дрогалей. Чернецовъ сидѣлъ, въ такъ называемой дамской комнатѣ вокзала въ своемъ крытомъ синемъ сукномъ полушубкѣ, безъ погонъ, въ фуражкѣ мирнаго времени, и необычайно бодро и весело отдавалъ приказанія приходившимъ къ нему офицерамъ и юнкерамъ.

Выступили мы — человѣкъ 80 партизанъ при трехъ пулеметахъ и одной пушкѣ — часовъ въ шесть утра. На дворѣ стояла та ужасная погода степной зимы, когда, послѣ крѣпкаго мороза, наступаетъ оттепель, и густой туманъ сразу съѣдаетъ снѣгъ.

Объ этомъ самомъ отважномъ Чернецовскомъ налетѣ, — его ле-

www.elan-kazak.ru

бедиой пѣснѣ, — много говорилось, много писалось въ свое время, теперь же рѣдко кто вспоминаетъ тѣ великолѣпные январскіе дни.

Мы опоздали, блуждая въ степи, атаковали Глубокую уже вечеромъ, ворвались съ налета на станцію, но насъ не поддержали со стороны Каменской, и, уставшіе отъ безсонныхъ ночей, отъ непрерывныхъ боевъ, партизаны отошли въ исходное положеніе къ буграмъ, что къ сѣверо-востоку отъ Глубокой. Здѣсь, дрожа отъ холода, не смѣя развести костровъ, мы провели ночь, — какую уже ночь, — безъ сна. Утромъ двинулись обратно въ Каменскую; но по серединѣ дороги, около хутора Гусева, насъ встрѣтилъ Голубовъ съ двумя полками казаковъ, *перешедшихъ на сторону «военно-революціоннаго комитета»*, въ упоръ разгромилъ нашу жалкую цѣпь изъ своихъ четырехъ орудій и загналъ насъ въ оврагъ.

Казаки пошли на насъ въ атаку; наше орудіе было подбито; пулеметы заклинились; патроновъ для винтовокъ уже не было. Чернецовъ упалъ, раненый въ ногу, и вынулъ бѣлый носовой платокъ. Мы сдались. Полковникъ Міончинскій съ четырьмя-пятью юнкерами, будучи верхомъ, прорвались и ускакали; насъ же осталось въ живыхъ человѣкъ тридцать. Казаки окружили насъ и погнали къ красногвардейцамъ въ Глубокую. Я былъ раненъ въ руку. Кира, разорвавъ на убитомъ партизанѣ рубаху, ловко и крѣпко перевязала мою рану. Казаки сняли съ меня сапоги. Послѣ оттепели ударилъ морозъ, въ степи была гололедица; шелъ я босикомъ рядомъ съ Кирой; у меня за пазухой былъ наганъ и я прошепталъ Кирѣ:

— Красноармейцамъ живьемъ не дадимся; я убью тебя, а потомъ себя, — согласна? — Она кивнула головой: — отлично, только я скажу, когда.

Чернецова посадили на какую то клячу, и онъ ѣхалъ рядомъ съ Голубовымъ; казаки подгоняли подбившихся, отстающихъ партизанъ. Потомъ гдѣ-то недалеко ахнула пушка; къ Голубову подскакалъ откуда то со стороны желѣзной дороги казакъ — Голубовъ, оставивъ съ нами человѣкъ двадцать казаковъ, съ остальными на рыси пошелъ къ югу. Наши партизаны повели наступленіе отъ Каменской; насъ торопили; къ намъ подъѣхалъ самъ Подтелковъ въ кожанной курткѣ, бинокль болтался на его груди; выхвативъ изъ ноженъ шашку, онъ закричалъ: — живо шевелись, всѣхъ порубаю!

Мы почти бѣжали. Я, нащупавъ свой наганъ, прошепталъ Кирѣ:

www.elan-kazak.ru

— пора! Но она, почти со злобой, меня перебила: — не выдумывай ерунды, еще рано.

Подтелковъ, поднимая на дыбы своего могучаго рыжаго жеребца, гарцовалъ рядомъ съ Чернецовымъ, вертя шашкой и ругаясь; Глубокая лежала въ сумеркахъ передъ нами, близко горѣли ея станціонные огни.

— Кира, — шепталъ я, — пора, ей Богу, пора.

Но она, сжимая мою руку, опять просила:

— Ну, подожди еще немного, десять минутъ подожди.

Со стороны станціи къ намъ подъѣзжало трое конныхъ; Подтелковъ опросилъ ихъ, но Чернецовъ не дожидаясь отвѣта, звонко и весело крикнулъ:

— Это наши — ура!

Ударилъ наотмашь Подтелкова по лицу, круто повернулъ свою клячу и поскакалъ прочь. Подтелковъ вывалился изъ сѣдла; конвой наметомъ сталъ уходить отъ насъ, а мы, бѣшено крича: — ура! Бей ихъ! — бѣжали врассыпную по синей вечерней степи.

Какъ передать это чувство неожиданной свободы, ощущеніе жизни, которое мы испытывали въ это мгновеніе!

Мы съ Кирой перебѣжали черезъ желѣзнодорожное полотно, перелѣзли черезъ плетень какой то левады и залѣзли въ терны. Сзади уже раздавались окрики опомнившагося конвоя, крики пойманныхъ партизанъ и глухіе удары шашекъ. Мы лежали въ густомъ тернѣ, на обледенѣлой землѣ, боясь громко дышать, — ахъ, какъ колотились тогда наши сердца, — пока совсѣмъ не стемнѣло и надъ нами, въ прутьяхъ левадныхъ вербъ не повисъ тонкій, точно изъ жести, лунный серпъ. Въ степи уже стояла тишина: рѣдко кричалъ въ Глубокой паровозъ. Мы поднялись и пошли на югъ, къ Каменской. Переходили, проламывая тонкій ледъ, какую то рѣчку, обходили хутора, замирая на мѣстѣ отъ собачьяго лая, шли по степи, по крѣпкой ледяной землѣ.

Кира держала и гладила мою раненую руку, отобравъ отъ меня мой наганъ и гордясь своей выдержкой. Она была возбуждена, зимнія звѣзды сіяли въ ея глазахъ.

Я же пройдя верстъ десять, почувствовалъ сразу смертельную усталость и молча, какъ куль, повалился на землю и оставался лежать пластомъ, не чувствуя своихъ сбитыхъ по гололедицѣ ногъ. Кира сѣла рядомъ, посидѣла немного, кутая полами своей куртки мои ноги, потомъ встала и сказала:

www.elan-kazak.ru

— Ну, пойдемъ; возьми себя въ руки.

Но я уже засыпалъ внезапнымъ сномъ и мнѣ снилось, что Подтелковъ скачетъ на меня — шашка блистала въ его рукахъ — проснувшись, я ничего не могъ понять. Кира стояла надо мной и кричала: — Ты — жалкая баба! Какой позоръ! Ты — хуже бабы! Если ты не встанешь, я разлюблю тебя. Я уже не люблю тебя. Я ухожу. Прощайте, Никита!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, потомъ вернулась ко мнѣ, сняла свою куртку, оторвала рукава, натянула ихъ мнѣ на ноги, и, растегнувъ свою солдатскую рубаху, спрятала, отогрѣвая, у себя на груди мою раненую руку.

— Ну, вотъ, немного отдохнешь и пойдемъ потихоньку. До Каменской осталось два шага, мы будемъ дома, ты будешь лежать на папиномъ диванѣ, а я буду сидѣть рядомъ.

И, слушая ея нѣжный дрожащій голосъ, борясь съ невѣроятной усталостью, я поднялся и опираясь на Кирино плечо, медленно зашагалъ. Мы шли безконечно долго. Кира, подбадривала меня, болтала о веселыхъ пустякахъ своей институтской жизни и даже вполголоса запѣла пѣсенку. Ночью, въ степи это звучало какъ бредъ. Своихъ ногъ и раненой руки я не чувствовалъ.

Наконецъ, во мглѣ начинающагося разсвѣта, какъ то сразу мы увидѣли желѣзнодорожный мостъ черезъ Донецъ: Каменская была передъ нами. На мосту насъ встрѣтилъ офицерскій патруль; отъ него мы узнали, что, кромѣ насъ добралось до Каменской только пять партизанъ. Чернецова не было. На вокзалѣ мнѣ сдѣлали перевязку, дали сапоги, и Кира, подведя меня къ огромному, — отъ пола до потолка, — станціонному образу Николая Угодника, сказала:

— Давай, помолимся, — развѣ наше спасеніе не чудо?

Но, вдругъ, неожиданно согнувшись, закрыла ладонью свой ротъ. Между ея пальцами текла страшная черная кровь. Кира зашаталась. Я поддержалъ ее, отводя отъ рта ея руку. Кровь текла по подбородку, стекая за воротъ рубахи, капая на грязный асфальтовый полъ вокзала.

Лицо Киры стало восковымъ, глаза были закрыты, и подъ ними лежали синіе круги. Я уложилъ ее на скамейку и побѣжалъ за докторомъ, когда мы съ нимъ пришли, Кира лежала и расширившимися глазами смотрѣла на свои окровавленныя руки. Кровь изо рта уже больше не шла, и на щекахъ ея пылалъ яркій румянецъ. Докторъ пожалъ плечами и сказалъ: — что я могу здѣсь сдѣлать, надо въ госпиталь.

www.elan-kazak.ru

— Я знаю, — отвѣтила Кира и, обратясь ко мнѣ, сказала: — ищи извощика; поѣдемъ домой; только мамѣ ни слова — это наша родовая болѣзнь.

Въ Кириномъ домѣ мы пробыли только сутки. Красные нажимали. О Чернецовѣ ничего не было извѣстно (позже мы узнали, что его зарубилъ Подтелковъ, разыскавъ его въ родительскомъ домѣ, въ станицѣ Усть-Бѣлокалитвенской), — а безъ Чернецова его отрядъ уже не могъ быть прежнимъ — Чернецовскимъ.

Каменская была наканунѣ сдачи; съ послѣднимъ поѣздомъ мы эвакуировались въ Новочеркасскъ. Мы лежали въ Областной больницѣ, въ одной палатѣ, рядомъ. Я видѣлъ, ужасаясь, какъ на моихъ глазахъ таяла Кира. Кровь горломъ шла у нея ежедневно, все такая же черная, страшная; все съ такимъ же нѣмымъ ужасомъ смотрѣла Кира, какъ вода въ подставленномъ тазу изъ нѣжно розовой становилась красной, рубиновой.

Моя же рана оказалась пустяковой — въ мякоть. Рука и отмороженныя ноги заживали легко. Кира почти ничего не говорила; на мои попытки ее успокоить, подбодрить, на мои увѣренія въ скоромъ ея выздоровленіи, она коротко отвѣчала:

— Не надо, Никита — я знаю.

И только разъ, уже наканунѣ смерти, она повѣрила, что будетъ жить. Въ этотъ день, — неожиданно солнечный, отчего у насъ въ мрачной палатѣ стало какъ то по праздничному свѣтло, — Кира проснулась поздно и, открывъ глаза, улыбнулась и поманила меня къ себѣ своей слабой восковой рукой.

— Мнѣ снился сейчасъ мой папа; онъ увѣрялъ меня, что я не умру. Понимаешь, Никита, я себя уже отлично чувствую, вотъ только слабость небольшая.

И, дѣйствительно, въ этотъ день кровь горломъ у нея не шла. Я былъ близокъ къ безумію отъ радости. Въ полдень меня вызвали по телефону изъ Войскового штаба и поздравили съ производствомъ въ хорунжіи. Это еще болѣе увѣрило Киру въ ея радостномъ снѣ. Она отправила меня покупать погоны. Жуткіе слухи носились по городу. Красные уже были въ двадцати верстахъ. На моемъ родномъ Новочеркасскѣ лежала печать обреченности. Съ трудомъ я нашелъ офицерскіе погоны — какіе тамъ погоны, когда слышенъ уже въ городѣ былъ гулъ орудій.

Кира ждала меня, полулежа на грудѣ подушекъ, причесанная

www.elan-kazak.ru

новой, уже женской прической, одѣтая въ голубое платье, которое она выпросила у сестры милосердія. На ея щекахъ пылалъ яркій румянецъ, восторженно сіяли ея громадные глаза. Она обняла меня своими слабыми руками, усадила къ себѣ на кровать и, любуясь купленными погонами, какъ бы извиняясь, сказала:

— Я забыла тебя попросить купить два обручальныхъ кольца. Мы должны обручиться. Тогда я совсѣмъ поправлюсь. Купи ихъ завтра, а сейчасъ переломи пополамъ мой натѣльный крестъ: мы будемъ носить половинки.

Я переломилъ ея золотой крестикъ и началъ разсказывать о городскихъ слухахъ про неизбѣжный походъ, — онъ мнѣ рисовался необычайнымъ, — куда то за Кавказъ, въ Персію. Я говорилъ о вѣчно зеленыхъ деревьяхъ, голубомъ небѣ, о плоскихъ кровляхъ. Наша будущая блаженная жизнь, гдѣ нибудь въ Тегеранѣ, казалась мнѣ близкой и неоспоримой. Вѣрила и Кира, задыхаясь отъ счастья.

— Ты поступишь офицеромъ къ шаху и будешь ѣздить на настоящемъ арабскомъ конѣ. Правда, Никита? А потомъ мы выпишемъ маму.

Я уже началъ говорить объ ятаганахъ, персидскихъ сѣдлахъ въ бирюзѣ и золотѣ, но Кира, все еще держа мою руку, сказала:

— Я немного засну, я такъ устала, — какой сегодня счастливый день.

Она сразу и крѣпко заснула въ чужомъ голубомъ платьѣ и — больше не проснулась. Умерла во снѣ.

Главный врачъ мнѣ объяснилъ, что это феерическій (такъ и сказалъ: феерическій) расцвѣтъ скоротечной чахотки.

Вы говорите — счастливая смерть? А по моему, вообще, счастливой смерти не можетъ быть. Хоронили Киру все въ томъ же голубомъ платьѣ, въ одинъ день съ застрѣлившимся атаманомъ Калединымъ. Плакалъ ли я? Нѣтъ, не могъ, не умѣлъ. Но, навѣрное, отъ слезъ было бы легче. Какъ и два мѣсяца назадъ, когда ожидалъ Киру съ батареей, — я опять пилъ у «Самсона», не помню уже сколько дней, а потомъ, получивъ въ подарокъ отъ какого то коннозаводчика (все равно — все пропадаетъ) отличную кобылу, я уѣхалъ на ней въ походъ. Конечно, это былъ не персидскій, а недалекій походъ по Сальскимъ степямъ, который потомъ назвали Степнымъ.

www.elan-kazak.ru

Въ этомъ походѣ мы, кажется, съ вами и познакомились? Кобылу я назвалъ «Ерундой». Вы помните ее — гнѣдая, рѣдкой красоты.

Это все мнѣ разсказалъ Никита Бабаковъ, герой гражданской войны, любимецъ казаковъ, отличный другъ и рубаха парень, служащій теперь шофферомъ у знаменитаго адвоката. Мы пили съ нимъ залпомъ аперитивы, позабывъ о содовой водѣ и монументальная хозяйка кафэ смотрѣла на насъ съ ужасомъ и восхищеніемъ.

— Вотъ все, что осталось отъ моей первой любви, — сказалъ Бабаковъ, распахивая свое великолѣпное кожаное пальто и растегивая рубаху. На его могучей груди я увидѣлъ половину золотого крестика.

— Вотъ, все, что я вывезъ изъ Россіи, — повторялъ онъ. — Но здѣсь, въ Парижѣ, со мною случилась странная исторія: хозяйка моего патрона оказалась похожей на Киру. Понимаете, абсолютное сходство въ лицѣ, въ фигурѣ, въ голосѣ, даже въ манерахъ, только не понимаетъ по русски. Она двойникъ Киры, и это становится невыносимо. Сейчасъ она выйдетъ, обратите вниманіе.

Мы вышли. Минутъ черезъ пять изъ особняка напротивъ вышла дама. Бабаковъ распахнулъ дверцы автомобиля и снялъ фуражку. Дама быстро и легко вскочила въ машину. Я успѣлъ замѣтить только черкесскія тонкія брови, громадные глаза, да великолѣпные мѣха. Бабаковъ сѣлъ за руль. Огромный сорокасильный Паккаръ неслышно ушелъ въ туманъ.

www.elan-kazak.ru

7

Казакъ.
(рисовалъ G. Lejeune въ 1806 г., — одна изъ первыхъ литографій въ мірѣ).

8

Галантный казакъ.
(рисовалъ C. Vernet, гравировалъ Debucourt).

www.elan-kazak.ru

Н. М. МЕЛЬНИКОВЪ.

ВЪ ДОНСКОЙ СТАНИЦѢ.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

Хочется оглянуться на прошлое — увы, уже далекое, но такое въ то же время близкое...

Господи, Боже мой, какъ быстро мчится время! «Соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла»...

Давно ли — кажется — были мы ребятишками, веселой ватагой шнырявшими по закоулкамъ станицы! Помню себя еще совсѣмъ карапузомъ, весело, послѣ проливного лѣтняго дождя выбѣгающимъ босымъ на улицу и съ увлеченіемъ, въ дружной компаніи казачатъ, шлепающимъ по водѣ, бурными потоками стекающей съ горы въ «Протоку»... Вода схлынула — и босоногая команда превращается въ археологовъ (хотя этого слова тогда и не выговорила бы!) и съ величайшимъ усердіемъ, ревниво поглядывая въ сторону одинъ другого, копается въ наносномъ пескѣ: отъ старшихъ слышали, что прежде кое-кому удавалось послѣ ливней находить въ пескѣ старинныя турецкія и татарскія монеты, вымытыя водой изъ рва и вала, построенныхъ когда то турецкимъ султаномъ Сулейманомъ для соединенія Дона съ Волгой по кратчайшему между ними разстоянію между станицей Качалинской и г. Царицынымъ.

Около меня всегда была большая партія пріятелей, звонкими криками оглашавшихъ нашъ громадный дворъ и сосѣднія улицы. Отецъ пытался было сначала поставить намъ хоть какіе нибудь предѣлы, но потомъ безнадежно махнулъ рукой: распоряжайтесь, какъ хотите. Ворота двора перестали днемъ закрываться. И съ ранняго утра до глубокой ночи мы носились, какъ «угорѣлые», играя то въ «похоронки», то въ «застукалки», то въ «шашки» («айданчики»). Съ разсвѣтомъ, еще до

www.elan-kazak.ru

восхода солнца, раньше старшихъ, мы уже были на ногахъ, ибо были голубятниками: какъ можно раньше надо было «пугать» голубей, съ особымъ удовольствіемъ стаями уносившихся въ поднебесье на зарѣ. Когда, особо «летные» голуби, забираясь все выше и выше, становились все меньшими и меньшими точками и, наконецъ, совсѣмъ скрывались изъ глазъ въ чистомъ утреннемъ небѣ, какое это было удовольствіе, поставивши посреди двора тазы съ водой, наблюдать по водѣ голубиный полетъ и угадывать, какой именно голубь начинаетъ снижаться: «бѣлобокій», «красный», «вертунъ»... Эхъ, зоркіе были глаза!

Много «дѣла», много удовольствій было весной. Далеко въ степь, за упомянутый уже валъ, за много-много верстъ, часто снаряжалась наша экспедиція «за буздуками». Чудный воздухъ, незабываемые запахи и просторъ необъятной степи съ ранняго дѣтства тянули къ себѣ казачать.

Мы вооружались перочинными и другими ножами, выколупывали луковицы изъ земли и съ наслажденіемъ поѣдали. Что это была за снѣдь, я сейчасъ плохо себѣ представляю, да и для насъ — по крайней мѣрѣ, для меня лично, — дѣло было не въ «буздукахъ», а въ самой экскурсіи, къ которой заранѣе готовились, запасаясь провизіей. Не забывали и табачекъ. Мальчуганами, воображая себя взрослыми, мы уже курили, а въ далекой степи намъ никто не мѣшалъ. Небольшіе запасы его быстро кончались, и тогда ребята начинали растирать сухой конскій пометъ и изъ смѣси его съ щепоткой табаку крутить цыгарки, съ видомъ знатоковъ утверждая, что получился «настоящій турецкій».

Послѣ буздуковъ и курева сильно хотѣлось пить, но такъ какъ запасаться водой дѣтвора считала ниже своего достоинства («что мы — дѣвчата, что ли»?), то пили тамъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Такъ какъ въ степи колодцевъ не было, приходилось пить изъ прудковъ сомнительной чистоты, а то и просто изъ лужъ, часто наполненныхъ головастиками. «Пей: чище воды не будешь», — этотъ аргументъ имѣлъ для всѣхъ неотразимую силу.

Уходили мы въ степь за буздуками — какъ и позже за «лазоревыми цвѣтками», за тюльпанами, за десятокъ верстъ къ отводамъ станичнаго конно-плодового табуна — на цѣлый день; меня снабжали въ путь всякими вкусными вещами, но съ какимъ удовольствіемъ мѣнялъ я ихъ на казавшіеся несравненно болѣе вкусными какурки съ нардекомъ, пирожки съ «бзникой», на макуху или картошку, запеченную въ степи въ золѣ!

www.elan-kazak.ru

Но самое наше раздолье начиналось въ половодье, когда широко и привольно разлившiйся Донъ поглощалъ и «Быструю Протоку», и «Протоку», и «Стародонь» и заливалъ все займище между станицами Качалинской и Трехъостровянской — шириною въ восемь верстъ и длиною безъ конца и края. И «Соловьевскiй», и «Островъ», и «Старый Городокъ» — надолго скрывались подъ водой, надъ которой пышно распускались затопленныя вербы и тополи съ такими вкусными и сочными «китушками» и «сережками». Вкусы мѣняются съ возрастомъ: живя уже позже въ станицѣ, я безъ особаго удовольствiя проглотилъ вату сережекъ, но съ какимъ восторгомъ мы выѣзжали на лодкахъ въ затопленное займище тогда, въ раннемъ дѣтствѣ, и, ежеминутно рискуя свалиться въ воду между осажденнымъ нами деревомъ и относимой отъ него сильнымъ теченiемъ лодкой, пожирали эти китушки и сережки! Нечего грѣха таить: доставалось тогда отъ нашей веселой ватаги и птичьимъ гнѣздамъ...

Свобода намъ предоставлялась полная — и пользовались мы ею во-всю.

Какой безграничный просторъ въ половодье! Въ теплый солнечный день, какой чудный живительный воздухъ, напоенный густымъ ароматомъ цвѣтущаго лѣса!

Спала вода, подсохла земля, зацвѣли въ «Соловьевскомъ» травы — и мы снова тамъ гурьбой — на этотъ разъ за «купырями», за «скородой». На Троицу мы высыпали въ лугъ «завивать вѣнки», жарить яичницу.

А вотъ подошло и лѣто, начались путешествiя по садамъ — за «тютиной», за сочной черной вишней...

А сколько удовольствiя доставляли бахчи, съ невообразимымъ количествомъ арбузовъ и дынь. Съ бахчи домой арбузы и дыни привозились арбами, цѣлая гора ихъ была насыпана въ сараѣ. Къ обѣду и ужину арбузовъ нарѣзывали до десятка, выбирая лучшiе изъ лучшихъ, а остальные отправляли лошадямъ и коровамъ. Чудесные были арбузы, громадные «аршинники», — едва прикоснешься къ нимъ ножемъ, какъ они лопаются, и трещина бѣжитъ внизъ, опережая движенiе ножа. Ярко красные, холодные (съ утра они плавали въ холодной водѣ глубокаго колодца), сочные, сахаристые...

Вспомнишь теперь, — сглатываешь слюнки, но тогда насъ, дѣтей, прельщало другое: то ли дѣло ѣсть арбузы прямо на бахчѣ, выбирая

www.elan-kazak.ru

«изъ вольнаго», разбивая ихъ о колѣно и вытаскивая самую середину прямо пятерней! Не бѣда, что арбузы были теплые, что морденки наши стягивались сахарнымъ сокомъ и въ такомъ видѣ обильно покрывались пылью... Зато какъ было вкусно и занятно!

И — удивительное дѣло! — на своей громадной бахчѣ, сплошь «укатанной» арбузами, они не казались намъ такими вкусными, какъ арбузы на чужой бахчѣ... На всю жизнь врѣзалось въ память одно приключеніе. Станица, гдѣ я родился и выросъ, была расположена по горѣ, по балкамъ и склону, а за предѣлами станицы, въ обѣ стороны, по склонамъ горы тянулись сады — чаще всего вишневые — спускавшіеся къ займищу, заливавшемуся весной разливомъ Дона, верхняя же часть склона и гребень горы были заняты бахчами. Помню, однажды собрались мы ватагой въ саду, принадлежавшемъ отцу одного изъ пріятелей: сейчасъ же за плетнемъ этого сада, выше, по склону горы, начиналась большая бахча, окарауливавшаяся сторожемъ-старикомъ, шалашъ котораго виднѣлся на гребнѣ. Въ лѣтній жаркій день соблазнили дѣтвору арбузы, и вотъ, выждавъ моментъ, когда дѣдъ перешелъ на другую сторону и скрылся за гребнемъ, наиболѣе предпріимчивые произвели вылазку изъ сада, поднялись почти до самаго гребня и оттуда начали скатывать внизъ, къ плетню сада, арбузы.

Публика была неопытная, дозоровъ не выставила — и въ самый разгаръ этого увлекательнаго дѣла вдругъ появился на гребнѣ дѣдъ...

Какъ горохъ изъ мѣшка, посыпалась дѣтвора внизъ, перескочила черезъ плетни, пулей, не задерживаясь, пролетѣла черезъ садъ, хотѣла было остановиться въ займищѣ, но, слыша преслѣдующій ее крикъ «а-ля-ля-ля-ля, держи-держи», и удары обо что то звонкое дѣдовской клюки, не имѣла силъ задержаться и продолжала стремительный бѣгъ по направленію къ «Быстрой Протокѣ». При каждой попыткѣ перевести духъ и остановиться, дѣдъ, оставившійся неподвижно на гребнѣ, опять принимался кричать и стучать... Такъ и добѣжали до самаго лѣса.

Неплохо жилось и зимой.

Задолго начинали готовиться къ Рождеству. Составлялись группы, разучивались роли. Самые маленькіе не «мудрствовали лукаво», — имъ довольно было заучить одну фразу «я маленькій хлопчикъ, принесъ Богу снопчикъ; я маленькій отрочекъ — пожалуйте пятачекъ». Говорилось это, конечно, съ запросомъ: въ станицѣ мало гдѣ давали по пятаку, ограничиваясь конфеткой или копѣйкой — за пятакъ нужно было поработать, — и дѣтишки постарше, не ограничиваясь разучивані-

www.elan-kazak.ru

емъ пѣснопѣнія «Христосъ рождается, славите», старательно разучивали «роль». Въ Рождественскую ночь, еще не забрезжитъ разсвѣтъ, дѣтвора, не ложившаяся спать или выспавшаяся вечеромъ, стремясь за предстоящій день обойти возможно больше домовъ, уже ломится въ двери. Пропѣвъ хоромъ «Христосъ рождается», группа выдвигаетъ впередъ двухъ молодцовъ, и они начинаютъ:

— «Послушай, другъ, ты кто такой, зачѣмъ сюда пришелъ и что ты здѣсь нашелъ»?

— «Я изъ ближняго села пастухъ сельскій... Пришелъ сіе чудо посмотрѣть, Младенца Божія узрѣть».

— «Да развѣ Младенецъ — чудо? Не худо ли вамъ отсюда убираться — къ своимъ овечкамъ пробираться»...

— «Я, кажется, вамъ не мѣшаю, а Бога посмотрѣть весьма желаю». И вдругъ онъ переходитъ въ наступленіе:

— «А вы кто, милостивый государь»?

— «Меня зовутъ Персидскій царь», — слышится важный отвѣтъ — «что было и что будетъ — все я знаю». «Пастухъ» быстро сдается: «Такъ точно, вы — ученый человѣкъ»...

Хорошо было и на Крещеніе. У насъ въ станицѣ оно праздновалось отмѣнно. На средства богатаго мѣстнаго купца, любившаго торжества и не скупившагося на нихъ, устраивавшаго на Пасху блестящій фейерверкъ и украшавшаго церковь и всю ограду плошками и фонариками, а на Крещенье сооружавшаго «Іордань» на льду «Протоки» воздвигалось изо льда цѣлое зданіе, созидалась высокая прекрасная ледяная часовня, съ большимъ вкусомъ раскрашивавшаяся застрявшимъ волею судебъ въ станицѣ художникомъ, котораго всѣ звали «Гордѣичемъ».

Мы, голубятники, приносили съ собой полные мѣшки съ голубями и, когда духовенство начинало пѣть: «Во Іорданѣ крещающе Тебѣ, Господи», вытряхивали содержимое мѣшковъ, и тучи голубей начинали кружиться надъ Іорданью, шарахаясь въ сторону при каждомъ залпѣ выростковъ, собранныхъ на парадъ.

Изъ зимнихъ впечатлѣній навсегда врѣзались въ память ненастныя ночи, когда подымалась метель, заметавшая всѣ дороги, и когда на церковной колокольнѣ всю ночь, съ рѣдкими перерывами, раздавались протяжные удары большого колокола, указывая заблудившимся путь къ станицѣ. Щемило сердце и тревоженъ былъ въ тѣ ночи дѣтскій сонъ.

www.elan-kazak.ru

67

Сибирскій казакъ начала 18-го вѣка.

(рисовалъ C. Vernet, гравировалъ Debucourt).

www.elan-kazak.ru

Сергѣй СУЛИНЪ.

ПРОВОДЫ КАЗАКА НА СЛУЖБУ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Акимычъ, старый казакъ.
Антоновна, его жена.
Ванятка, ихъ сынъ, 21-го года
Марьюшка, его жена.
Алексѣевичъ, ихъ сосѣдъ, старый казакъ.
Пантелей, казакъ 2-й очереди.

Горница въ станичномъ домѣ зажиточнаго казака Акимыча. При поднятіи занавѣса, всѣ четыре члена семьи стоятъ посреди комнаты: Акимычъ стоитъ у стола, поставленнаго съ лѣвой стороны (отъ зрителей), ближе къ рампѣ.

Акимычъ: По старому нашему дѣдовскому обычаю, передъ дальней дорогой надо всѣмъ намъ малость присѣсть. Сидайте всѣ.

(Всѣ садятся, кромѣ Марьюшки).

Акимычъ: Чего же ты, невѣстушка, стоишь? Тебѣ-то самое и надо присѣсть: твово служиваго провожаемъ...

Антоновна: Садись, Марьюшка, садись!

Марьюшка (садится у края стола).

Акимычъ (встаетъ, а за нимъ встаютъ всѣ): Ну, а теперь съ Богомъ! Пора тебѣ, дорогой сынокъ, и ногу въ стремя! Сейчасъ ты распрощаешься съ роднымъ домомъ, со своею семьею, со всей нашей казачьей привольной жизнью и пойдешь служить Царю и Родинѣ! Знай, что на службѣ можетъ придется встрѣтить и голодъ, и холодъ, и другія

www.elan-kazak.ru

невзгоды, но не падай духомъ, крѣпись, и смѣло повинуйся своему начальству, ибо того требуетъ долгъ присяги, которую ты долженъ хранить до послѣдняго издыханія! Береги свою честь, свое воинское достоинство и высокое имя казака! Это высокое званіе, кровью заслужили и по всѣмъ землямъ прославили наши отцы и дѣды! Веди честный образъ жизни, уклоняйся отъ дурныхъ дѣлъ и злыхъ навѣтовъ и стремись къ добру! Надѣюсь, что все ты исполнишь это!?

Ванятка: Исполню! Все исполню, папаша! Насчетъ этого не сомнѣвайтесь!

Акимычъ: И вотъ еще: постарайся поступить въ Учебную команду, чтобы получить званіе урядника, и здоровый, и хранимый Богомъ возвращайся домой! Да благословитъ тебя Господь, и я тебя благословляю! (благословляетъ сына).

Ванятка (валится отцу въ ноги и потомъ, вставши, обнимаетъ его).

Акимычъ: Ну, буде! Иди къ матери!

Антоновна: Родимый мой! (бросается къ сыну на грудь и плачетъ). Ладонку, Марьюшка, ладонку подай!

Марьюшка (подаетъ ладонку и плачетъ).

Антоновна: Здѣсь землица родная, сама въ садикѣ нарыла подъ любимой твоей вишенкой... Храни, не потеряй!

Акимычъ: Да, сынокъ, самъ знаешь, зачѣмъ мать щепотку родной земли тебѣ дастъ. Это — стародавній нашъ казачій обычай! Живъ будешь — о родномъ домѣ и Тихомъ Донѣ вспоминать будешь, а коли придется въ честномъ бою тебѣ голову сложить, вспорятъ ладонку и посыпятъ изъ нея на гробъ казаку, чтобы подъ родной землею спалъ бы онъ вѣчнымъ сномъ!

Марьюшка: Ой, батюшка! Что говорите вы!?.

Акимычъ: На все Божья воля, Марьюшка!

Антоновна: Ну, сыночекъ, запомни все, что говорилъ тебѣ отецъ, и постарайся все исполнить въ точности! Будь честнымъ, покорнымъ и вѣрнымъ Царю и Родинѣ! Помни Бога и не забывай насъ съ отцомъ! Снарядили мы тебя на службу на зависть другимъ, коли еще понадобится что, пиши — всегда поможемъ! Ну, пойди къ женѣ, утѣшь ее, а то молодка вся слезами исходитъ.

Марьюшка (кланяется мужу въ ноги, а потомъ бросается ему на шею): Милый, родной... прошу тебя, не забывай меня, шли мнѣ письма!.. Получу письмецо твое, будто тебя самого увижу, и — легче станетъ!

www.elan-kazak.ru

Ванятка: Ладно, ладно... не плачь, родная, да гляди... сама не забывай меня!

Марьюшка: Что-ты, что-ты, милый!.. (плачетъ).

Акимычъ: Ну, ну, Марьюшка! Чего мокроту разводить?! Сколько разъ я говорилъ тебѣ: не намъ Ванятка принадлежитъ, а Государю и Родинѣ!

Марьюшка: Ой, батюшка, знаю я это, знаю, а все же сердце рвется на части!

Ванятка (отрываясь отъ жены): Ну, буде плакать, а еще казачка!

Антоновна: Поди ко мнѣ, моя доченька, поплачь на моей старой груди. Выкормила я сю сына молодца, а увижу ли я еще его — не знаю! Такая ужъ наша доля женская — намъ, казачьимъ женамъ и матерямъ: смолоду разстаемся со своими мужьями, а подъ старость отправляемъ на службу и сыновъ своихъ!.. Молода еще, — не привыкла!..

Ванятка: Не горюйте, не плачьте, родные! Не на войну провожаете... А хоть бы и на войну! Такъ наше дѣло такое... военное, казачье Вотъ папашѣ посчастливилось: на Балканахъ были, Плевну брали, егорьевскимъ кавалеромъ оттедова возвратились!.. Вотъ бы и мнѣ такъ!

Антоновна (улыбаясь сквозь слезы): То-то молодость! О чемъ думки у него! Весь въ отца! Казачья кровь такъ и игpаетъ!

Акимычъ: Да! Давно это было, а помню, точно вчера за братушекъ воевать ходили! Слава Богу, отстояли болгаръ и возвратили имъ свободу!

Ванятка (кланяясь родителямъ въ поясъ): Спасибо вамъ, папаша и мамаша, что вскормили меня, обучили и на дѣло наставили! Теперь ухожу изъ крова родительскаго, чтобы своей службою Царю и Отечеству отблагодарить васъ за все!

Акимычъ. Правильно говоришь, сынокъ. Господь да поможетъ тебѣ въ этомъ! Блюди себя и будь исправенъ во всемъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Алексѣевичъ (входя): Разрѣшите войти?! Здорово дневали!

Акимычъ: Чего же, сосѣдушка, такъ запоздалъ? Мы уже думали, что и не придешь!

Алексѣевичъ: Да, кубыть, слыхалъ, какое дѣло вышло: вчера комиссія мово коня забраковала! Грудью, говорятъ, не вышелъ. Сынокъ, какъ потерянный ходилъ... вотъ и бѣгалъ, новаго коня искалъ.

www.elan-kazak.ru

Антоновна: Ну, нашелъ же?

Алексѣевичъ: А, не спрашивай, кума! Найти — нашелъ, да передалъ за него сколько!

Антоновна: Извѣстное дѣло: пользуются!

Акимычъ: А все отъ гордости! Не хотѣлось самому на дому меринка выходить! Непремѣнно на сторонѣ захотѣлось купить — настоящаго, заводскаго — вотъ и подсунули бракъ!

Алексѣевичъ: Ну, буде пенять!

Антоновна: Да и вправду, отецъ: не такой день!

Акимычъ: Ладно, ладно, не буду! А теперь, наполняй ка, мать, стаканы, да подноси намъ — пора и стремянную пить!

Антоновна (уходя): А ты, Алексѣевичъ, завтра своего соколика отправляешь?

Алексѣевичъ: Завтра, кума! Со вторымъ эшелономъ идетъ!

(Антоновна и Марьюшка уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(Тѣ же, безъ женщинъ).

Алексѣевичъ (Ваняткѣ): Ну, что, крестникъ, доволенъ своимъ конемъ?

Ванятка: Извѣстно, доволенъ! Спасибо папашѣ, позаботились!

Акимычъ: Безъ этого нельзя!

Алексѣевичъ: Сейчасъ видалъ его: ребята провожаютъ! Играетъ, земли не касается: прямо — картина!

Акимычъ: Да, вотъ что, сынокъ: ходи за конемъ хорошенько! Помни: конь для казака — первый другъ, первый слуга и товарищъ. Самъ не доѣшь, а коня накорми и догляди!

Алексѣевичъ: За одного коня урядника получишь!

Ванятка: На счетъ этого будьте покойны!

Ванятка (улыбаясь): Да оно — конечно! (къ отцу). А у меня до васъ просьба, папаша: жена моя — молодая... теперь безъ меня останется... не обижайте ее!

Акимычъ: Какъ родную дочь жалѣть будемъ! Никогда жалобы на насъ не услышишь!

Алексѣевичъ: Не тревожься! Доглядимъ!

www.elan-kazak.ru

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Пантелей (быстро входя). Здравствуй отецъ! Ванятка! Не готовъ что-ль? Слышь, наши уже грузиться идутъ!

Ванятка: Какъ, ужъ на станцію? Такъ я сейчасъ!

Пантелей: Потарапливайся, тамъ уже спрашивали тебя!

Акимычъ: Стой! Еще успѣешь! Такъ дѣло не дѣлается: надо все честь честью! Эй! (кричитъ въ дверь). Хозяечки, несите намъ вина! Что замѣшкались тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Антоновна и Марьюшка

входятъ съ подносомъ вина. Антоновна подноситъ старикамъ. Марьюшка мужу и бросается ему на шею.

Марьюшка (плачетъ): Ванюша мой, родной мой!

Акимычъ: Ну, значитъ, опять раздождило!

Ванятка: Ну, буде, буде! Не забывай... Помни меня... да... блюли себя!

Марьюшка (съ укоромъ): Ванюша!

Алексѣевичъ: И у васъ вода, и у насъ дома вода: лучше бы другой какой влаги испробовать!

Акимычъ: Зачѣмъ же дѣло стало — и испробуемъ! Ну, Ванюшка, служи честью Царю-Батюшкѣ, Матушкѣ Россіи и Тихому Дону и здоровымъ и съ урядничьими лычками возвращайся домой!

Алексѣевичъ: А случится ежели воевать, руби нѣмца и турку по нашему, однимъ ударомъ, наотмашь, а мы съ отцомъ къ тебѣ на подмогу подойдемъ!

Акимычъ: Ну, выпьемъ! Будь здоровъ, служивый!

(Всѣ пьютъ).

Антоновна (къ Алексѣевичу): А что кума? Небось, убивается?

Алексѣевичъ: Бѣда!

Антоновна: Да и какъ не убиваться! (утираетъ слезы).

Акимычъ: Ну, еще по стаканчику, да и айда на станцію грузиться! А дома прощаться уже буде, а то кой у кого и слезъ уже не хватитъ!

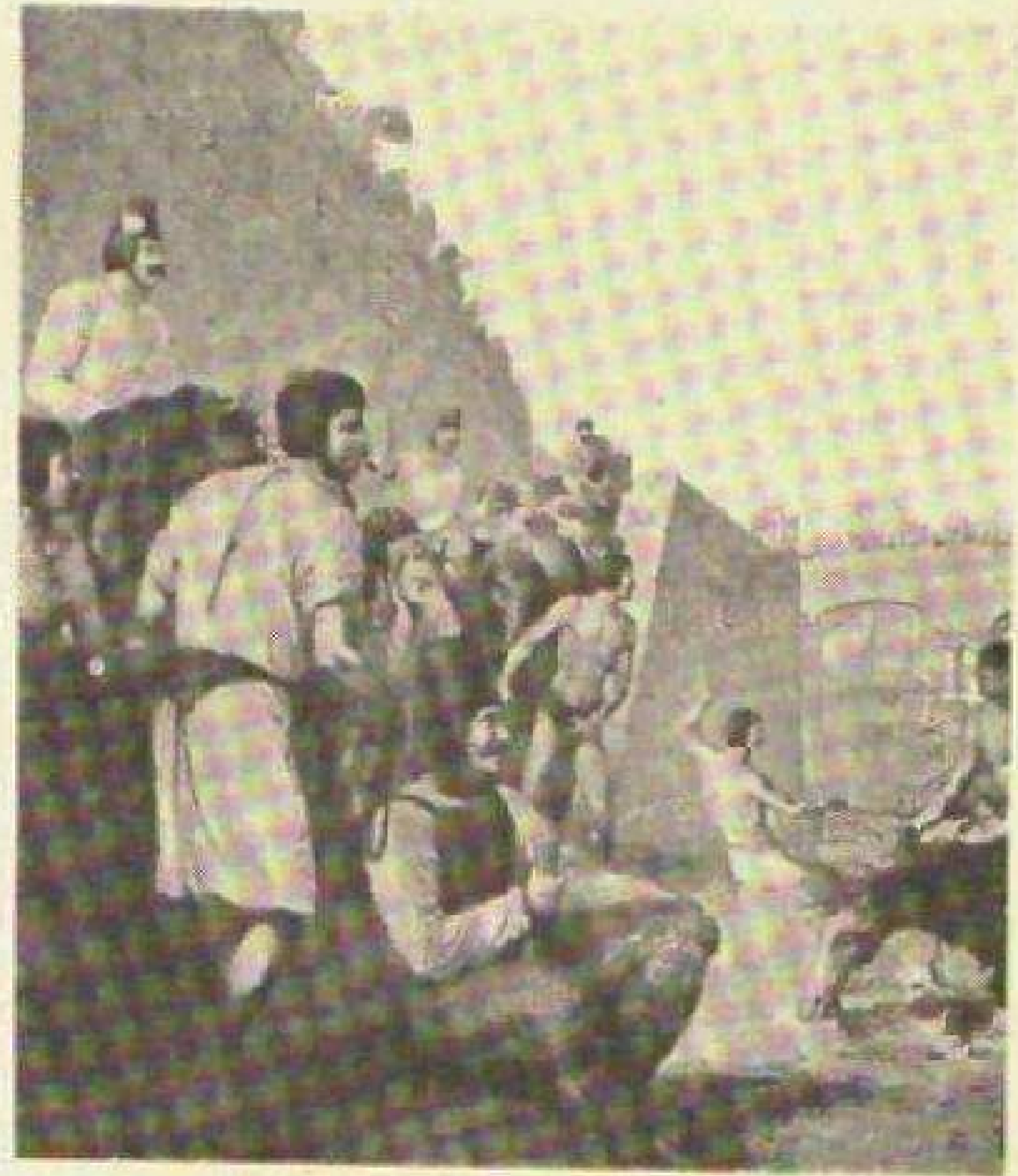
www.elan-kazak.ru

10

Казакъ на Парижскомъ рынкѣ.
(съ акварели G. Opitz).

11

Казаки на берегу Сены.
(съ акварели G. Opitz).

www.elan-kazak.ru

Антоновна: Моихъ слезъ, отецъ, ни на станціи, ни на посадкѣ, никто изъ людей больше не увидитъ!

Акимычъ: Знаю, мать, знаю! Ты у меня настоящая казачка! Только невыплаканныя слезы въ ноги ударятъ тебѣ. Гляди, мѣсяца два провалишься въ постели, ходить не сможешь!..

Антоновна: Пусть такъ: невѣстушка присмотритъ за мною, зато никто не упрекнетъ меня, что я сына своего единственнаго пожалѣла отдать въ службу царскую!

Алексѣевичъ: Дѣло говоришь, кума! Вотъ бы моей старухѣ поучиться у тебя!

Пантелей: Да, вѣдь, вы съ женой уже третьяго сына провожаете!

Алексѣевичъ: (*на Антоновну*): *А она — единственнаго!*

Пантелей (взглянувъ въ окно): Никакъ, идутъ!.. Ванятка, за тобою!

(На сценѣ оживленіе: всѣ начинаютъ надѣвать шинели).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Входитъ толпа казаковъ; запѣвало затягиваетъ «Поѣхалъ казакъ на чужбину далеко!», хоръ подхватываетъ, женщины подносятъ казакамъ вина, и съ послѣднимъ куплетомъ всѣ выходятъ изъ комнаты въ наружную дверь. Послѣдними уходятъ Акимычъ и Антоновна, которые замѣшкались, надѣвая шубы. Двери они забываютъ за собою затворить и черезъ нихъ доносится замирающая пѣсня удаляющагося хора. Сцена нѣкоторое время остается пуста.

Занавѣсъ.

www.elan-kazak.ru

Д. И. ОЗНОБИШИНЪ.

МОЯ СЛУЖБА ВЪ КАЗАКАХЪ И СЪ КАЗАКАМИ

За послѣдніе годы моего пребыванія въ эмиграціи мнѣ зачастую приходилось отвѣчать на вопросъ: чѣмъ объясняется проявляемый мною живой интересъ къ казачеству и симпатія къ Кавказу и кавказцамъ? «Вѣдь, насколько намъ извѣстно», — прибавляли мои любопытные собесѣдники, «вы сами — не природный казакъ, а симбирскій помѣщикъ, по образованію — лицеистъ Императорскаго Александровскаго Лицея и служили многіе годы въ гвардейской кавалеріи и въ генеральномъ штабѣ. Откуда у васъ такое тяготѣніе къ казакамъ и кавказцамъ»?

На эти вопросы я всегда давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Какъ это вамъ, милѣйшій собесѣдникъ, ни кажется страннымъ, но долженъ вамъ сообщить, что мою долголѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ я началъ на Кавказѣ, въ Кубанскомъ Казачьемъ Войскѣ, въ которомъ прослужилъ почти 8 лѣтъ, съ чина хорунжаго до подъесаула, и лишь по окончаніи Николаевской академіи генеральнаго штаба и переводѣ въ генеральный штабъ, я смѣнилъ живописную кубанскую черкеску на строгій мундиръ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ. Лучшія воспоминанія моей молодости и первыхъ годовъ моей офицерской службы связаны съ Кубанскимъ Войскомъ и Кавказомъ и эту память я всегда буду хранить»!

А теперь, чтобы еще болѣе удовлетворить любопытство вопрошающихъ, постараюсь въ краткихъ словахъ разсказать: почему и какими судьбами въ возрастѣ 21 года я надѣлъ казачью форму и попалъ на Кавказъ.

www.elan-kazak.ru

Родился я въ 1869 году въ симбирскомъ родовомъ имѣніи моего дѣда, Дмитрія Петровича Ознобишина, извѣстнаго въ свое время литератора, оріенталиста и поэта эпохи Пушкина. Я выросъ въ деревнѣ, въ большомъ барскомъ домѣ, окруженномъ громаднымъ паркомъ, позади котораго начинались дремучіе сосновые лѣса, тянувшіеся на сотни верстъ по отрогамъ Жигулевскихъ горъ, вплоть до Волги. Моимъ воспитаніемъ занимался мой дѣдъ до своей кончины въ 1877 году; онъ былъ страстнымъ библіофиломъ и имѣлъ обширную библіотеку на многихъ языкахъ (мой дѣдъ зналъ 12 языковъ, включая арабскій, турецкій, персидскій и санскритскій). Большимъ другомъ и близкимъ сосѣдомъ по имѣнію моего дѣда былъ мой крестный — Николай Тимофеевичъ Аксаковъ (братъ знаменитаго писателя Сергѣя Тимофеевича, автора «Семейной Хроники») тоже большой библіофилъ и любитель животныхъ, птицъ и цвѣтовъ. У него въ имѣніи были огромныя оранжереи, въ которыхъ, среди пальмъ и экзотическихъ деревьевъ и растеній летали на свободѣ многочисленныя птицы разнообразныхъ породъ. Въ обществѣ этихъ двухъ стариковъ я провелъ мое раннее дѣтство, такъ какъ сверстниковъ у меня не было. Дѣдушка научилъ меня играючи читать и писать, когда мнѣ было всего 3 года. Я сначала выучилъ французскую азбуку, затѣмъ англійскую и русскую, и когда мнѣ стукнуло 5 лѣтъ, я уже свободно читалъ книги извѣстныхъ авторовъ на этихъ 3-хъ языкахъ. Я съ увлеченіемъ зачитывался произведеніями: Вальтеръ Скотта, Фенимора Купера, Майнъ Рида, Жюль Верна, Густава Эмара, Александра Дюма и нашихъ русскихъ классиковъ: Пушкина, Лермонтова и гр. Льва Толстого. Мой дѣдъ много путешествовалъ въ своей жизни и любилъ разсказывать мнѣ о своихъ странствіяхъ по бѣлому свѣту. Онъ особенно увлекался Кавказомъ, Персіей и ближнимъ Востокомъ и переводилъ въ стихахъ произведенія персидскихъ и арабскихъ поэтовъ. Незадолго до своей кончины онъ закончилъ переводъ извѣстной поэмы англійскаго поэта Томаса Мура: «Лалла Рукъ», который такъ и остался неизданнымъ.

Впечатлѣнія ранняго дѣтства оставляютъ глубокій слѣдъ въ человѣческой душѣ и я, насыщенный разсказами дѣда и крестнаго и начитавшись разныхъ книгъ, только и мечталъ о путешествіяхъ и жаждалъ повидать Кавказъ и страны Востока.

Вскорѣ послѣ кончины моего любимаго дѣда мы переѣхали на жительство въ Петербургъ и меня стали готовить для поступленія въ Лицей, гдѣ учился 25 лѣтъ назадъ мой отецъ. Я выдержалъ успѣшно

www.elan-kazak.ru

вступительный экзаменъ и осенью 1882 года былъ принятъ въ старшее отдѣленіе приготовительнаго класса, а затѣмъ прошелъ всѣ 6 классовъ и въ маѣ 1889 года окончилъ полный курсъ И. А. Лицея по 1-му разряду съ золотой медалью. Эта злополучная медаль мнѣ причинила много горестей — мои родители непремѣнно захотѣли, чтобы я поступилъ на службу въ М-во Иностранныхъ Дѣлъ и уже мечтали о томъ, что я буду посланникомъ или посломъ и дослужусь до высокихъ гражданскихъ чиновъ, у меня же были совсѣмъ другія намѣренія, которыя я держалъ въ большомъ секретѣ. Осенью 1889 года мнѣ надлежало отбыть воинскую повинность и передо мною было 3 лѣтнихъ мѣсяца отдыха и свободы, которые я использовалъ, съѣздивъ въ Парижъ на всемірную выставку и посѣтивъ нѣсколько модныхъ французскихъ морскихъ купаній. Въ началѣ сентября я уже былъ въ Варшавѣ и поступилъ вольноопредѣляющимся Л. Гв. въ Гродненскій Гусарскій полкъ. Весной 1890 года я былъ командированъ въ Петербургъ для держанія офицерскаго экзамена при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ. Выдержавъ успѣшно этотъ экзаменъ, я былъ переименованъ въ эстандартъ-юнкера, а въ концѣ года произведенъ въ корнеты гвардіи и по настоянію моихъ родителей уволился въ запасъ для продолженія службы въ М-вѣ Иностранныхъ Дѣлъ, куда я уже былъ зачисленъ тотчасъ послѣ окончанія лицея.

Вотъ тутъ и началась моя упорная борьба за мою будущую карьеру, тѣмъ болѣе, что, отвѣдавъ кавалерійской службы, я на-отрѣзъ отказался сѣсть за канцелярскій столъ и долгіе годы ждать назначенія аташэ или 3-яго секретаря въ какой нибудь захолустной миссіи заграницей, гдѣ мнѣ опять пришлось бы нести канцелярскую службу. Я заявилъ, что подаю сейчасъ же рапортъ объ опредѣленіи меня въ Амурское или Уссурійское казачье войско и уѣду въ далекіе края, на дальній Востокъ, гдѣ по крайней мѣрѣ, повидаю новыя страны и буду нести службу на конѣ, а не на стулѣ. Моимъ главнымъ доводомъ было, что если бы мои дорогіе дѣдушка и крестный были живы, я увѣренъ, что они не препятствовали бы моему влеченію ѣхать въ далекія страны и вести подвижную жизнь.

Мои родители всячески старались меня отговорить, но я упирался и наконецъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ двухъ вліятельныхъ генераловъ, знакомыхъ нашей семьи, которые, узнавъ о моихъ пререканіяхъ съ родителями, стали на мою сторону и обѣщали меня поддержать. Это были генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ,

www.elan-kazak.ru

бывшій въ то время начальникомъ штаба гвардіи и Петербургскаго *Военнаго Округа и С. А. Шереметевъ, только что назначенный на* постъ Главнокомандующаго на Кавказъ. Эти два милыхъ генерала рѣшили мою участь, уговоривъ моихъ родителей не препятствовать моему влеченію, при чемъ добрѣйшій С. А. Шереметевъ обѣщалъ взять меня къ себѣ на Кавказъ, а строгій, но очень добрый Н. И. Бобриковъ взялъ съ меня слово, что я черезъ 3 года поступлю въ академію генеральнаго штаба.

На этомъ и порѣшили, къ великому моему удовольствію. С. А. Шереметевъ будучи Наказнымъ Атаманомъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ, устроилъ мое опредѣленіе въ Кубанское Казачье Войско. Такъ какъ былъ конецъ лѣта и производство молодыхъ офицеровъ изъ военныхъ училищъ уже состоялось, въ конныхъ полкахъ Куб. Войска свободныхъ вакансій уже не было, но была одна вакансія въ пластунахъ. Я рѣшилъ ее взять по двумъ причинамъ: во первыхъ, пластуны стояли на границѣ Малой Азіи, съ которой мнѣ очень хотѣлось познакомиться, а, во вторыхъ, я зналъ, что будучи уже на мѣстѣ, на Кавказѣ, мнѣ не трудно будетъ черезъ годъ-полтора перевестись въ любой конный полкъ по моему выбору.

24-го августа я надѣлъ пластунскую черкеску и не теряя времени отправился кратчайшимъ путемъ въ г. Артвинъ, Батумской области, *гдѣ стоялъ 1-й пластунскій батальонъ. Сѣвъ въ скорый поѣздъ,* идущій на Кавказъ, я доѣхалъ до Новороссійска, а оттуда моремъ до Батума. Слѣдуя на пароходѣ вдоль черноморскаго побережья Кавказа, я впервые увидалъ Кавказскій горный хребетъ и былъ пораженъ его величіемъ. Высадившись въ Батумѣ, я очутился въ совершенно новой для меня обстановкѣ: красивый портовый городъ, пальмы, прекрасная полу-тропическая растительность, высокія горы, закрывающія горизонтъ, живописные типы и костюмы жителей очаровывали мой взоръ. Я отправился къ воинскому начальнику, чтобы разузнать: какъ мнѣ добраться до г. Артвина. Оказалось, что хотя этотъ городъ всего въ 80 верстахъ отъ Батума, но мнѣ придется ѣхать туда двое сутокъ верхомъ, горными тропами, съ конвоемъ изъ трехъ стражниковъ. На полдорогѣ, въ селеніи Борчха стоитъ одна сотня 1-го пластунскаго батальона, оттуда я уже доберусь до штабъ-квартиры подъ охраной пластуновъ. На слѣдующее утро къ гостиницѣ, гдѣ я остановился, прибыли 3 всадника-чапара, привели мнѣ осѣдланнаго коня и мы двинулись въ путь. Прекрасная шоссейная дорога черезъ 10 верстъ довела меня до

www.elan-kazak.ru

м. Аджари-цхали на берегу бурливой горной рѣки Чорохъ, но дальше мнѣ пришлось подыматься въ горы по тропѣ до самого сел. Борчха, гдѣ меня встрѣтили мои будущіе сослуживцы и гдѣ я впервые ознакомился съ пластунскимъ бытомъ и службой. Оказалось, что нашъ батальонъ несетъ главнымъ образомъ пограничную службу, ловитъ контрабанду и разбойниковъ и поддерживаетъ порядокъ во всемъ округѣ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ виду усилившихся разбоевъ вдоль всей турецкой границы и частыхъ случаевъ провоза вооруженной контрабанды, дѣло охраны границы и порядка въ пограничныхъ округахъ по приказу Главнокомандующаго передано всецѣло казакамъ: пластунамъ въ Артвинскомъ округѣ, 1-му Горско-Моздокскому полку Терскаго каз. войска въ Ольтинскомъ округѣ, 1-му Уманскому и 1-му Кубанскому полкамъ въ раіонахъ Ардагана и Карса вплоть до Персидской границы, вдоль которой охрану несутъ полки 2-й Кавказской казачьей дивизіи и 2-й пластунскій батальонъ.

Всѣ эти новости меня очень порадовали, такъ какъ подобныя условія службы обѣщали мнѣ жизнь полную приключеній и новыхъ впечатлѣній. И дѣйствительно, въ теченіи 7 мѣсяцевъ, до апрѣля 1892 года, я пробылъ среди пластуновъ, жилъ ихъ жизнью и могъ вполнѣ оцѣнить необычайную доблесть, выносливость и особенно сноровку этого молодецкаго войска, ведущаго, если можно такъ выразиться, въ мирное время постоянную вооруженную борьбу съ нарушителями порядка и государственныхъ границъ. Въ окрестностяхъ Артвина, благодаря близости мало-азіатскаго турецкаго порта Ризэ, шла усиленная контрабанда ковровъ, шелка, чаю, табаку и заграничныхъ консервовъ, всегда съ вооруженнымъ конвоемъ, и каждый случай задержки такой контрабанды сопровождался перестрѣлкой и боемъ. Захваченные товары доставлялись таможеннымъ властямъ и продавались съ аукціона, вырученныя же суммы дѣлились такъ: одна треть шла въ казну, а двѣ трети — пластунамъ, участвовавшимъ въ поимкѣ. Эта доля дѣлилась извѣстнымъ образомъ между офицерами и казаками и всѣ оставались очень довольны. Контрабандныя преміи достигали довольно крупныхъ суммъ и служили большимъ подспорьемъ офицерскому жалованію. Казаки бережно копили эти деньги до возвращенія домой на льготу, офицеры же, въ виду необычайной дешевизны жизни въ Артвинской глуши (я, напр., платилъ за нанятый мной турецкій домикъ съ конюшней — 5 рублей въ мѣсяцъ) пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы спуститься въ каюкѣ внизъ по быстрому, бурливому Чоро-

www.elan-kazak.ru

ху до Батума, на что требовалось всего какихъ нибудь 3-4 часа, и тамъ повеселиться, накупить оружія, либо подыскать хорошаго карабахскаго коня, а затѣмъ подняться обратно въ горы, въ Артвинъ, гдѣ многіе жители никогда не видали колесной повозки или экипажа, и гдѣ всѣ передвиженія дѣлались верхомъ на лошадяхъ или мулахъ, такъ какъ кромѣ вьючныхъ тропинокъ никакихъ дорогъ не было.

У меня сохранилось столько воспоминаній о моей трехлѣтней службѣ на Кавказѣ, что они наполнили бы цѣлый объемистый томъ, а потому постараюсь въ краткихъ словахъ резюмировать мою службу въ частяхъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Въ апрѣлѣ 1892 года я былъ вызванъ добрѣйшимъ С. А. Шереметевымъ въ Тифлисъ, гдѣ Главноначальствующій и вся его семья приняли меня крайне ласково. Главноначальствующій съ участіемъ справился о томъ: доволенъ ли я моей службой на полудикой окраинѣ? На мой отвѣтъ, что я въ восторгѣ отъ такой подвижной, полной приключеній жизни, милый Сергѣй Алексѣевичъ мнѣ сказалъ, что онъ не забылъ своего обѣщанія опредѣлить меня въ одинъ изъ лучшихъ конныхъ полковъ Кубанскаго Войска и объявилъ мнѣ о моемъ прикомандированіи къ 1-му Хоперскому Е. И. В. Великой Княгини Анастасіи Михайловны полку, расположенному въ Кутаисѣ. Одна сотня этого полка, которой командовалъ есаулъ Мих. Мих. Драгомировъ (сынъ извѣстнаго генерала Мих. Ив. Драгомирова), находилась въ качествѣ конвоя при Главноначальствующемъ въ самомъ Тифлисѣ. Я былъ въ высшей степени тронутъ вниманіемъ и заботливостью добрѣйшаго Сергѣя Алексѣевича, выразившаго еще ко всему тому желаніе, чтобы я былъ прикомандированъ именно къ этой конвойной сотнѣ. Съ сего времени и началось мое пребываніе въ столицѣ Кавказа — Тифлисѣ.

Не буду останавливаться на описаніи красоты этого въ высшей степени интереснаго и своеобразнаго города, скажу лишь, что я провелъ въ немъ болѣе года, вращаясь во всѣхъ кругахъ общества, какъ русскаго, такъ и туземнаго: грузинскаго и армянскаго. Нигдѣ я не встрѣчалъ такого радушія, такой жизнерадостности, такого гостепріимства! Перезнакомился со многими офицерами славной Кавказской Арміи, отличающейся особымъ чувствомъ куначества, взаимной поддержки и товарищества. Имѣлъ счастье встрѣчать такихъ знаменитыхъ кавказскихъ героевъ-орловъ, какъ генералы: князь И. Г. Амилахвари, князь Захарій Чавчавадзе, князь Амираджиби, генералъ Фадѣевъ, генералъ Эристъ — тифлисскій комендантъ, генералъ-адъютантъ князь

www.elan-kazak.ru

Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій и др. Въ Тифлисъ также часто пріѣзжали Великіе Князья Николай, Александръ, Сергій и Георгій Михайловичи, а осенью 1892 года я имѣлъ счастье конвоировать по Военно-Грузинской дорогѣ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, пріѣзжавшаго въ Тифлисъ и Абастуманъ.

Тифлисъ былъ не только крупнымъ административнымъ и военнымъ центромъ, но также и артистическимъ; здѣсь была очень хорошая казенная музыкальная школа, директоромъ коей былъ извѣстный композиторъ Ипполитовъ-Ивановъ и помощникомъ директора сынъ Петербургскаго опернаго дирижера — Направникъ. Кромѣ того существовало весьма оригинальное и интересное Артистическое Общество основанное извѣстнымъ мѣстнымъ богачемъ и меценатомъ Исаемъ Егоровичемъ Питоевымъ и обладающее прекраснымъ помѣщеніемъ и собственнымъ, отлично оборудованнымъ театромъ, гдѣ было болѣе 700 мѣстъ. Въ члены принимались любители театральнаго искусства и еженедѣльно ставили собственными силами спектакли самаго разнообразнаго характера, начиная съ драмы и кончая комедіями, водевилями, опереттами и даже операми (при мнѣ были поставлены: Карменъ, Риголетто и Евгеній Онѣгинъ). Я въ то время очень увлекался театромъ, музыкой и пѣніемъ и очень часто выступалъ на подмосткахъ Артистическаго Общества вмѣстѣ съ многими другими офицерами Тифлисскаго гарнизона. Вечера, балы и пикники были также въ большомъ ходу и рѣдкая недѣля проходила, чтобы не было какихъ-либо интересныхъ развлеченій.

Весной 1893 года прибылъ въ Тифлисъ вновь назначенный командиръ 1-го Уманскаго коннаго полка полковникъ Адамъ Адамовичъ Ржевускій. Штабъ его полка находился въ крѣпости Карсъ, игравшей такую крупную роль въ русской военной исторіи. Я познакомился съ полковникомъ Ржевускимъ и сразу былъ очарованъ имъ. Повидимому, симпатія была взаимной, такъ какъ онъ вскорѣ предложилъ мнѣ вакансію въ его полку, сказавъ: «Я знаю, что вы намѣреваетесь въ будущемъ году поступить въ Академію Генеральнаго Штаба. Оставаясь въ Тифлисѣ, я увѣренъ, что вамъ не удастся серьезно заняться подготовкой къ труднымъ вступительнымъ экзаменамъ — слишкомъ много тутъ развлеченій и соблазна. Карсъ — я самъ признаю — гарнизонъ не изъ веселыхъ, но для васъ будетъ очень полезнымъ пожить тамъ и серьезно подготовиться». Я отвѣтилъ милому полковнику, что я съ величайшей благодарностью и радостью принимаю его предложеніе и охотно поѣду съ нимъ въ Карсъ. Ходатайство о моемъ переводѣ пошло немедленно;

www.elan-kazak.ru

19-го апрѣля 1893 г. я уже надѣлъ форму 1-го Уманскаго коннаго полка и распрощался съ милымъ, беззаботнымъ и веселымъ Тифлисомъ.

Мой начальникъ дивизіи (1-й Кавказской Казачьей) извѣстный заслуженный генералъ И. Ф. Тутолминъ (имѣвшій Георгія 4 ст. за атаку подъ Ловчей) очень благоволилъ ко мнѣ и узнавъ о моемъ переводѣ въ Карсъ весьма сердечно одобрилъ мое рѣшеніе, сказавъ: «Вашъ переводъ въ 1-й Уманскій полкъ мнѣ доказываетъ Ваше благоразуміе и Вашу искреннюю любовь къ военному дѣлу. Не всякій молодой офицеръ согласился бы охотно покинуть веселый Тифлисъ и зарыться въ такую трущобу, какъ Карсская крѣпость, но я вполнѣ увѣренъ, что это послужитъ вамъ на пользу и что вы успѣшно выдержите экзаменъ, какъ здѣсь въ Округѣ, такъ и въ Петербургѣ. Вашъ новый командиръ — прекрасный человѣкъ и выдающійся офицеръ — съ нимъ вы будете какъ у Христа за пазухой!».

Слова добрѣйшаго Ивана Федоровича были пророческими: я дѣйствительно нашелъ въ лицѣ А. А. Ржевускаго настоящаго отца-командира. Въ его семьѣ я былъ принятъ какъ родной и назначенъ въ сотню, находящуюся при штабѣ полка. Вскорѣ, при уходѣ очередного эшелона на льготу, долженъ былъ уйти и полковой адъютантъ. Командиръ объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня на эту должность. Я надѣлъ адъютантскіе аксельбанты и съ командиромъ отправился въ объѣздъ полка, на что ушло болѣе двухъ недѣль, такъ какъ нашъ маршрутъ былъ составленъ на 1100 верстъ: 2 нашихъ сотни стояли на турецкой границѣ и несли пограничную службу, одна сотня стояла въ крѣпости Ардаганъ, одна — въ гор. Ахалцыхъ и лишь одна находилась недалеко отъ штаба полка въ молоканскомъ селеніи Благодарномъ. Во время этого путешествія, совершаемаго на лошадяхъ въ открытой колясхѣ, мы побывали въ Александрополѣ, въ Абастуманѣ, въ Сарыкамышѣ, въ Кагызманѣ (гдѣ былъ штабъ 1-го Кубанскаго коннаго полка) и въ Ольтакъ (гдѣ стояли Горско-Моздокцы), участокъ-же границы, охраняемой нашими казаками, мы объѣхали верхомъ, причемъ на одинъ изъ нашихъ главныхъ постовъ прибыли съ визитомъ турецкіе офицеры, узнавшіе о пріѣздѣ нашего командира. Послѣ хорошаго угощенія турки пригласили насъ проѣхать къ нимъ, что мы и сдѣлали, чтобъ отдать имъ визитъ. Вообще, въ эти времена, наши отношенія съ турками были очень дружественны и ихъ офицеры и наши часто посѣщали другъ друга, что позволяло мирно улаживать всякіе мелкіе инциденты, неизбѣжные въ приграничной полосѣ.

www.elan-kazak.ru

Вернувшись въ Карсъ, я ревностно принялся за исполненіе моей новой адъютантской должности и долженъ признаться, что отсутствіе всякихъ постороннихъ развлеченій дало мнѣ много времени, чтобы, какъ слѣдуетъ, подготовиться къ экзаменамъ. Жизнь въ Карсѣ, особенно зимой, была совершенно иной, чѣмъ въ Артвинѣ или Тифлисѣ. Оба эти города находились въ прекрасныхъ климатическихъ условіяхъ, которымъ могла бы позавидовать здѣшняя Ривьера. Въ Карсѣ же была настоящая русская зима съ морозами и обильнымъ снѣгомъ.

Въ началѣ лѣта 1894 г. я распростился съ дорогимъ командиромъ и его милой семьей и уѣхалъ держать экзамены при Тифлисскомъ Окружномъ Штабѣ. Кандидатовъ съѣхалось много, но экзаминаторы были безпощадно строги и требовательны, и насъ уцѣлѣло лишь небольшое число, которымъ было предписано явиться въ августѣ въ Петербургъ и снова подвергнуться таковому же испытанію, но уже при академіи. Тутъ послѣдовало новое «избіеніе младенцевъ» и изъ 370 офицеровъ, прибывшихъ въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи было принято всего лишь 155!

Дальнѣйшія событія прямого отношенія къ казачеству не имѣютъ, а потому упомяну лишь вкратцѣ, что мнѣ удалось успѣшно окончить полный курсъ Академіи въ маѣ 1897 года. Я былъ произведенъ въ чинъ подъесаула, причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу въ Варшавскій военный округъ. 30 января 1898 года я былъ окончательно переведенъ въ генеральный штабъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ того какъ я смѣнилъ лихую Кубанскую черкеску на ученый мундиръ генеральнаго штаба, какъ судьба меня снова свела съ казаками и на этотъ разъ уже не на Кавказѣ, а на Дальнемъ Востокѣ.

Въ началѣ іюля 1900 года вспыхнуло въ Сѣверномъ Китаѣ такъ называемое «боксерское возстаніе», направленное противъ иностранцевъ: на улицѣ въ Пекинѣ былъ убитъ толпой германскій посланникъ графъ Кеттлеръ — и всѣ иностранныя миссіи очутились въ осадѣ. Положеніе было критическое. На выручку осажденныхъ со всѣхъ сторонъ были направлены военныя суда и высажены десанты, на усиленіе которыхъ были экстренно присланы войсковыя части: изъ Портъ-Артура — нашъ 12-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ съ артиллеріей и

www.elan-kazak.ru

казаками, а вслѣдъ за тѣмъ стрѣлковые полки изъ Приморской области и «желѣзная» стрѣлковая бригада изъ Одессы. Японія, Англія, Франція, Германія, Италія, Соединенные Штаты и даже Австрія поспѣшили прислать подкрѣпленія откуда кто могъ — такъ что черезъ нѣсколько недѣль въ Печилійской провинціи собралась цѣлая союзная армія, высшее командованіе которой принялъ съ согласія всѣхъ державъ, германскій фельдмаршалъ графъ фонъ-Вальдерзеэ.

Заварилась невообразимая каша! Китайское правительство, со вдовствующей императрицей во главѣ, втайнѣ сочувствовало мятежникамъ, китайская армія примкнула къ боксерамъ, — но войны оффиціально не было, а лишь усмиреніе мятежа... и это «усмиреніе» затянулось на многіе мѣсяцы.

Находясь въ это время въ Варшавѣ, на службѣ въ Штабѣ Варшавскаго военнаго округа, я неожиданно получилъ изъ Главнаго Штаба предписаніе: немедленно кратчайшими путями отправиться въ распоряженіе Командующаго Войсками Квантунской Области Вице-Адмирала Алексѣева. Какъ оказалось, мое знаніе французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ въ данномъ случаѣ сослужило мнѣ службу, въ виду того, что на открывающемся отдаленномъ театрѣ военныхъ дѣйствій оказалась надобность въ офицерахъ, знающихъ языки, для удобства сношеній съ новыми союзниками.

Перспектива дальняго путешествія въ Китай и вѣроятность участія въ военныхъ дѣйствіяхъ привели меня въ полный восторгъ и я поспѣшно собрался въ далекій путь. Наиболѣе быстрымъ способомъ сообщенія съ Дальнимъ Востокомъ оказался морской путь черезъ Суэцкій каналъ и Индійскій океанъ, и я, сѣвъ въ Неаполѣ на быстроходный «Преуссенъ» Сѣверо-Германскаго Ллойда, черезъ 5 недѣль прибылъ въ Портъ-Артуръ и явился къ Вице-Адмиралу Алексѣеву, который немедленно отправилъ меня въ Тяньцзинъ, на театръ военныхъ дѣйствій, съ назначеніемъ исправлять должность начальника штаба 2-й Восточно-Сибирской Стрѣлковой Бригады, недавно туда прибывшей изъ Новокіева и вступившей въ составъ международнаго отряда.

Бригадой командовалъ генералъ-маіоръ Церпицкій, она состояла изъ 3-хъ В.-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ (4-й полкъ былъ въ отдѣльной командировкѣ — въ раіонѣ порта Инкоу), 3-хъ батарей В.-Сиб. пѣшей артиллеріи и 2-хъ сотенъ 1-го Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго Казачьяго войска. Вотъ тутъ-то и завязалось мое новое

www.elan-kazak.ru

Казаки и уличный театръ маріонетокъ.
(рисовалъ и литографировалъ J. Marlet).

www.elan-kazak.ru

знакомство съ Сибирскими Войсками и въ частности — съ молодцами забайкальцами.

Прибывъ въ Тянцзинъ и вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, я сразу окунулся въ необычную для меня обстановку: съ одной стороны — многочисленные иностранные и наши дипломаты, только что освобожденные отъ тяжелаго Пекинскаго осаднаго сидѣнія, чины штаба фельдмаршала, чопорные англійскіе адмиралы, разноплеменный составъ союзныхъ войскъ и густое китайское населеніе 2-хъ милліоннаго города — съ другой стороны — наши сибиряки: строгіе, серьезные, немного угрюмые, но держащіеся съ большимъ достоинствомъ и уже овѣянные побѣдной славой, — не даромъ еще на дняхъ доблестный 12-й вост.-сибирскій стрѣлковый полкъ подъ начальствомъ храбрѣйшаго полковника Анисимова выручилъ зарвавшуюся колонну англійскаго адмирала Сеймура, отстоялъ городъ Тянцзинъ, а затѣмъ былъ главнымъ участникомъ взятія самого Пекина. Да, было чѣмъ гордиться нашимъ сибирякамъ! Показали всѣмъ иностранцамъ каковъ нашъ руссkій солдатъ! Тянцзинскіе госпитали были полны нашими ранеными, но за то какимъ почетомъ пользовалось русское имя у европейской колоніи города! Женщины и дѣти считали скромнаго героя Анисимова ихъ спасителемъ и я самъ видѣлъ, какъ, провожая его при отъѣздѣ, чопорныя англичанки со слезами на глазахъ бросались къ нему, цѣловали его руки и осыпали его цвѣтами, всячески стараясь выразить свою благодарность!

И моральное и численное превосходство силъ было на сторонѣ русскихъ, и голосъ нашего командованія пользовался большимъ авторитетомъ, въ чемъ мнѣ пришлось не разъ убѣдиться.

Послѣ взятія Пекина и захвата желѣзно-дорожной линіи Таку-Тянцзинъ-Пекинъ передъ союзниками возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ веденіи операцій и, конечно, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, — мнѣнія раздѣлились: одни совѣтовали идти вглубь страны, преслѣдовать бѣжавшую изъ Пекина въ Баодинъ-фу китайскую императорскую семью и взять ее въ плѣнъ, другіе стояли за то, чтобы никуда пока не двигаться, а ждать прибывающихъ отовсюду подкрѣпленій, — третьи были того мнѣнія, что прежде всего нужно обезпечить себѣ тылъ, т. е. сообщенія съ моремъ и, не довольствуясь одними лишь взятыми съ боя фортами Таку, занять цѣликомъ все побережье Печилійскаго залива со всѣми расположенными въ этомъ раіонѣ: крѣпостями, фортами, лагерями и желѣзнодорожными путями, а также разсѣять и уничто-

www.elan-kazak.ru

жить всѣ скопленія китайскихъ войскъ и бандъ повстанцевъ, которыми была полна вся Печилійская провинція.

Мой начальникъ, боевой генералъ Церпицкій (старый Туркестанецъ и соратникъ Скобелева) и только что прибывшій въ Тяньцзинъ генералъ-лейтенантъ баронъ Штакельбергъ, не менѣе испытанный въ бояхъ, въ моемъ присутствіи обсуждали эти вопросы и серьезно оцѣнивъ всю обстановку, пришли къ заключенію, что ввязываться въ дальній походъ вглубь страны весьма рискованно, сидѣть сложа руки тоже нѣтъ смысла, а что очистить отъ непріятеля и крѣпко занять подступы къ морю, откуда и мы и всѣ союзники ожидали подкрѣпленій — наиболѣе разумное и цѣлесообразное рѣшеніе вопроса. Недолго спустя, на нашемъ «Петропавловскѣ», стоящемъ на рейдѣ Таку, состоялся военный совѣтъ, на которомъ и мнѣ, сопровождая моего начальника, пришлось присутствовать, и я съ удовольствіемъ услышалъ, что мнѣніе генераловъ барона Штакельберга и Церпицкаго восторжествовало и что на 7-е сентября былъ назначенъ штурмъ ближайшей къ Таку крѣпости Бейтанъ союзнымъ отрядомъ подъ общимъ командованіемъ ген.-л. барона Штакельберга. Не буду излагать подробностей этого боя — скажу лишь, что какъ и можно было ожидать, китайскій гарнизонъ европейски-укрѣпленныхъ и вооруженныхъ 5 фортовъ Бейтана, послѣ ночного артиллерійскаго боя, гдѣ съ нашей стороны дѣйствовали осадныя мортирныя батареи, не выдержалъ вида нашихъ союзныхъ штурмовыхъ колоннъ, очистилъ всѣ форты, сѣлъ на джонки и уплылъ въ открытое море...

Бейтанская операція была расчитана на 3-4 дня и принимавшія въ ней участіе союзныя войска должны были возвратиться на свои квартиры въ Тяньцзинъ. Въ виду сего нашимъ было приказано выступить на легкѣ, безъ походнаго снаряженія и обозовъ, и даже безъ шинелей (стояла теплая погода), но съ большимъ количествомъ патроновъ. На дѣлѣ же вышло совершенно обратное: быстрое овладѣніе Бейтаномъ и лихой налетъ летучаго отряда полковника Флуга на находящійся вблизи военный лагерь у Лутая, поспѣшно очищенный китайскими регулярными войсками, настолько подбодрили и окрылили надеждами наше командованіе, что было рѣшено: предоставить союзникамъ возвращаться назадъ въ Тяньцзинъ, а намъ самимъ использовать одержанные успѣхи и идти впередъ, на сѣверъ, вдоль Печилійскаго залива и захватывать все, что попадется на пути.

Вотъ тутъ то наши забайкальцы и сибирскіе стрѣлки показали всю

www.elan-kazak.ru

свою доблесть: люди рвались впередъ, слѣдуя по пятамъ отступающихъ китайцевъ и презирая опасность быть взорванными на безчисленныхъ минахъ и фугасахъ, всюду заложенныхъ непріятелемъ, особенно падкимъ на такого рода пассивную оборону. Наша отважная саперная команда изъ 8 человѣкъ саперъ и моряковъ-минеровъ при 2-хъ офицерахъ какимъ-то особымъ нюхомъ угадывала расположеніе этихъ минъ и фугасовъ и обезвреживала ихъ. Я лично былъ свидѣтелемъ того, какъ наши молодцы даже ночью, при свѣтѣ электрическихъ фонариковъ, лежа на брюхѣ — руками откапывали зарытые въ землю самовзрывающіеся фугасы! Впереди команды всегда шли, или вѣрнѣе, ползли оба офицера: саперный подпоручикъ и морской лейтенантъ, и какимъ то Божьимъ чудомъ вся эта доблестная команда осталась живой и невредимой и въ скоромъ времени получила отъ Командующаго Войсками заслуженную награду — всѣмъ были даны Георгіевскіе кресты.

Какъ только было отдано приказаніе идти впередъ, нашъ пылкій командиръ не утерпѣлъ и, взявъ съ собой 2 сотни верхнеудинцевъ, охотничьи команды нашихъ трехъ полковъ и нѣсколькихъ саперъ и артиллеристовъ, бросился къ ближайшей желѣзнодорожной станціи Су-чуанъ, обойдя минированное шоссе. Мнѣ же ген. Церпицкій поручилъ: возможно скорѣе собрать ближайшія части нашей бригады и идти за нимъ слѣдомъ — это я и сдѣлалъ съ возможной поспѣшностью, поднимая нашихъ стрѣлковъ съ биваковъ у Бейтана и Лутая и направляя ихъ на сѣверъ. Отдыхающіе на Бейтанскихъ фортахъ союзники съ любопытствомъ спрашивали: «куда вы спѣшите?» — но никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ насъ не получали, такъ какъ вся наша бригада твердо рѣшила, что желѣзную дорогу и все прочее захватимъ *мы*, безъ всякой посторонней помощи.

И дѣйствительно, вскорѣ изъ авангарда получено было извѣстіе, что ближайшая станція была съ налета занята казаками и что взятъ былъ цѣлый поѣздъ съ паровозомъ подъ парами. Ген. Церпицкій приказалъ китайцамъ-машинистамъ вести поѣздъ, угрожая за ослушаніе немедленнымъ разстрѣломъ. Охотничьи команды и часть казаковъ были погружены въ вагоны, но изъ предосторожности 3 переднихъ платформы оставлены незанятыми нашими (на нихъ тотчасъ-же вскарабкались китайцы рабочіе). Наши станичники по очереди боковыми разъѣздами охраняли движеніе поѣзда, скорость котораго была предусмотрительно сведена до 8-9 верстъ въ часъ.

Тѣмъ временемъ головныя части нашихъ главныхъ силъ уже ус-

www.elan-kazak.ru

нѣли подойти къ первой станціи Су-чуанъ, гдѣ насъ встрѣтилъ оставленный генераломъ караулъ. Оказалось, что желѣзно-дорожный телеграфъ въ неправности и я расчитывалъ при посредствѣ его войти въ связь съ нашимъ авангардомъ, какъ вдругъ пришла тревожная депеша: поѣздъ съ нашимъ генераломъ и стрѣлками потерпѣлъ крушеніе, много китайцевъ убито, но наши, слава Богу, цѣлы, хотя многіе ушиблены. Это извѣстіе какъ громомъ поразило нашъ отрядъ и у всѣхъ офицеровъ и солдатъ вырвался одинъ крикъ: «Впередъ, скорѣй впередъ! Надо выручить нашъ авангардъ, а то пожалуй подлые китайцы воспользуются суматохой и нападутъ на него!». Зная вѣроломную тактику нашего противника и особую дерзость боксеровъ можно, конечно, было ожидать всякихъ непріятныхъ сюрпризовъ и потому, посовѣтовавшись съ полковыми, баталіонными и ротными командирами, мы единогласно рѣшили: спѣшить впередъ, на выручку нашего авангарда.

Уже вечерѣло и я высказалъ мысль, что послѣ дневного перехода нужно было бы дать войскамъ хотя бы кратковременную передышку, но солдаты объ этомъ и слышать не захотѣли и въ одинъ голосъ мнѣ заявили: «Ваше В-діе, не безпокойтесь за насъ, мы — люди привычные, сибиряки, охотники по звѣрю — намъ длинные переходы не страшны — это не то, что въ Рассеѣ — тамъ, слышь переходы не больше 20-25 верстъ въ сутки и шабашъ, а мы и 60 верстъ легко отмахаемъ! Вотъ попьемъ чайку, да и пойдемъ вдоль рельсовъ. Съ пути не собьемся, не бойтесь, а какъ догонимъ нашего генерала, такъ тогда и щи сваримъ, и отдохнемъ!».

Тутъ я понялъ, что съ такими молодцами можно идти хоть на край свѣта и чѣмъ дальше, тѣмъ больше я приходилъ къ убѣжденію, что въ сибирскомъ солдатѣ и казакѣ дѣйствительно живетъ духъ нашихъ русскихъ былинныхъ богатырей!.

Отрядъ нашъ шелъ всю ночь съ небольшими лишь остановками и неизмѣнной варкой чая — сибирякъ безъ своего кирпичнаго чая никуда не двинется и обладаетъ особымъ искусствомъ варить его въ своемъ походномъ котелкѣ необычайно быстро. Прибыли мы на разсвѣтѣ на слѣдующую станцію Пань-шорсъ, гдѣ нашли нашъ авангардъ крѣпко забаррикадированнымъ въ одномъ изъ станціонныхъ зданій и охраняемымъ часовыми. Оказывается, на этой станціи имѣется большое депо съ подвижнымъ составомъ и много служащихъ и рабочихъ-китайцевъ. Послѣдніе были сильно перепуганы и страшно опасались мести боксеровъ, запретившихъ имъ всякое сношеніе съ «иностранными дья-

www.elan-kazak.ru

волами». Чтобы успокоить всю эту ораву, генералъ приказалъ свести ихъ въ одну казарму и приставить часовыхъ, якобы для ихъ охраны, а въ дѣйствительности для того, чтобы они не разбѣжались.

Особенныя же мѣры охраненія были приняты въ виду появившихся слуховъ о большихъ скопленіяхъ войскъ и боксеровъ въ раіонѣ желѣзной дороги.

Весь слѣдующій день (13 сент.) войска отдыхали послѣ усиленнаго ночного перехода, генералъ же со штабомъ и старшими начальниками занялся подробнымъ осмотромъ станціи, мастерскихъ и депо. Только что догнавшій нашъ отрядъ инженеръ-полковникъ Келлеръ, котораго вице-адмиралъ Алексѣевъ экстренно командировалъ для осмотра и принятія въ свое вѣдѣніе желѣзно-дорожной линіи, оказался тутъ какъ нельзя больше кстати: съ нѣсколькими сопровождавшими его саперами онъ немедленно привелъ въ порядокъ участокъ пути, поврежденный крушеніемъ, осмотрѣлъ весь наличный подвижной составъ, отобралъ спеціалистовъ-механиковъ и рабочихъ-китайцевъ и сразу работа закипѣла во-всю. Китайцы, увидавъ, что мы ихъ не только не обижаемъ, но даже платимъ имъ деньги за работу, ревностно принялись за дѣло и къ утру 15-го сентября три большихъ поѣзда изъ классныхъ вагоновъ и платформъ были готовы и подъ парами. Любопытно отмѣтить фактъ, что намъ такъ и не удалось выяснить причины происшедшаго крушенія: былъ ли тутъ несчастный случай или злой умыселъ? Главные свидѣтели — машинисты и китайцы, сидѣвшіе на переднихъ трехъ платформахъ, всѣ погибли подъ обломками, — отъ станціонныхъ же служащихъ ничего нельзя было толкомъ добиться. Такъ все это и осталось *невыясненной тайной. Наканунѣ къ вечеру подошли остальныя* части нашей бригады и наша артиллерія, не успѣвшая за дальностью стоянокъ присоединиться къ намъ при нашемъ стремительномъ движеніи впередъ.

Вся наша бригада теперь оказалась въ полномъ сборѣ — оставалось только продолжать удачно начатую операцію, т. е. овладѣть всей линіей желѣзной дороги вплоть до крѣпости Шанхай-гуань, находящейся у оконечности Великой Китайской Стѣны, упирающейся въ море.

На слѣдующее утро (15-го сентября), весь нашъ отрядъ погрузился въ приготовленные саперами три поѣзда и двинулся впередъ, соблюдая величайшую осторожность и, разумѣется, всѣ мѣры охраненія лежали на отвѣтственности нашихъ забайкальцевъ и саперъ: впереди головного поѣзда шелъ передовой разъѣздъ съ нѣсколькими саперами,

www.elan-kazak.ru

провѣрявшими исправность пути и разыскивающими: нѣтъ-ли гдѣ подкоповъ или минъ; казаки-же со всѣхъ сторонъ высылкой дозорныхъ зорко наблюдали за окрестной мѣстностью. Минъ и подкоповъ, къ счастью, не оказалось — чему мы были обязаны неожиданностью нашего появленія въ раіонѣ жел. дороги — китайскія власти такой прыти отъ насъ не ожидали. Поѣзда, нагруженные нашей артиллеріей и стрѣлками, двигались съ весьма умѣренной скоростью, соблюдая небольшие интервалы шаговъ въ 50, дежурныя части на каждомъ поѣздѣ были начеку, всегда готовыя немедленно отразить всякій неожиданный вражескій налетъ. Я думаю, что врядъ ли въ современной военной исторіи было много случаевъ такого оригинальнаго способа походнаго движенія значительнаго отряда изъ 3-хъ родовъ оружія!

Во всякомъ случаѣ — наша цѣль была вполнѣ достигнута, такъ какъ скорость нашего наступленія сильно выиграла. Уже къ вечеру 18-го сентября мы подошли къ крѣпости Шанхай-гуань и на слѣдующее утро (19-го) расчитывали атаковать ее собственными силами, въ виду того, что уже болѣе недѣли не имѣли никакой связи съ нашимъ высшимъ командованіемъ и въ его дальнѣйшие планы посвящены не были. Отъ инженеръ-полковника Келлера мы только знали, что что-то готовится союзниками на Печилійскомъ побережіи — но что? — онъ самъ не зналъ.

Четырехдневное наше движеніе отъ ст. Тань-шань совершилось вполнѣ удачно, безъ всякихъ неожиданныхъ или непріятныхъ инцидентовъ. Наше появленіе на линіи вызывало повсюду смятеніе, но, видя, что мы никого не обижаемъ и ничего не грабимъ и не разоряемъ, населеніе успокаивалось и встрѣчало насъ даже любезно: приносили воду, чай, фрукты, всякую живность — такъ что голодать намъ не приходилось. За всѣ продукты мы широко расплачивались — что особенно радовало китайцевъ, привыкшихъ къ поборамъ, грабежамъ и насиліямъ боксеровъ и своихъ собственныхъ солдатъ.

Были слухи о близкомъ присутствіи боксерскихъ бандъ, но покамѣстъ — никакой непріятель намъ на глаза не попадался. Впослѣдствіи выяснилось, что эти слухи были обоснованы, какъ увидите изъ моего дальнѣйшаго повѣствованія.

Заканчивая краткую реляцію о нашемъ довольно курьезномъ походѣ, считаю долгомъ отмѣтить особыя заслуги молодцовъ-верхнеудинцевъ, неустанно охранявшихъ нашъ отрядъ. Они были, какъ подобаетъ хорошей конницѣ, — дѣйствительно нашими глазами и ушами — ничто не ускользало отъ ихъ вниманія — ни днемъ, ни ночью никакой подо-

www.elan-kazak.ru

зрительный человѣкъ не смогъ подойти къ расположенію нашего отряда — зоркій глазъ забайкальца его сейчасъ же выслѣживалъ и, поймавши на арканъ, волокъ ко мнѣ на допросъ. Я просто не могъ нахвалиться ихъ наблюдательностью, зоркостью и особеннымъ чутьемъ — это былъ цѣннѣйшій элементъ, который надлежало особливо беречь. У насъ-же, къ сожалѣнію, уже съ давнихъ поръ вошло въ привычку распылять казачьи сотни, и даже полки, назначеніемъ отдѣльныхъ казаковъ: вѣстовыми (иногда даже не военнымъ чинамъ), конвоирами, сторожами и т. под. — между тѣмъ какъ цѣльная сотня, полусотня или даже взводъ являются цѣнной боевой единицей!

На разсвѣтѣ 19-го сентября весь нашъ отрядъ высадился изъ поѣздовъ, построился въ боевой порядокъ и двинулся по направленію ближайшаго форта Шанхай-гуаня, который мы ясно видѣли въ бинокль и который нами было рѣшено взять приступомъ. Наши казаки уже успѣли разнюхать, что фортъ занятъ китайскимъ гарнизономъ. Попутно, они успѣли также высмотрѣть наиболѣе удобные подступы къ нему.

Отрядъ нашъ приготовился къ атакѣ форта открытой силой — способомъ, рекомендуемымъ многими военными авторитетами и очень одобряемымъ нашимъ генераломъ, привыкшимъ воевать съ азіатами. Всѣ чины отряда были съ этимъ согласны и всѣ рвались въ бой, горя желаніемъ наконецъ вплотную сразиться съ регулярнымъ китайскимъ войскомъ, а то, какъ говорили наши стрѣлки: «Мы до сихъ поръ видѣли только пятки удиравшихъ китайскихъ солдатъ! Пора и лицомъ съ ними столкнуться!».

Утро было ясное, солнечное. Общее настроеніе — торжественно приподнятое. Съ нетерпѣніемъ ждемъ генеральскаго приказа атаковать, какъ вдругъ слышимъ съ моря шумъ страшнѣйшей канонады! Ген. Церпицкій со штабомъ бросается карьеромъ на близъ лежащій холмъ, съ котораго намъ открывается видъ на море и мы съ удивленіемъ видимъ весь союзный флотъ, бомбардирующій крѣпость Шанхай-гуань! Зрѣлище необычайно интересное! Генералъ громко крикнулъ: «Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Слава Богу — во время мы поспѣли! Пусть и на нашу долю достанется честь взятія крѣпости Шанхай-гуань! Впередъ, ребята! Съ Богомъ!».

Наши стрѣлки только этого и ждали и какъ львы кинулись впередъ на ближайшій фортъ, но китайцы опять никакого сопротивленія не оказали, быстро ретировались и мы снова увидѣли только ихъ синія *спины и сверкающія пятки*!..

www.elan-kazak.ru

Войдя въ фортъ, генералъ распорядился немедленно вывѣсить на верху стѣны большой русскій флагъ, не имѣя никакого другого способа дать знать флоту о нашемъ присутствіи. Бомбардировка начала стихать — какъ потомъ оказалось, китайскій комендантъ со своей стороны вывѣсилъ бѣлый флагъ и сдалъ крѣпость союзникамъ. Вскорѣ къ нашему форту подошелъ англійскій морской лейтенантъ съ отрядомъ матросовъ. Увидавъ развѣвающійся русскій флагъ, онъ удивленнымъ голосомъ крикнулъ: «Кто тамъ? Отвѣчайте!» — «Русскія войска!», крикнулъ я ему по англійски и, по приказанію генерала, вышелъ ему на встрѣчу изъ воротъ форта. Англичанинъ глазамъ своимъ не вѣрилъ: «Какъ вы сюда попали? Какими судьбами?» — «Пріѣхали по желѣзной дорогѣ, любезный лейтенантъ», отвѣтилъ я съ улыбкой и пригласилъ его войти въ фортъ и представиться генералу. Англичанинъ, увидавъ во внутреннемъ дворѣ форта цѣлый крупный отрядъ пѣхоты съ артиллеріей и казаками, не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ! Онъ попросилъ разрѣшенія генерала послать со своимъ матросомъ немедленное донесеніе командующему союзнымъ флотомъ о нашемъ неожиданномъ появленіи. Генералъ согласился и недолго спустя на нашъ фортъ прибылъ англійскій адмиралъ съ большой свитой и нашъ вице-адмиралъ Скрыдловъ, мой старый знакомый по Петербургу. Скрыдловъ не могъ скрыть своего удовольствія при видѣ нашего отряда, облобызался съ ген. Церпицкимъ и со мною и поздравилъ насъ съ успѣшнымъ походомъ. «Вотъ такъ молодцы! Вы не можете себѣ представить какую громадную услугу ваше присутствіе оказало русскому дѣлу! Вѣдь благодаря вамъ, перевѣсъ силъ на сушѣ опять на нашей сторонѣ! Посмотрите-ка на нашихъ союзниковъ-англичанъ! Какъ они кисло улыбаются! Вѣдь они мечтали захватить Шанхай-гуань и жел. дорогу всецѣло въ свои руки и съ этой цѣлью привезли съ собой отрядъ индусовъ, — да не тутъ-то было — дорога захвачена вами и мы ее крѣпко займемъ, — я кстати привезъ съ собой два полка одесской желѣзной стрѣлковой бригады — сегодня же и высадимъ! Вотъ такъ неожиданный сюрпризъ! Никто изъ милыхъ союзниковъ за нами теперь не угонится! Поздравляю васъ, господа, отъ всей души поздравляю!». Бравый адмиралъ пожелалъ также поздравить весь нашъ отрядъ и громкое «ура» нѣсколькихъ тысячъ русскихъ воиновъ раздалось надъ всей крѣпостью и рейдомъ, на которомъ среди многихъ иностранныхъ вымпеловъ мы съ радостью узрѣли дорогіе Андреевскіе флаги нашихъ военныхъ судовъ и транспортовъ!

www.elan-kazak.ru

Началась обычная сутолока — союзники стали высаживать свои десанты и войска. Французы привезли батальонъ зуавовъ изъ Алжира, нѣмцы — тоже около батальона, англичане — цѣлый полкъ индусовъ-сипаевъ и 2 эскадрона индусскихъ уланъ — но все это было ничтожно въ сравненіи съ нашими силами: 5 стрѣлковыхъ полковъ, да еще какихъ!

Какъ ни старались англичане наложить свою руку на забранную нами желѣзнодорожную линію — это имъ не удалось. Единственное, на что наше командованіе согласилось — это уступить часть станціоннаго помѣщенія на ближайшей къ Шанхай-гуаню станціи Цинвантау, гдѣ находилась удобная для выгрузокъ бухта — да и тутъ дѣло чуть не дошло до драки: на этой станціи находился нашъ караулъ изъ 25 стрѣлковъ при офицерѣ, — молодомъ подпоручикѣ. Англичане, заручившись нашимъ согласіемъ, поторопились послать на упомянутую станцію отрядъ въ 50 сипаевъ при англійскомъ офицерѣ, который очень нахально потребовалъ отъ нашего подпоручика очистить помѣщеніе. Подпоручикъ, не успѣвшій еще получить письменнаго приказанія изъ нашего штаба, отказался впустить англичанъ въ станціонное помѣщеніе и видя, что они собираются войти силой, вызвалъ весь свой караулъ въ ружье, скомандовалъ на изготовку и знаками показалъ, что при первой насильственной попыткѣ — откроетъ огонь! Англичанинъ предпочелъ отвести своихъ индусовъ въ сторону и дождаться прибытія казака съ письменнымъ приказаніемъ рьяному поручику уступить часть помѣщенія. Инцидентъ былъ улаженъ, но не безъ жалобъ съ той и съ другой стороны, и мнѣ, конечно, въ этомъ случаѣ пришлось играть роль переводчика и миротворца. Нашъ же генералъ, которому я доложилъ все это дѣло, очень похвалилъ подпоручика за проявленную рѣшительность и твердость и приказалъ представить его къ наградѣ.

Въ Шанхай-гуанѣ нашей бригадѣ пришлось обосноваться на долгіе мѣсяцы и тутъ вскорѣ выяснилось: сколь опрометчиво было выступать изъ Тяньзина на-легкѣ, такъ какъ въ виду сложившихся обстоятельствъ военнаго времени, нашей бригадѣ никогда болѣе не пришлось вернуться въ Тяньзинъ, гдѣ у насъ осталось все походное имущество, включая солдатскіе мѣшки и шинели, обозъ, походныя кухни и проч. Въ концѣ сентября начались осенніе холода, отъ которыхъ начали страдать наши люди, одѣтые въ однѣ гимнастерки. Перевозка имущества и обоза нашей бригады оказалось дѣломъ весьма и весьма сложнымъ и затруднительнымъ и стоило мнѣ многихъ хлопотъ и громадной перепи-

www.elan-kazak.ru

ски. Къ счастью, удалось разжалобить нашъ благодѣтельный Красный Крестъ, который прислалъ намъ изъ Портъ-Артура цѣлый лазаретъ со всѣмъ оборудованіемъ и врачебнымъ персоналомъ, а также большой транспортъ теплыхъ вещей: фуфаекъ, рукавицъ, романовскихъ полушубковъ и проч., которые были тотчасъ же розданы чинамъ нашей бригады. Радость была великая, такъ какъ щедрая рука Краснаго Креста облагодѣтельствовала всѣхъ безъ исключенія.

Во время стоянки бригады въ Шанхай-гуанѣ, главной нашей заботой была охрана цѣлости захваченной нами желѣзной дороги, которой мы особенно дорожили. Да и не только мы, но и остальные союзники вполнѣ сознавали важное значеніе этой дороги, связывающей Шанхай-гуань съ Бейтаномъ, Таку, Тянцзиномъ и Пекиномъ. Наступала зима, во время которой Печилійскій заливъ замерзалъ и единственнымъ путемъ сообщенія являлась упомянутая дорога, которую послѣ многихъ недѣль удалось возстановить полностью, — участокъ между Бейтаномъ и Таку былъ сильно поврежденъ китайцами и съ трудомъ исправленъ.

Охрана пути между ст. Танъ-шанъ и ст. Шанхай-гуань лежала на нашей обязанности и нашъ генералъ очень безпокоился о томъ, чтобы оградить важнѣйшіе пункты отъ внезапныхъ налетовъ боксерскихъ бандъ. Опасенія его не были напрасны и не прошло и двухъ недѣль со времени нашего прибытія въ Шанхай-гуань, какъ 3-го октября телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о томъ, что большое скопище боксеровъ внезапно напало на ст. Ланчжоу, находящуюся верстахъ въ 70 у большого желѣзнодорожнаго моста черезъ широкую рѣку Луан-хэ, впадающую въ Печилійскій заливъ. Станція эта охранялась нашимъ карауломъ изъ 35 стрѣлковъ при офицерѣ — поручикѣ Кульчицкомъ. Тревожная вѣсть, какъ молнія, облетѣла весь союзный Шанхай-гуанскій гарнизонъ и не понадобилось бить тревогу и собирать войска: со всѣхъ концовъ стали спѣшить къ нашему вокзалу цѣлыя части союзныхъ войскъ: нѣмецкій батальонъ, батальонъ французскихъ зуавовъ, батальонъ сипаевъ и оба эскадрона индусскихъ уланъ. Ген. Церпицкій, какъ старшій, былъ начальникомъ гарнизона Шанхай-гуаня, и потому отъ него зависѣло отдать должныя распоряженія для подачи скорѣйшей помощи атакованной станціи Ланчжоу. Слѣдующій по старшинству за нашимъ генераломъ былъ англійскій генералъ маіоръ Ридъ, — его то ген. Церпицкій и назначилъ командовать союзнымъ отрядомъ, въ составъ котораго вошелъ еще нашъ батальонъ, батарея и сотня верхнеудинцевъ. Въ помощь генералу Риду, не говорящему ни на какомъ языкѣ, кромѣ

www.elan-kazak.ru

англійскаго, нашъ генералъ назначилъ меня, въ качествѣ начальника штаба.

Отряду дана была задача: во 1-хъ выручить караулъ станціи, а во 2-хъ разогнать всю банду боксеровъ и очистить отъ нихъ всю прилегающую мѣстность, а главное нагнать страхъ на мѣстныя китайскія власти, показавъ имъ силу нашего оружія.

Не прошло и часу послѣ полученія тревожной телеграммы, какъ нашъ поѣздъ, нагруженный до отказу союзными войсками, на всѣхъ парахъ поспѣшилъ къ ст. Ланчжоу и былъ встрѣченъ радостнымъ «ура» нашего караула. На встрѣчу намъ выскочилъ поручикъ Кульчицкій и по моему указанію отрапортовалъ генералу Риду о томъ, что всѣ нападенія боксеровъ на его станцію, которую онъ весьма искусно превратилъ въ настоящій блокгаузъ, были имъ отбиты, причемъ безъ потерь со стороны нашихъ стрѣлковъ (кромѣ легкихъ царапинъ). Оказывается, что нѣсколько сотъ боксеровъ, вооруженныхъ мечами и саблями, на разсвѣтѣ, внезапно, бросились на зданіе станціи и думали овладѣть ею открытой силой, но наши сибиряки учуяли ихъ приближеніе и встрѣтили ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что боксеры не выдержали и отошли, но нѣсколько разъ снова возобновляли нападеніе, принося лѣстницы, поджигая и бросая пучки соломы и т. под. — но безъ всякаго результата, — мѣткій огонь нашихъ молодцовъ косилъ ихъ десятками. Пытались попортить мостъ — но и это имъ не удалось: молодчина Кульчицкій такъ организовалъ обстрѣлъ своего блокгауза и поставилъ у бойницъ такихъ мѣткихъ стрѣлковъ, что ни одинъ боксеръ отъ моста живымъ не ушелъ. Въ довершеніе всего, наши сибиряки пришли въ такой ражъ, — имъ такъ хотѣлось поработать штыками, что они, пользуясь удобной минутой, сдѣлали вылазку и перекололи штыками многихъ боксеровъ, а главное тяжело ранили и захватили въ плѣнъ главаря шайки, саженнаго роста и звѣрскаго вида молодого китайца. Плѣненіе вождя и сила штыкового удара нашихъ молодцевъ рѣшили участь боя и всѣ оставшіеся въ живыхъ боксеры въ страхѣ разбѣжались. Нашъ поѣздъ прибылъ въ тотъ моментъ, когда до смерти перепуганное китайское населеніе окрестныхъ деревень собралось у станціи и на колѣняхъ умоляло Кульчицкаго не считать ихъ отвѣтственными за боксеровъ и не карать ихъ. Прибытіе нашего отряда еще болѣе усилило ихъ паническій страхъ, тутъ еще прибѣжали какіе то чиновники, мандарины, старшины и вся эта толпа бросилась съ плачемъ и воплями въ ноги генералу Риду, который обратился ко мнѣ и съ брезгливостью сказалъ: «Прикажи-

www.elan-kazak.ru

те имъ прекратить этотъ ужасный вой! Скажите имъ, что мы мирныхъ жителей трогать не будемъ, а пусть они сейчасъ же уберутъ подальше всѣ эти мертвыя тѣла и кстати пусть унесутъ и раненаго главаря — онъ повидимому смертельно раненъ! Ваши стрѣлки здорово работаютъ и штыкомъ и пулей! Сколько они ихъ тутъ накрошили!».

Бывшій съ нами переводчикъ, французскій миссіонеръ — милѣйшій патеръ — о. Капи, тотчасъ-же перевелъ китайцамъ приказаніе генерала Рида и вся толпа бросилась убирать тѣла убитыхъ и унесла ихъ по направленію къ рѣкѣ. Я спросилъ о. Капи, — что они намѣрены дѣлать съ этими тѣлами? Милѣйшій патеръ отвѣтилъ мнѣ, что жители считаютъ *боксеровъ злодѣями, не достойными погребенія, а просто спустятъ* ихъ въ рѣку, которая унесетъ ихъ въ море.

Тѣмъ временемъ подошелъ еще другой поѣздъ, съ которымъ прибыла наша батарея и огромный транспортъ муловъ англійскаго обоза съ цѣлой массой индусовъ, но не солдатъ, а прислуги и обозныхъ. Прибыла также и индусская конница. Генералъ Ридъ направился къ этому поѣзду и началъ распоряжаться разгрузкой его. Я подошелъ къ нему и спросилъ его: не думаетъ-ли онъ, что слѣдовало бы намъ по свѣжимъ слѣдамъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля и если не постараться разсѣять его окончательно, то по крайней мѣрѣ не потерять контакта съ нимъ и прослѣдить въ какомъ направленіи онъ ушелъ. Вѣдь у насъ сейчасъ имѣется прекрасная индусская конница, которая легко могла бы исполнить эту задачу. Генералъ взглянулъ на меня удивленно и сказалъ: «это совершенно немыслимо, мой пылкій другъ, я безъ ночного отдыха и безъ обоза съ раціонами никуда не двинусь. Посмотрите на этихъ оболтусовъ-индусовъ! Они даже не способны разгрузить муловъ съ поѣзда! Они тутъ цѣлую ночь провозятся, чортъ ихъ побери! Дай Богъ, чтобы завтра утромъ мы могли выступить. А что касается индусскихъ уланъ, то они здѣшней мѣстности совсѣмъ не знаютъ и не только никого не догонятъ, но сами заблудятся такъ, что ихъ потомъ не разыщешь! Отдайте пожалуйста распоряженіе, чтобы отрядъ сталъ на бивакъ на эту ночь. А дальше — увидимъ!». И съ этими словами, генералъ опять ушелъ къ поѣзду ругать обозныхъ, я-же пошелъ распорядиться насчетъ бивака, разсуждая про себя: какія въ разныхъ арміяхъ различныя понятія относительно веденія военныхъ дѣйствій!.. По дорогѣ мнѣ попался англійскій капитанъ, адъютантъ ген. Рида. Я остановилъ его и спросилъ: «Дорогой коллега, скажите мнѣ по совѣсти: какого характера вашъ генералъ и какъ съ нимъ нужно обходиться? Я совершенно его не понимаю!».

www.elan-kazak.ru

«Очень просто, милѣйшій камарадъ, — генералъ нашъ чистокровный шотландецъ и упрямъ, какъ тѣ мулы, которые сейчасъ не желаютъ выгружаться. Онъ къ тому же ужасно недовѣрчивъ и никогда ни съ чьимъ мнѣніемъ не соглашается и совѣтовъ не слушаетъ. Если вы хотите, чтобы что нибудь было сдѣлано, какъ почитаете нужнымъ — посовѣтуйте ему сдѣлать обратное. Онъ скажетъ: нѣтъ! и изъ духа противорѣчія сдѣлаетъ именно то, что вы желаете. Я всегда такъ съ нимъ поступаю».

«Спасибо за совѣтъ — я непремѣнно имъ воспользуюсь», отвѣтилъ я любезному капитану и крѣпко пожавъ ему руку пошелъ провѣрять бивачное расположеніе отряда. На слѣдующее утро я явился къ генералу за распоряженіями и съ мѣста приложилъ къ дѣлу адъютантскій совѣтъ. Послѣ многихъ разногласій выработалась довольно разумная диспозиція походнаго движенія: впереди — головной отрядъ изъ нашихъ забайкальцевъ, затѣмъ — главныя силы въ такомъ порядкѣ: французы, наши, нѣмцы и сипаи со своимъ обозомъ; справа и слѣва — боковые отряды изъ эскадрона индусскихъ уланъ каждый. Идти — въ западномъ направленіи, куда вѣроятно отошелъ противникъ, обнаруженіе пути котораго лежитъ на обязанности головного отряда, т. е. простыми словами: куда казаки укажутъ. Слава Богу, что хоть на этомъ порѣшили! Когда я уже собрался уходить, чтобы сообщить диспозицію начальникамъ частей, генералъ меня остановилъ и сказалъ: «Пожалуйста, сдѣлайте мнѣ одолженіе — дайте моимъ индусскимъ уланамъ вашихъ казаковъ проводниками, а то вѣдь они, какъ малые дѣти, ничего по части оріентировки не понимаютъ и картъ читать не умѣютъ — безъ проводниковъ непремѣнно заблудятся. А ваши казаки все умѣютъ дѣлать!».

Я улыбнулся и сказалъ: «Съ удовольствіемъ, сэръ, ваше желаніе будетъ исполнено!». Меня очень порадовало, что англичанинъ отдаетъ должное нашимъ казакамъ и я тотчасъ же позвалъ хорунжаго Шильникова и приказалъ ему дать каждому эскадрону индусовъ по одному казаку въ проводники и пусть онъ ѣдетъ впереди всѣхъ и ихъ ведетъ, какъ собачку на цѣпочкѣ, безъ всякихъ разговоровъ.

Поднятіе съ бивака длилось довольно долго — наши, французы и нѣмцы уже давно были готовы, а индусы все еще возились съ погрузкой своего обоза. Наконецъ, послѣ потоковъ ругани англійскихъ офицеровъ, обозъ построился въ хвостѣ колонны и весь отрядъ двинулся впередъ. Я подъѣхалъ къ нашимъ забайкальцамъ, далъ надлежащую ци-

www.elan-kazak.ru

струкцію бравому хорунжему Шильникову обо всемъ замѣченномъ мнѣ немедленно доносить и его головной отрядъ рысью пошелъ по направленію предполагаемаго отхода противника. Повернувъ назадъ я поѣхалъ навстрѣчу двигающихся главныхъ силъ нашего отряда, во главѣ которыхъ важно ѣхалъ на прекрасномъ австрійскомъ конѣ самъ генералъ со своимъ адъютантомъ и ординарцами. Я доложилъ ему о томъ, что головной отрядъ уже двинулся на розыски отступившаго противника, хотя въ душѣ мнѣ не вѣрилось, что мы его настигнемъ — слишкомъ много уже было потеряно времени. Присоединившись къ свитѣ генерала я замѣтилъ шествующіе на нашихъ флангахъ индусскіе эскадроны и не могъ не залюбоваться ими: и всадники и кони были красоты необычайной — точно бронзовыя изваянія! Рослые, стройные, безукоризненно одѣтые въ хаки, съ тюрбанами на головахъ и длиннѣйшими бамбуковыми пиками въ рукахъ, индусскіе уланы на своихъ кровныхъ коняхъ рыже-золотистой масти представляли дивную картину, достойную кисти художника-баталиста! Но я не могъ не улыбнуться, увидавъ впереди каждаго изъ этихъ 2-хъ эскадроновъ сказочныхъ всадниковъ-уланъ фигуру нашего забайкальца, въ бѣлой гимнастеркѣ и въ лихо-заломленной фуражкѣ, на своемъ маленькомъ монгольскомъ маштачкѣ, важно шествующую впереди всего эскадрона съ чувствомъ сознанія своего собственнаго достоинства. На всей его фигурѣ было написано: знай нашихъ, вотъ вы такіе писаные красавцы, да только оболтусы, а я, простой казакъ, веду васъ всѣхъ, словно стадо барановъ!

Шли мы около часу, солнце поднялось высоко и стало припекать. Сдѣлали привалъ, отдохнули малость и опять пошли по слѣдамъ головного отряда, отъ котораго пока никакихъ донесеній еще не было. Я уже сталъ думать, что какъ и слѣдовало предвидѣть, — мы противника прозѣвали и его и слѣдъ простылъ, какъ вдругъ общее вниманіе привлекли фигуры двухъ всадниковъ, скачущихъ намъ навстрѣчу. Одинъ изъ всадниковъ былъ несомнѣнно нашъ казакъ, но скачущій впереди его весьма страннаго вида — весь багровый и конь тоже! Видъ передняго всадника былъ настолько необыченъ, что, когда онъ подскакалъ къ генералу, весь отрядъ безъ команды остановился. Оказалось, что это были 2 казака изъ головного отряда, посланные ко мнѣ хор. Шильниковымъ съ донесеніемъ, что онъ напалъ на слѣдъ отступавшихъ боксерскихъ бандъ. Везя мнѣ это донесеніе, эти 2 молодца попали въ засаду; на нихъ выскочили 3 боксера, вооруженные 2-мя саблями каждый. Одинъ изъ нихъ нанесъ по головѣ казаку Макарову 2 глубокихъ раны, разсѣк-

www.elan-kazak.ru

шія ему черепъ, но другой станичникъ зарубилъ шашкой напавшаго на Макарова, самъ же Макаровъ, несмотря на тяжелое раненіе, зарубилъ другого, третій же предусмотрительно скрылся. Обливаясь кровью, покрывшей ему все лицо, рубаху и даже сѣдло и коня, молодчина Макаровъ продолжалъ скакать съ донесеніемъ и лично передалъ мнѣ залитый кровью пакетъ. Видъ бѣднаго Макарова былъ неописуемо ужасающій — не человѣкъ, а какой то окровавленный выходецъ съ того свѣта! Всѣ врачи и санитары всего отряда бросились къ нему, уложили его на носилки чуть не силой и начали дѣлать ему перевязку. Несмотря на страшную боль и громадную потерю крови, Макаровъ не терялъ сознанія и все безпокоился о своемъ конѣ. Только благодаря моимъ увѣщеваніямъ и моему обѣщанію, что я лично вмѣстѣ съ его станичникомъ присмотримъ за его конемъ — удалось его успокоить и онъ согласился, чтобы его лечили и уложили въ лазаретную линейку англичанъ.

Случай съ Макаровымъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ чиновъ отряда — только и было разговору о его храбрости и выносливости. Всѣ союзники прониклись глубокимъ уваженіемъ къ нашимъ казакамъ и солдатамъ и вѣсть о подвигѣ Макарова быстро разнеслась по всему Печилійскому театру военныхъ дѣйствій.

Дальнѣйшее слѣдованіе нашего отряда ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Недалеко въ перелѣскѣ мы нашли трупы убитыхъ Макаровымъ и его спутниковъ боксеровъ. Я подобралъ обѣ сабли, которыми Макаровъ былъ раненъ и захватилъ ихъ съ собой, съ тѣмъ, чтобы потомъ ихъ ему вручить, когда онъ поправится.

Походъ нашъ длился 3 дня, но какъ я и ожидалъ, намъ не удалось ущемить противника и мы ограничились тѣмъ, что обошли весь районъ, нагнали страху на всѣ окрестныя населенныя мѣста и благополучно вернулись въ Шанхай-гуань.

Подробно доложивъ генералу Церпицкому всѣ подробности нашей экспедиціи, я особенно отмѣтилъ выдающуюся храбрость поручика Кульчицкаго и его стрѣлковъ и подвигъ казака Макарова и его спутника, а также разсказалъ о медлительности англійскаго генерала и о его чудачествахъ. Генералъ очень хвалилъ нашихъ молодцовъ-стрѣлковъ и казаковъ и приказалъ представить всѣхъ отличившихся къ наградамъ. Макарова-же генералъ пошелъ навѣстить въ лазаретѣ Краснаго Креста, поздравилъ его, произвелъ въ урядники и обѣщалъ представить къ награжденію золотымъ Георгіевскимъ крестомъ, который онъ вскорѣ и получилъ. Я часто навѣщалъ Макарова и очень его полюбилъ.

www.elan-kazak.ru

Для меня онъ воплощалъ всю казачью доблесть: онъ былъ умный, развитой, хорошо грамотный, красивый казакъ чисто-русскаго типа, съ которымъ мнѣ было пріятно и интересно бесѣдовать. Онъ довольно скоро оправился отъ своей раны, благодаря уходу нашихъ врачей и сестрицъ и еще при мнѣ уѣхалъ на поправку къ себѣ въ станицу, въ родное Забайкалье.

Приведу еще одинъ случай, рисующій удаль и молодечество моихъ дорогихъ забайкальцевъ — я говорю дорогихъ, такъ какъ за эти мѣсяцы постояннаго общенія съ этими удивительными русскими бойцами я глубоко привязался къ нимъ.

Однажды, возвращаясь со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ изъ одной изъ экспедицій, куда меня не разъ посылалъ генералъ Церпицкій съ различными порученіями: разоружить какой нибудь китайскій городъ, арестовать мятежнаго фудутуна, собрать свѣдѣнія о боксерскихъ бандахъ или выручить осажденныхъ миссіонеровъ — я ѣхалъ въ головѣ походной колонны моихъ стрѣлковъ. Двигались мы не особенно торопясь, такъ какъ наканунѣ, при выполненіи даннаго мнѣ порученія, нашему отряду пришлось совершить довольно утомительный переходъ, станція же, гдѣ я долженъ былъ погрузиться на поѣздъ была въ какихъ нибудь 10-12 верстахъ и времени было много впереди. День былъ ясный и теплый, настроеніе у всѣхъ было бодрое. Мои стрѣлки шли своимъ размашистымъ охотничьимъ шагомъ, казаки, какъ всегда впереди, освѣщали мѣстность, представляющую собою довольно широкую открытую долину, окаймленную невысокими холмами, покрытыми сочной зеленой травой. Офицеры группой ѣхали около меня и всѣ мы весело болтали, какъ вдругъ вниманіе мое было привлечено какими-то бѣлыми пятнами и точками, появившимися на склонахъ окрестныхъ горъ. Я подозвалъ китайца-переводчика и спросилъ его: что это такое? на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что это пасутся табуны китайскаго богдыхана, совершенно дикіе монгольскіе кони, которымъ дано право пастись гдѣ угодно, и ни одинъ китаецъ подъ страхомъ смертной казни не смѣетъ ихъ тронуть. У меня тотчасъ-же блеснула мысль: нельзя ли использовать этихъ дикихъ коней для нашихъ нуждъ? Вѣдь мы воюемъ съ китайскимъ императоромъ, и эти кони, не будучи частной собственностью являются военной добычей. Я немедленно подозвалъ хорунжаго Шильникова и приказалъ ему собрать ко мнѣ всѣхъ наличныхъ въ отрядѣ казаковъ — колонну же остановилъ на отдыхъ и неизмѣнное чаепитіе.

www.elan-kazak.ru

Когда всѣ казаки собрались, я обратился къ нимъ съ рѣчью: «Братцы-станичники, вѣдь вамъ извѣстно, что мы воюемъ съ китайцами и что ихъ императоръ — нашъ врагъ. Такъ вотъ видите: на склонахъ этихъ холмовъ пасутся императорскіе табуны. Вы — молодцы казаки отломали тяжелый походъ въ Тяндзинъ и Пекинъ, были подъ Бейтаномъ, лихимъ налетомъ овладѣли желѣзной дорогой и дошли до Великой Китайской Стѣны. Кони ваши вѣрные сильно притомились, да и вы сами порядкомъ устали. Такъ вотъ: въ награду за вашу доблестную, вѣрную службу, разрѣшаю вамъ сейчасъ же выбрать себѣ изъ императорскихъ табуновъ любого коня по вкусу, въ полную вашу собственность, для освѣженія вашего ремонта! Довольны-ли вы?».

«Очинно довольны и премного благодарны, Ваше В-діе!», весело гаркнули казаки и глаза ихъ заблистали отъ удовольствія: «Разрѣшите сейчасъ и распорядиться?». — «Валяйте, братцы, и смотрите — выбирайте лучшихъ, время есть, отрядъ сейчасъ сдѣлаетъ большой привалъ, отдохнетъ и сваритъ щи. Я-же распоряжусь, чтобы и на вашу долю сварили, пока вы ловлей коней займетесь!».

Не прошло и минуты, какъ мои забайкальцы съ радостнымъ гикомъ, разматывая на ходу арканы, вихремъ понеслись къ табунамъ. Полъ часа спустя каждый казакъ приволокъ на арканѣ чистокровнаго монгольскаго коня, бѣлаго безъ отмѣтинъ, невысокаго роста, но коренастаго, крѣпкаго, съ толстой шеей и огненнымъ глазомъ. Кони храпѣли, вырывались — да не тутъ то было — казачій арканъ крѣпокъ и казачья рука сильна!..

Весь отрядъ заинтересовался: что будетъ дальше? Вѣдь это совершенно дикіе звѣри — какъ это казаки съ ними управятся?!.

Все обошлось очень просто: коней стреножили и по очереди, по нѣсколько казаковъ валили коня на землю, сѣдлали, взнуздывали и новый хозяинъ, растопыря ноги, становился надъ лежачимъ конемъ. По знаку помощники развязывали путы — конь вскакивалъ и находилъ всадника уже въ сѣдлѣ на своей спинѣ. Конь пускался по направленію къ табуну, но казакъ сильно налегалъ на поводъ и конь начиналъ описывать круги, все меньшіе и меньшіе и въ концѣ концовъ, выбившись изъ силъ, останавливался, какъ вкопанный и весь въ мылѣ, дрожалъ... Казакъ его оглаживалъ и ласкалъ... Тѣмъ и кончалась объѣздка!

Насладившись до-сыта невиданнымъ зрѣлищемъ и дождавшись, когда всѣ эти дикіе кони были усмирены, я поднялъ отрядъ и мы двину-

www.elan-kazak.ru

лись къ станціи. Шли весело, разговоровъ, шутокъ и смѣху было безъ конца, и всѣ единогласно хвалили лихость и умѣніе нашихъ забайкальцевъ. На станціи насъ ждалъ поѣздъ и увезъ въ Шанхай-гуань.

Мы прибыли домой еще за-свѣтло и съ пѣснями, стройно и бодро прошли черезъ городъ. Толпа высыпала поглядѣть на насъ, и всѣмъ въ глаза бросились наши казаки: каждый на чудномъ бѣлоснѣжномъ конѣ, словно Георгій Побѣдоносецъ, а за каждымъ позади бѣжитъ подъ вьюкомъ его старый конь, точно ручная собаченка... Но больше всѣхъ заглядѣлись на казачью обновку нѣмцы — это были кавалеристы, прибывшіе изъ Германіи въ составѣ цѣлаго кавалерійскаго полка, сформированнаго изъ охотниковъ со всей гвардейской и армейской кавалеріи. Но полкъ этотъ, къ несчастью, оказался безъ лошадей, такъ какъ весь конскій составъ выписанный для него изъ Австраліи погибъ во время тайфуна въ Желтомъ морѣ. Я съ этимъ полкомъ былъ хорошо знакомъ, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ шелъ изъ Неаполя на «Преуссенѣ» до самаго Китая. Офицеры бросились ко мнѣ съ разспросами: откуда такіе кони? Нельзя ли намъ добыть такихъ? Вѣдь, мы, несчастные, — безлошадные! Но я отвѣтилъ, что это секретъ, который я не имѣю права открыть безъ разрѣшенія начальства, а чтобы узнать что либо по этому поводу имъ надлежитъ обратиться къ нашему генералу.

Они начали меня упрашивать зайти сейчасъ къ нимъ въ ихъ собраніе и выпить хорошаго пива, но я вѣжливо отказался, сказавъ, что я веду отрядъ и долженъ немедля явиться къ моему генералу съ докладомъ.

Ген. Церпицкій, выслушавъ меня, очень смѣялся, когда рѣчь дошла до освѣженія казачьяго ремонта; вполнѣ одобрилъ всѣ мои дѣйствія и выйдя къ прибывшему отряду благодарилъ за службу и хвалилъ, а казаковъ особо поздравилъ съ обновкою.

Въ тотъ же вечеръ за ужиномъ у генерала мнѣ пришлось вновь разсказать весь эпизодъ съ монгольскими конями и всѣ присутствующіе чины штаба и гости очень порадовались за казаковъ, которые въ нашемъ отрядѣ были общими любимцами. Я не преминулъ предупредить генерала, что къ нему навѣрное завтра же придутъ нѣмцы умолять добыть имъ коней, но на это генералъ справедливо отвѣтилъ: «Какой я имъ ремонтеръ! Это дѣло частное — пусть сговариваются непосредственно съ казаками — я тутъ не причемъ. Если сойдутся въ цѣнѣ — пускай казаки наловятъ для нихъ дикихъ коней! Съ моей стороны препятствій не будетъ. Только посовѣтуйте казакамъ не продешевить — у нѣмца денегъ много — заплатитъ!».

www.elan-kazak.ru

Вышло все какъ я предвидѣлъ: нѣмцы явились цѣлой депутаціей въ парадной формѣ къ ген. Церпицкому, который принялъ ихъ очень любезно и отвѣтилъ имъ такъ, какъ говорилъ мнѣ наканунѣ за ужиномъ. Нѣмцы благодарили за разрѣшеніе, щелкали каблуками и кланяясь, вышли. Выйдя, впились въ меня: «Унзер либер капитэн, битте, будьте ангеломъ, помогите намъ въ этомъ дѣлѣ, мы вамъ будемъ по гробъ жизни благодарны! Вѣдь мы, несчастные кавалеристы — безъ конскаго состава! Вы вѣдь сами кавалеристъ — примите въ насъ участіе!!!».

«Мейнэ херрн», отвѣтилъ я имъ: «Я вполнѣ вхожу въ ваше положеніе и готовъ вамъ помочь, но вы сами слышали, что сказалъ его превосходительство — что это дѣло частное, коммерческое. Сговоритесь съ казаками — я васъ поддержу, но никакого давленія на нихъ оказывать не имѣю права. Генералъ разрѣшилъ имъ наловить вамъ дикихъ коней — чего же больше? Ваше дѣло сговориться съ самими казаками».

Нѣмцы отправились бесѣдовать съ нашими станичниками, съ которыми я уже заранѣе имѣлъ дружескій разговоръ и передалъ имъ совѣтъ генерала. Казаки очень порадовались перспективѣ заработать нѣмецкихъ денежекъ и было условлено, что они очень дорожиться не станутъ и сами заявили, что займутся охотно ловлей коней, но отнюдь не ихъ объѣздкой — лучше побольше наловять. На это я имъ сказалъ, чтобы они не безпокоились, что нѣмцы ихъ даже и не попросятъ объѣзжать, ибо у нихъ самихъ есть опытные наѣздники и даже ѣздоки высшей школы. Зачѣмъ имъ обращаться къ казакамъ!

Нѣмцы привели съ собой своего вахмистра, хорошо говорящаго по-русски — что позволило мнѣ уклониться отъ присутствія при разговорѣ ихъ съ казаками. Я потомъ узналъ, что они сторговались за 15 мексиканскихъ долларовъ за каждаго приведеннаго коня (около 15 рублей золотомъ), при чемъ расплата немедленная: привелъ — получай, еще привелъ — еще получай. Обѣ стороны остались другъ другомъ довольны и былъ назначенъ день, когда вся эта процедура будетъ продѣлана.

Нѣмцы заранѣе подготовили цѣлыя сооруженія на станціи Цинъчжоу-фу, послали туда уйму строительнаго матеріала въ видѣ столбовъ, досокъ и бревенъ и выстроили цѣлые загоны и всякія приспособленія для погрузки коней.

Насталъ наконецъ день погрузки. Мнѣ было любопытно поглядѣть: какъ все это обойдется и я отпросился у генерала и поѣхалъ съ ран-

www.elan-kazak.ru

нимъ поѣздомъ вмѣстѣ съ казаками, радостно предвкушавшими хорошую забаву и заработокъ. Со слѣдующимъ поѣздомъ прибылъ цѣлый полкъ нѣмцевъ, которые стали на мѣста въ ожиданіи привода коней. Казаки гикнули и умчались къ табунамъ, которые все еще паслись на прежнихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ впервые увидали. Начался приводъ коней. Нѣмцы разѣвали рты отъ удовольствія, заводили бережно коней въ загоны и платили условленную сумму за каждаго. Долгіе часы длилась эта операція, пока всѣ загоны не были заполнены до отказу. Всего было поймано болѣе 500 головъ.

Я вышелъ изъ станціоннаго помѣщенія, откуда я сторонкою наблюдалъ за приводомъ коней и подошелъ къ загонамъ. Офицеры привѣтствовали меня и съ гордостью хвастались новыми конями. Я полюбопытствовалъ узнать: какъ они намѣрены дѣйствовать дальше? Будутъ ли объѣзжать коней тутъ же или въ другомъ мѣстѣ?». «О, херр капитэн, у насъ въ Шанхай-гуанѣ уже заготовлены и манежи и конюшни и все будетъ сдѣлано по новѣйшей системѣ объѣздки! У насъ вѣдь здѣсь самые опытные наѣздники изъ всей гвардейской кавалеріи!».

Мнѣ въ душу закралось большое сомнѣніе и я только скептически покачалъ головой, видя, что этихъ господъ не убѣдишь и не переспоришь — до того они напыщены собственной важностью и самомнѣніемъ. Я только подумалъ: какъ это они повезутъ всю эту дикую, необъѣзженную ораву на поѣздѣ, да еще не въ закрытыхъ товарныхъ вагонахъ (таковыхъ на китайскихъ линіяхъ не существовало), а на полуоткрытыхъ платформахъ со стѣнками высотой въ полтора метра! Несчастныхъ случаевъ тутъ не оберешься! Да ну ихъ совсѣмъ! Пусть дѣлаютъ, что хотятъ!

Я пошелъ къ казакамъ, которые, веселые и довольные, собрались въ кружокъ позади станціи и мирно покуривали. Ко мнѣ подошли тѣ изъ казаковъ, которые не были со мной въ экспедиціи, — они, оказывается, на слѣдующій день послѣ нашего возвращенія отпросились у сотеннаго командира и вмѣстѣ съ хорунжимъ отправились къ табунамъ и также обновили свой ремонтъ. «Премного благодарны вамъ, ваше в-діе», весело говорили казаки, «ужъ подлинно осчастливили насъ, казаковъ, свѣжими конями! Такихъ коней у насъ дома и не сыщешь! Не даромъ кони — императорскіе!».

Я имъ отвѣтилъ, что радуюсь за нихъ и что это — вполнѣ заслуженная награда за ихъ вѣрную службу, и тутъ-же повѣдалъ имъ о томъ.

www.elan-kazak.ru

что мнѣ только что сказали нѣмцы объ объѣздкѣ своихъ коней въ манежѣ въ Шанхай-гуанѣ. Казаки такъ и ахнули, лица ихъ стали вдругъ серьезными и озабоченными и одинъ изъ урядниковъ, постарше, обратился ко мнѣ съ тревогой въ голосѣ: «Ваше в-діе, да нешто это возможно? Везти дикую неусмиренную скотину на поѣздѣ — вѣдь кони со страху покалѣчутся, да и самихъ нѣмцевъ покалѣчутъ! Упаси Господи! Да вѣдь это грѣхъ! Боже милосердный! Да вѣдь въ самомъ Евангельѣ сказано: блаженъ иже и скоты милуетъ! А тутъ поди-жъ! Грѣхъ-то какой!».

Я былъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ стараго урядника и мы порѣшили: не видѣть никакихъ катастрофъ и живодерствъ и тихонько всѣмъ уйти въ городъ, отстоящій въ полу-верстѣ отъ станціи и тамъ переждать.

А катастрофа произошла полчаса спустя: нѣмцы по очереди наполняли конями платформы, откатывая ихъ въ-ручную и наконецъ поѣздъ былъ составленъ и сцѣпленъ. Послали за паровозомъ, который подойдя къ поѣзду, пронзительно свиснулъ. Несчастные кони, до смерти перепуганные неожиданнымъ рѣзкимъ звукомъ, какъ угорѣлые, повыскакали изъ платформъ, взбираясь другъ дружкѣ на спину, ломали себѣ ноги и шеи и которые только могли — ускакали назадъ въ табуны, оставивъ немало жертвъ на мѣстѣ! Ужасный шумъ, ревъ и ржаніе были слышны намъ въ городѣ и мы всѣ содрогнулись. Казаки крестились, вздыхая, и у многихъ на глазахъ были слезы. Старый же урядникъ весьма мудро изрекъ вѣрное заключеніе изъ всего происшедшаго: «Вотъ, ваше в-діе, всѣ говорятъ: нѣмцы — народъ умный, хитрый — нѣмецъ обезьяну выдумалъ, а вотъ и не додумался, что нельзя дикихъ коней на поѣздѣ возить! Вотъ грѣхъ то какой, Господи милосердный!».

Глубоко потрясенные и подавленные вернулись мы на станцію, гдѣ начальникъ охраны — стрѣлковый подпоручикъ съ волненіемъ разсказалъ намъ весь ужасъ происшедшаго: «Невыносимо жаль было несчастныхъ животныхъ, совершенно обезумѣвшихъ отъ страху! Нѣмцы рвали на себѣ волосы, неимовѣрно ругались, кричали и чертыхались, и въ концѣ концовъ сѣли въ поѣздъ и уѣхали. Кажется, нѣсколько коней уцѣлѣло, да и тѣ покалѣченые. Да и людямъ въ суматохѣ тоже досталось — зашибли кое-кого. Одинъ ужасъ и даже вспоминать страшно!».

www.elan-kazak.ru

Я съ казаками сѣлъ въ слѣдующій поѣздъ и мы подъ вечеръ возвратились въ Шанхай-гуань, но проѣхали въ Штабъ бригады стороной, избѣгая главныхъ улицъ и особенно встрѣчи съ нѣмцами, — какъ то за нихъ было совѣстно..

Доложивъ генералу о случившемся, я выразилъ сожалѣніе о томъ, какъ трагически неудачно все это кончилось, на что генералъ не безъ ироніи замѣтилъ: «Да, все это очень прискорбно и мнѣ жаль и нѣмцевъ, и, главнымъ образомъ, бѣдныхъ животныхъ, но пусть это нашимъ сосѣдимъ послужитъ урокомъ: нельзя лѣзть сюда, въ Азію, съ разными манежами и высшими школами — здѣсь совсѣмъ иные нравы, иныя понятія, и европейцамъ со своей наукой нечего сюда соваться! Я въ Азіи прослужилъ почти всю мою жизнь: въ Туркестанѣ, въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ, и скажу вамъ, дорогой мой, что бываютъ случаи, что какой нибудь мулла, бурятъ, шаманъ, буддійскій лама или индусскій іогъ обладаетъ большими знаніями, чѣмъ любой нѣмецкій херр профессор! Да-съ!».

Я не могъ не согласиться съ генераломъ и его мудрое изрѣченіе мнѣ пришло на умъ, когда черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ германскаго командира злосчастнаго кавалерійскаго полка. Онъ съ горечью пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Какой ужасный случай, дорогой камрадъ, какая незадача! Да вѣдь эти кони — настоящіе дьяволы! Я не могу понять, какъ это ваши казаки съ ними управляются! Вѣдь это неслыханная дикость — хищные звѣри, а не лошади»! — На это я ему отвѣтилъ: «Дорогой херр майор, подумайте объ одномъ: вѣдь мы съ вами здѣсь пришлые европейцы, попали въ далекую Азію. Нечего удивляться, что здѣсь все какое то особенное, — и люди и звѣри. Монгольскіе кони — азіаты, наши казаки — тоже, посмотрите, какой у многихъ изъ нихъ бурятскій типъ! А что у нихъ есть много тайнъ, невѣдомыхъ намъ-европейцамъ, то скажу вамъ, что я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ одинъ изъ этихъ самыхъ коней на коновязи вдругъ сталъ неистово кусаться и лягаться. Къ нему подошелъ старый урядникъ, взялъ его за ухо и что-то ему шепнулъ — конь затрясся и сталъ какъ вкопанный! Чѣмъ вы это объясните?».

Маіоръ взглянулъ на меня въ недоумѣніи: не шучу-ли я? Но увидавъ мое серьезное лицо, со вздохомъ отвѣтилъ:

«Да, пожалуй — вы правы! Здѣсь все что-то особенное! Здѣсь Азія!».

www.elan-kazak.ru

Разставшись съ маіоромъ я прошелъ на вокзалъ и по желѣзнодорожному телеграфу запросилъ начальника охраны ст. Цинъ-чжоу-фу: что сталось съ табунами? все тамъ ли они? Пришелъ отвѣтъ, что на слѣдующее утро послѣ трагической катастрофы — о табунахъ не было и помину — исчезли неизвѣстно куда.. По моему — это было вполнѣ естественно: умныя животныя, обладающія тонкимъ чутьемъ, предпочли удалиться изъ опаснаго для нихъ раіона и перекочевали подальше отъ цивилизаціи и людей!

Этимъ эпизодомъ я закончу свое повѣствованіе, такъ какъ боюсь, *что превысилъ норму, отпущенную мнѣ въ настоящемъ сборникѣ.* Надѣюсь только, что моимъ очеркомъ я достигъ цѣли и что отнынѣ никто удивляться не будетъ: почему у меня сердце лежитъ къ казакамъ? Я думаю, что я здѣсь далъ на этотъ вопросъ исчерпывающій отвѣтъ.

www.elan-kazak.ru

13

Лейбъ-Казаки на бивуакѣ.
(рисовалъ Sauerweid, гравировалъ Jazet).

14

Казаки на походѣ.
(рисовалъ и гравировалъ J. Klein).

www.elan-kazak.ru

И. Г. АКУЛИНИНЪ

КАЗАКИ ВЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНѢ 1917-20 Г. Г.

Вооруженная борьба съ большевиками началась въ казачьихъ земляхъ. Казачьи края явились мѣстомъ сбора и накопленія противобольшевицкихъ силъ. Туда стремился всякій, кто хотѣлъ дѣйственно бороться съ коммунистической властью.

Казачьи вожди были не одиноки. За ними шли всѣ казаки. Это не была борьба отдѣльныхъ группъ или классовъ. Боролся весь народъ. Казаки ополчились противъ краснаго врага поголовно. И борьба *въ казачьихъ областяхъ носила всенародный характеръ, чего не* наблюдалось нигдѣ.

Во многихъ мѣстахъ вспыхивали отдѣльныя возстанія, какъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ, но неподдержанныя населеніемъ они скоро угасали. Въ Воронежской губерніи возникла «Антоновщина», на Украинѣ «Махновщина» и «Петлюровщина», по Черноморскому побережью «зеленое движеніе». Но для бѣлаго дѣла тамъ не было почвы. Организованную борьбу съ краснымъ интернаціоналомъ можно было повести только изъ казачьихъ краевъ, опираясь на государственно настроенное казачество.

Былъ моментъ, когда, подъ вліяніемъ революціонныхъ лозунговъ *и усталости отъ войны, помутился и казачій разумъ. Но казаки бы*стро разобрались въ сущности коммунизма и взялись за оружіе.

Были и среди казаковъ измѣнники, пошедшіе въ ряды красной арміи; были случаи, когда въ разгаръ борьбы казачьи части подвергались разложенію и расходились по домамъ или переходили на сторону врага, были факты открытаго предательства. Но всѣ эти печаль-

www.elan-kazak.ru

ныя явленія нисколько не умаляютъ той славной роли, какую сыграли казаки въ бѣлой борьбѣ. Въ цѣломъ казачество шло противъ большевиковъ и красные вожди совершенно справедливо считали казаковъ своими непримиримыми врагами.

Боевое напряженіе въ періодъ гражданской войны во всѣхъ казачьихъ войскахъ доходило до крайнихъ предѣловъ. Количество мобилизованныхъ казаковъ въ каждомъ Войскѣ исчислялось десятками тысячъ. Казачьи полки сражались съ большевиками на всѣхъ главныхъ фронтахъ бѣлой борьбы.

Наиболѣе яркій и поучительный примѣръ организованности и самодѣятельности показало старѣйшее Войско — Войско Донское, обладавшее громадной территоріей съ богатыми ресурсами и во главѣ котораго стояли люди съ выдающимися организаторскими способностями и недюжинными военными талантами.

Начало вооруженной борьбы съ большевиками на Дону было положено при Атаманѣ Калединѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1917 года. Вся тяжесть борьбы въ это время легла на плечи молодыхъ партизанъ. Душою обороны Дона въ этотъ, начальный, періодъ былъ молодой есаулъ Чернецовъ, человѣкъ исключительной храбрости и смѣлости. Боевыя дѣйствія Чернецова представляютъ разительный примѣръ превосходства духа надъ численностью. Съ горстью молодыхъ храбрецовъ, онъ, какъ буря, носился по раіону станицы Каменской, нанося сгруппировавшимся здѣсь большевицкимъ отрядамъ одинъ ударъ за другимъ.

Но 22 января 1918 года предательская шашка сразила Чернецова. Красные отряды, двигаясь съ сѣвера, подступили къ столицѣ Дона. Донское казачество въ этотъ грозный моментъ еще не осознало нависшей надъ нимъ смертельной опасности.

11 февраля Атаманъ Калединъ, не снеся позора, покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Въ началѣ марта большевики заняли Новочеркасскъ. Преемникъ Атамана Каледина Атаманъ Назаровъ былъ разстрѣлянъ, Войсковой Кругъ разогнанъ казаками измѣнниками Голубова, Войсковое Правительство разсѣялось.

Казаки-партизаны, въ числѣ полутора тысячъ человѣкъ, не пожелали подчиниться большевикамъ и подъ водительствомъ Походнаго

www.elan-kazak.ru

Атамана ген. Попова, ушли въ Сальскія степи, положивъ начало Степному Походу.

Если казаки-фронтовики и казаки-старики не поддержали Атамана Каледина и не выступили противъ большевиковъ съ оружіемъ въ рукахъ — они не пошли служить и въ ряды красной арміи, не смотря на *всѣ угрозы и призывы. Въ отряды Голубова и Миронова — двухъ измѣнниковъ* Донского Войска — явилось не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ разнаго сброда. Въ массѣ, все Донское Казачество предпочло отсиживаться по хуторамъ и станицамъ.

Однако, звѣрства и насилія, чинимыя представителями власти *«трудового народа», вскорѣ заставили казаковъ взяться за оружіе.*

Весною 1918 года по всему Дону начались стихійныя возстанія. Сигналъ къ борьбѣ за освобожденіе Дона подала станица Суворовская, выступившая противъ большевиковъ 1 апрѣля 1918 года.

Начиная съ этого дня, «Донское казачество — по словамъ ген. *Денисова — охваченное любовью къ своему краю, національно оскорб*ленное, какъ часть Русскаго народа, въ лучшихъ своихъ государственныхъ чувствахъ, не потерявшее здороваго государственнаго разума, вскормленное свободой своего историческаго прошлаго, видя издѣвательство надъ всѣмъ, что составляло святое-святыхъ каждаго народа и государства, возмущенное кощунствомъ надъ религіей и религіозными святынями, поднялось противъ узурпаторовъ Россійской власти и поработителей не только Донского Края, но и всей Русской земли».

Вооруженную борьбу приходилось начинать съ голыми руками: *у казаковъ не было, ни оружія, ни патроновъ, не говоря уже о пушкахъ,* пулеметахъ и другихъ техническихъ средствахъ.

Кромѣ того, вся Донская область была наводнена красногвардейскими отрядами. Сѣверъ области оторванъ отъ Юга. Округи изолированы. Станицы одного и того же округа могли сноситься между собой съ *большимъ трудомъ.*

«Несмотря на всѣ эти невыгодныя условія предстоящей борьбы — писалъ генералъ Яновъ — въ душѣ казака любовь къ своему краю была настолько сильна, что побѣдила всякія сомнѣнія и колебанія, и заставила многихъ, еще колеблющихся, схватить оружіе и присоединиться къ общему противобольшевицкому движенію, начатому храбрыми и сильными духомъ станицами и хуторами».

На помощь возставшимъ поспѣшилъ прійти изъ Задонскихъ степей Походный Атаманъ ген. Поповъ. Своевременное появленіе степ-

www.elan-kazak.ru

няковъ-партизанъ имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ объединенія борьбы въ самый разгаръ возстаній, ибо въ то время это была единственная организованная сила.

Послѣ ряда боевыхъ столкновеній, направленныхъ, главнымъ образомъ, на освобожденіе столицы Дона — Новочеркасскъ былъ занятъ 8 мая 1918 года. Немедленно былъ созванъ «Кругъ Спасенія Дона», который избралъ на постъ Войскового Атамана ген. Краснова. Началась кипучая дѣятельность по организаціи управленія краемъ и по созданію вооруженныхъ силъ.

Въ серединѣ мая 1918 года Донское Командованіе располагало арміей въ *17.000* бойцовъ при *58* пулеметахъ и *21* орудіи, которыя были взяты въ бояхъ у красныхъ. По мѣрѣ освобожденія Войсковой территоріи численность арміи возрастала. Къ половинѣ іюля она дошла до 50.000 человѣкъ, 272 пулеметовъ и 92 пушекъ*). Въ условіяхъ гражданской войны такая армія представляла внушительную силу.

Однако, численное превосходство почти всегда было на сторонѣ большевиковъ. Донскому командованію время отъ времени приходилось ослаблять боеспособность войсковыхъ частей, отпуская нѣкоторыя категоріи мобилизованныхъ казаковъ по домамъ для поддержанія своихъ хозяйствъ, запущенныхъ еще со времени Великой войны и подвергшихся разграбленію при нашествіи красныхъ отрядовъ.

Начиная съ весны 1918 года Донская армія провела рядъ блестящихъ операцій, сначала на Дону, потомъ въ Каменно-угольномъ раіонѣ, у Царицына и въ предѣлахъ Воронежской и Саратовской губерній.

Одновременно съ борьбою на фронтѣ шла усиленная работа въ тылу по формированію новыхъ частей и организаціи тыловыхъ учрежденій. Были возстановлены всѣ учебныя заведенія; отпечатаны всѣ воинскіе уставы. Въ особую заслугу Атаману Краснову надо поставить созданіе молодой арміи, въ количествѣ трехъ конныхъ дивизій и одной пластунской бригады.

Въ началѣ 1919 года на Донскомъ фронтѣ произошелъ переломъ. Къ этому времени степень боевого напряженія достигла крайнихъ предѣловъ. Ожидавшаяся помощь со стороны союзниковъ не приходила.

---

*) Цифры взяты изъ труда быв. Нач-ка Развѣд. Отд. Штаба Донской арміи ген. штаба полк. В. В. Добрынина.

www.elan-kazak.ru

Въ Верхне-Донскомъ округѣ началось броженіе. Армія отошла за Донецъ.

Въ первыхъ числахъ февраля 1919 года ген. Красновъ, изъ-за столкновенія съ Войсковымъ Кругомъ, вышелъ въ отставку. На посту Войскового Атамана его замѣнилъ ген. Богаевскій. Войско Донское продолжало вести упорную борьбу съ совѣтской властью бокъ-о-бокъ съ Добровольческой арміей. На помощь Дону пришли кубанскія и терскія части. Объединенными усиліями донцовъ, кубанцевъ, терцевъ и добровольцевъ территорія Дона была очищена отъ большевицкихъ полчищъ.

20 іюля 1919 года ген. Деникинъ отдалъ директиву: наступать къ Москвѣ. Донская армія вышла въ раіонъ Поворино-Лиски. Добровольческая армія заняла Харьковъ, Екатеринославъ, Орелъ, Ген. Мамонтовъ, съ 4-мъ Донскимъ каз. корпусомъ, ринулся въ тылъ краснымъ.

Силы Донской арміи осенью 1919 года достигли 52.500 бойцовъ. 765 пулеметовъ и 196 орудій. Появилась надежда на скорую побѣду.

Но рокъ судилъ иное...

Мы не будемъ останавливаться на причинахъ крушенія Южнаго фронта. Послѣ ряда ожесточенныхъ боевъ начался общій отходъ. Въ концѣ декабря 1919 года Донская армія, вмѣстѣ со значительною частью казачьяго населенія, вынуждена была оставить предѣлы Дона. Но Войско Донское не сложило оружія. Донскіе полки, въ жестокую зимнюю стужу, продолжали биться съ насѣдавшей съ сѣвера красной арміей на поляхъ Кубани.

Когда весною 1920 года Добровольческая армія возродилась въ Крыму подъ именемъ Русской Арміи, донскія части, — сведенныя въ Донской корпусъ подъ командой ген. Абрамова, — съ честью отстаивали Бѣлое Дѣло на равнинахъ Сѣверной Тавріи, гдѣ совершено было много новыхъ героическихъ подвиговъ и принесено было много новыхъ жертвъ во имя спасенія Національной Россіи.

***

Приводить на страницахъ «Казачьяго Альманаха» исторію гражданской войны, по каждому Войску въ отдѣльности, мы лишены возможности за недостаткомъ мѣста. Поэтому дальнѣйшее описаніе борьбы, по казачьимъ областямъ, будетъ носить схематическій характеръ.

www.elan-kazak.ru

Матеріалъ, касающійся участія Кубанскаго войска въ гражданской войнѣ, къ нашему великому сожалѣнію, не былъ доставленъ къ моменту набора этой статьи.

Роль Куб. войска въ гражданской войнѣ огромна, напряженіе, подвиги и потери кубанцевъ неисчислимы; достаточно вспомнить, что Кубань, такъ же, какъ и ея сосѣдъ Донъ, была колыбелью бѣлаго движенія, на ея Землѣ, такъ же, какъ и на донской, бушевалъ ураганъ гражданской войны. Участіе Кубанскаго войска огромно и требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія, что мы и надѣемся сдѣлать въ слѣдующемъ номерѣ казачьяго альманаха.

Терскіе казаки подняли возстаніе въ іюнѣ 1918 года. Въ началѣ вооруженныя силы терцевъ, поддержанныхъ кабардинцами и осетинами, не представляли правильно организованныхъ воинскихъ частей. Движеніе носило стихійный характеръ. Каждая станица выставляла все, что могла. Борьба была чрезвычайно тяжелой. Врагъ насѣдалъ со всѣхъ сторонъ. Дѣйствовать приходилось сразу на нѣсколькихъ направленіяхъ. Въ ноябрѣ всѣ очаги борьбы на Терекѣ были притушены, благодаря натиску превосходныхъ силъ красныхъ.

Въ февралѣ 1919 года терцы вновь собрались съ силами, и изгнали большевиковъ съ береговъ Терека. Для участія въ дальнѣйшей борьбѣ Терское Войско выставило: четыре конныхъ дивизіи, четыре пластунскихъ бригады и восемь конныхъ батарей, не считая запасныхъ и разныхъ мелкихъ частей.

Однако, такое напряженіе оказалось чрезмѣрнымъ и въ августѣ конница была сведена въ двѣ дивизіи, а пластуны въ двѣ бригады. Былъ возстановленъ Гвардейскій Дивизіонъ изъ офицеровъ и казаковъ Собственнаго Его Величества Конвоя.

Въ Крыму остатки терскихъ частей образовали бригаду входившую въ составъ Терско-Астраханской конной дивизіи.

Во время кровавой борьбы съ большевиками храбрыя терскія части вписали не мало славныхъ страницъ въ исторію Терскаго Войска и съ честью поддержали былую славу своихъ предковъ.

www.elan-kazak.ru

Небольшое, но крѣпкое казачьимъ духомъ, Астраханское Войско не побоялось вступить въ единоборство съ краснымъ интернаціоналомъ. 4 января 1918 года въ г. Астрахани было поднято возстаніе, но сейчасъ же задушенное распропагандированной солдатней и рабочими съ рыбныхъ промысловъ, наводнившими въ тѣ дни городъ. Войсковой Атаманъ Бирюковъ былъ схваченъ, отвезенъ въ Саратовъ и тамъ замученъ.

Весной и лѣтомъ 1918 года начались возстанія въ Астраханскихъ станицахъ, расположенныхъ по Волгѣ. Окруженныя враждебнымъ, неказачьимъ, населеніемъ и не будучи въ силахъ держаться у себя дома, астраханцы уходили — изъ низовыхъ станицъ на востокъ, къ уральцамъ, и тамъ вступали въ ряды Уральской арміи, а изъ верховыхъ станицъ — на Донъ. Здѣсь, въ станицѣ Морозовской, была сформирована Астраханская казачья дивизія въ составѣ — одного полка изъ астраханскихъ казаковъ и трехъ полковъ изъ астраханскихъ калмыковъ, принятыхъ въ Астраханское Войско въ сентябрѣ 1917 года. Дивизія *входила сначала въ Астраханскую, а потомъ въ Кавказскую армію* и принимала участіе во всѣхъ бояхъ на Царицынскомъ и Черноярскомъ направленіяхъ. Въ этихъ бояхъ астраханскіе казаки проявили свойственныя имъ доблесть и самопожертвованіе, запечатлѣвъ своею кровью вѣковую вѣрность Россіи и Казачеству.

Въ Крыму астраханцы, совмѣстно съ терцами, составляли Терско-Астраханскую конную дивизію.

На Восточномъ фронтѣ первыми подняли знамя борьбы Оренбургскіе казаки по зову Атамана Дутова. Борьба началась въ ноябрѣ 1917 года — когда большевицкія полчища ринулись въ предѣлы Оренбургскаго Войска со всѣхъ сторонъ — и закончилась въ мартѣ 1920 года — когда остатки Оренбургской арміи, въ числѣ 10.000 человѣкъ, ушли въ предѣлы Китая. Часть оренбургскихъ казаковъ, попавшихъ на Дальній Востокъ, продолжала биться съ большевиками въ Приморской области до конца 1922 года.

Въ первый періодъ — съ ноября 1917 года до весны 1918 года — Оренбургское Войско вело борьбу въ одиночку, а потомъ совмѣстно съ уральцами и съ арміями Сибирскаго Правительства.

www.elan-kazak.ru

15

Донской калмыкъ эпохи Императора Александра I

(рисовалъ Schadow, гравировалъ Buchhorn).

16

Донской казакъ эпохи Императора Александра I.

(рисовалъ Schadow, гравировалъ Buchhorn).

www.elan-kazak.ru

Событія, разыгравшіяся въ Оренбургскомъ краѣ, происходили въ той же послѣдовательности, что и на Дону. При первыхъ столкновеніяхъ съ красными частями, Атаманъ Дутовъ опирался, главнымъ образомъ, на партизанскіе отряды, сформированные изъ офицеровъ, юнкеровъ и юныхъ добровольцевъ изъ учащейся молодежи. Станичныя дружины, собранныя на скорую руку и плохо вооруженныя, не представляли боеспособныхъ частей и при первомъ случаѣ расходились по домамъ. Строевыя части — полки и батареи — возвращавшіяся съ фронта и слышать не хотѣли о вооруженной борьбѣ. Здѣсь сказалось утомленіе трехлѣтней войной и большевицкая пропаганда.

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ отстоять Войсковую территорію не удалось. 31 января 1918 года большевики захватили Оренбургъ. Атаманъ Дутовъ, вмѣстѣ съ Войсковымъ Правительствомъ и партизанскими отрядами, удалился вглубь Войска (въ г. Верхнеуральскъ), гдѣ держался до апрѣля мѣсяца, послѣ чего, тѣснимый красными отрядами со всѣхъ сторонъ ушелъ въ киргизскія степи *(Тургайскій походъ)*.

По всему Войску, во всѣхъ городахъ и станицахъ, начались кровавыя расправы, грабежи и насилія. Нѣсколько станицъ было сожжено до-тла, милліоны пудовъ хлѣба вывезено или уничтожено на мѣстѣ; тысячи головъ лошадей и скота угнано или зарѣзано; масса имущества разграблена. Всѣ станицы и поселки были обложены непомѣрными налогами и заплатили громадныя денежныя контрибуціи. Много офицеровъ, чиновниковъ, казаковъ и казачекъ было разстрѣляно; еще больше посажено въ тюрьмы. Особенно свирѣпствовали красные комиссары въ самомъ городѣ Оренбургѣ.

Такихъ насилій Оренбургское Казачество снести не могло и взялось за оружіе. Ранней весною 1918 года въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули возстанія. Первыми возстали линейныя станицы, расположенныя по рѣкѣ Илеку.

Сигналъ къ возстанію подала станица Изобильная, жители которой уничтожили полностью карательный отрядъ комиссара Цвиллинга.

Вслѣдъ за линейными поднялись низовыя и верхнія станицы, расположенныя по Уралу. Совершенно самостоятельно выступили противъ большевиковъ казаки второго и третьяго округовъ — въ раіонѣ Міаса, Верхнеуральска, Троицка и Челябинска.

Въ дѣлѣ организаціи станичныхъ и формированія партизанскихъ

www.elan-kazak.ru

отрядовъ главную роль сыграли офицеры, многіе изъ которыхъ свое жертвенное служеніе Роднн̌ѣ и Войску запечатлѣли кровью.

Первоначально борьбою съ большевиками руководилъ Съѣздъ Объединенныхъ Станицъ, совмѣстно со Штабомъ повстанческихъ отрядовъ. Къ Войсковому Правительству, находившемуся въ г. Тургаѣ, были посланы гонцы съ призывомъ какъ можно скорѣе прибыть въ предѣлы Войска.

Войсковое Правительство, во главѣ съ Атаманомъ Дутовымъ, вступило на территорію Войска во второй половинѣ іюня 1918 года. 7 іюля состоялся торжественный Съѣздъ въ Оренбургѣ, послѣ чего все дѣло борьбы съ большевиками и все управленіе Войскомъ было взято въ руки Атаманомъ Дутовымъ и Войсковымъ Правительствомъ.

Обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать оренбургскимъ казакамъ, была крайне неблагопріятной. Боевыя операціи велись сразу на два фронта: въ сторону Волги и по направленію Туркестана. Оренбургская армія не имѣла оборудованной базы и правильно организованнаго тыла въ силу своего географическаго положенія, поэтому не*пытывала постоянный недостатокъ въ оружіи и боевыхъ припасахъ*, доставляющихся съ большимъ трудомъ изъ Сибири. Напряженіе Оренбургскаго Войска было полное: въ критическіе моменты Войсковое Правительство не останавливалось передъ поголовной мобилизаціей всего мужского населенія, способнаго носить оружіе. Въ рядахъ Оренбургской арміи, кромѣ основного ядра — казаковъ, сражались башкиры, киргизы и крестьяне Поволжскихъ и Приуральскихъ губерній.

Боевой составъ и количество частей Оренбургской арміи въ разные періоды борьбы мѣнялись. Въ 1919 году армія состояла изъ трехъ корпусовъ, по двѣ дивизіи въ каждомъ, причемъ два корпуса были казачьи, а третій — стрѣлковый. Потомъ была сформирована пластунская дивизія, замѣнившая башкирскія части. Оренбургская армія, руководимая Атаманомъ Дутовымъ, вела операціи главнымъ образомъ по защитѣ территоріи Войска. Но оренбургскія войсковыя части дѣйствовали и на другихъ фронтахъ. Такъ одна конная дивизія и бригада находились въ составѣ Западной арміи на Уфимскомъ направленіи; другая конная бригада — въ Сибирской арміи на Пермскомъ направленіи.

*Борьба Оренбургскаго Войска носила не мѣстный, а общегосу*дарственный характеръ. Войско не ограничивалось защитой только своей, Войсковой территоріи; оно посылало свои полки на помощь ар-

www.elan-kazak.ru

міямъ Сибирскаго Правительства, которыя какъ разъ нуждалась въ конницѣ.

Когда арміи адмирала Колчака были оттѣснены за Уралъ, Оренбургскія казачьи части и многіе жители станицъ, совмѣстно съ Сибирскими войсками, въ жестокую зиму 1919-20 г. г., совершили легендарный ледяной походъ черезъ всю Сибирь: отъ Оренбурга до Китая и отъ Урала до Владивостока.

***

Уральское Войско вступило въ борьбу съ совѣтской властью весною 1918 года. Вызовъ сдѣлали большевики, уральцы его приняли. Большевицкій отрядъ, занявшій 10 марта Илецкій Городокъ и начавшій чинить грабежи и насилія, былъ уничтоженъ илецкими казаками начисто. Въ Москвѣ всполошились и двинули на Уралъ карательные отряды изъ Саратова и Самары.

На защиту родныхъ станицъ поднялся весь Яикъ: старъ и младъ; заслуженный генералъ и рядовой казакъ. Оружія въ Войскѣ не хватало; но это не смутило «горынычей». Они разбили нѣсколько красныхъ полковъ и добыли себѣ ружья, пулеметы, пушки, патроны, снаряды. Условія веденія борьбы на Уралѣ были чрезвычайно тяжелыя. Отдѣленныя отъ Юга Россіи и Кавказа Каспійскимъ моремъ, а отъ Сибири тысячеверстными степными пространствами, уральцы, въ сущности, были предоставлены самимъ себѣ; они не имѣли — ни тыла, ни базы, ни обезпеченныхъ фланговъ. Стратегія уральцевъ носила строго оборонительный характеръ — защита территоріи Войска. За то тактика была рѣзко наступательной. Дѣйствовали уральцы по способу малой войны; ихъ боевыя операціи сводились, по преимуществу, къ партизанскимъ налетамъ. Во время боя они стремились захватить почнить въ свои руки, примѣняя обходы, охваты и нечаянныя нападенія. Удары уральцевъ были сокрушительны и заканчивались полнымъ разгромомъ врага. Борьба на Уралѣ велась съ большимъ ожесточеніемъ. Ни та, ни другая сторона не давали другъ другу пощады.

Въ началѣ 1919 года, уступая превосходству красныхъ силъ, уральцы вынуждены были оставить г. Уральскъ и отойти внизъ по р. Уралу къ г. Калмыкову.

Съ избраніемъ Войсковымъ Атаманомъ ген. Толстова боевыя опе-

www.elan-kazak.ru

17

Донской Атаманъ графъ М. И. Платовъ.
(рисовалъ T. Phillips, гравировалъ W. Say).

18

Донской Атаманъ графъ М. И. Платовъ.
(съ портрета T. Lawrence въ Виндзорской королевской галлереѣ).

www.elan-kazak.ru

раціи со стороны уральцевъ расширились и приняли болѣе планомѣрный характеръ. Многочисленные отдѣльные отряды и полки лѣтомъ 1919 года были сведены въ три корпуса: Илецкій, дѣйствовавшій на лѣвомъ берегу р. Урала; Уральскій, выступавшій на правомъ берегу, и Урало - Астраханскій, оперировавшій вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря въ сторону Астрахани. Уральское Войско въ это время представляло собою въ полномъ смыслѣ военный станъ.

*После ликвидаціи Сибирскаго фронта большевицкое командо*ваніе перебросило на Уралъ значительныя силы и сопротивленіе уральцевъ было сломлено.

Въ концѣ 1919 года Атаманъ Толстовъ, съ остатками арміи и бѣженцами — всего около 15.000 человѣкъ — двинулся по пустыннымъ киргизскимъ степямъ вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря на фортъ Александровскъ, куда прибыло около 3.000 голодныхъ и обмороженныхъ людей. Остальные погибли въ пути или попали въ руки красныхъ. Вскорѣ фортъ Александровскъ былъ захваченъ красной флотиліей, прибывшей изъ Астрахани. Атаману Толстову съ небольшимъ отрядомъ удалось уйти въ предѣлы Персіи.

Въ противобольшевицкой борьбѣ принимали участіе и казаки Азіатскихъ казачьихъ Войскъ: сибирцы, забайкальцы, амурцы, уссурійцы, семирѣченцы, а также енисейскіе и иркутскіе казаки. Каждое Войско принесло на общее дѣло борьбы неисчислимыя жертвы — жизнью лучшихъ своихъ сыновъ и всѣмъ своимъ достояніемъ. Казаки вели борьбу не только за свои права и вольности. Они защищали свое Отечество — Россію. И долгъ свой передъ Родиной выполнили съ честью.

www.elan-kazak.ru

19

Землянухинъ.
(рисовалъ и гравировалъ W. Heath).

20

Терецъ (конвоецъ).
(съ неопубликованнаго рисунка Georges Scott).

www.elan-kazak.ru

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

КАЗАКИ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

Слава о казакахъ проникла въ Европу со времени знаменитаго Азовскаго сидѣнія, — т. е. съ половины 17-го вѣка, — этотъ подвигъ упомянули современныя европейскія изданія, но, увы, не дали изображеній казаковъ; да и какъ можно было ихъ дать, — Земля Войска Донского была тогда еще для иностранцевъ Тартаріей, а для Россіи Дикимъ полемъ. Приводимыя два изображенія казаковъ (см. 1 и 2), относятся ко 2-ой половинѣ 17-го вѣка, — возможно, что въ нихъ больше воображенія, чѣмъ изображенія, но въ извѣстной убѣдительности имъ отказать нельзя: трудно себѣ представить инымъ казака, «не щадящаго ничего», какъ онъ представленъ на гравюрѣ Ф. Іоллэна (см. 1) на фонѣ осажденной крѣпости (возможно, Азова*).

Петровская эпоха такъ же весьма небогата казачьей иконографіей; вызванные Императоромъ въ Россію для «грыдорованія» (гравированія) изображеній славныхъ дѣлъ молодой Имперіи Шхонебекъ и Пикаръ, казаковъ, почти что, неизобразили, — только у Шхонебека на его большомъ листѣ (1699 г.) «Взятіе Азова» изображенъ казакъ: стоя на колѣняхъ, *онъ держитъ передъ Петромъ планъ Азова.*

Первое появленіе казаковъ въ Европѣ — наша кампанія противъ Фридриха Великаго, въ которой принялъ участіе корпусъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ своего Атамана тайнаго совѣтника (какой необычный чинъ для Атамана!) Данилы Ефремова, конечно, не осталось безъ слѣда въ казачьей иконографіи за-границей, но изображеніе «степныхъ варваровъ», взявшихъ Берлинъ, не менѣе фантастично, чѣмъ ихъ изображенія за 100 лѣтъ до этого: казаки на гравюрѣ Мейера по рисунку Вольфа, съ висящими по грудь усами, больше похожи на гоголевскихъ казаковъ изъ «Страшной мести», чѣмъ на донцовъ 18-го вѣка.

---

*) Весь матеріалъ для иллюстрацій и для настоящей замѣтки полностью предоставленъ библіотекой генерала Д. И. Ознобишина въ Аньерѣ.

www.elan-kazak.ru

Казакамъ еще долго пришлось ожидать иностранныхъ изобразителей ихъ «натуры».

Если въ европейскомъ обществѣ уже появился интересъ къ экзотическимъ странамъ — къ Турціи и Китаю, то Россія попала въ ряды экзотической моды, благодаря французскому художнику Лепренсу, пріѣхавшему въ наше отечество къ концу царствованія Елизаветы и прожившему въ Россіи пять лѣтъ. Бытъ и природа Россіи, зарисованные Лепренсомъ, «съ меланхоліей и кротостью», повторили стиль Бушэ, но для Европы это было откровеніемъ, — «бородатая неуклюжесть» россіянъ все таки была зарисована съ натуры. Очень интересенъ «калмыкъ» Лепренса (см. 3), — это еще не калмыкъ Войска Донского, но уже его сосѣдъ, эпохи правленія хана Дундукъ-Даше.

Гораздо точнѣе въ изображеніи нашей отечественной натуры былъ нѣмецкій художникъ Христ. Гейслеръ. Его сюита Екатерининскихъ военныхъ можетъ быть и суха, но она правдива, — казаки изображены такими, какими они, навѣрное, и были на самомъ дѣлѣ (см. 4). Лучшая страница русской военной исторіи — Суворовъ — богато иллюстрирована иностранными художниками, и казаки занимаютъ въ этихъ иллюстраціяхъ почетное мѣсто. Послѣ «колоніальныхъ» войнъ съ Турціей и Польшей, Суворовъ показалъ русскаго солдата и казака Европѣ, — Италійскій походъ Суворова останется на вѣчныя времена вершиной нашей военной славы. Какая чудесная, еще никѣмъ неиспользованная, тема — Суворовъ и казаки! Первое боевое крещеніе, первое свое раненіе получаетъ Суворовъ, командуя сотней казаковъ Туровѣровскаго полка во время Семилѣтней войны, — и съ той поры онъ не разстается съ казачьимъ конемъ; когда, послѣ взятія Измаила привели ему богато-убраннаго турецкаго коня, то Суворовъ отъ него отказался: «Донской конь привезъ меня сюда, донской конь и увезетъ отсюда». — «*Но подъ силу ли ему будетъ везти теперь Ваши новые лавры?*», находчиво замѣтилъ одинъ изъ генераловъ. — «Донской конь всегда выносилъ меня и мое счастье», отвѣтилъ Суворовъ. Не разстается Суворовъ и съ своимъ казакомъ-ординарцемъ*), оберегавшимъ въ походахъ и сраженіяхъ геніальнаго старика, какъ «малое дитя», — всегда казаки будутъ съ Суворовымъ, — не даромъ 1 Донск. каз. полкъ носилъ

---

*) Если не ошибаюсь, кажется, Алдановъ сожалѣлъ, что не сохранилась *фамилія этого казака — вотъ она: Селезневъ (Евсей) Березовской станицы* (см. Гуйкевичъ «Подвиги казаковъ въ Пруссіи» изд. 1810 г.).

www.elan-kazak.ru

его вѣчное шефство. Много рисовали иностранцы Суворова и на многихъ изображенiяхъ рядомъ съ фельдмаршаломъ стоятъ или скачутъ казаки, — стоитъ посмотрѣть на гравюры Шуберта въ рѣдчайшемъ изданiи «Побѣдъ князя Италiйскаго» (1810), на громадные англiйскiе листы, гравированные Ведрамини по рисункамъ Портера, на гравюры Каэтанъ-Венцо по зарисовкамъ Новелли; а какъ хорошъ Суворовъ, — въ каскѣ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, — окруженный казаками въ сраженiи на рѣкѣ Тидоне, зарисованный тушью Стрости, или эти уральскiе казаки со своимъ Атаманомъ М. Д. Бородинымъ по картинѣ Хесса, награвированной Гренихеромъ (см. 5). Казаковъ увидѣла Европа и казаковъ уже начинаютъ рисовать безъ излишней экзотики, которую они заслужили заодно со своей славой. Стоитъ посмотрѣть на зарисовку казаковъ Кобелемъ въ 1804 г. (см. 6), чтобы въ этомъ убѣдиться: это уже *настоящiй рисунокъ съ натуры. Замѣчательно, что изобрѣтенiе литографiи* связано съ изображенiемъ казака. Въ 1806 г. франц. генералъ *Леженъ посѣтилъ въ Мюнхенѣ мастерскую бр. Зенефельдеръ, только* что изобрѣвшихъ литографiю; въ мастерской Леженъ сдѣлалъ набро*сокъ на литографическомъ камнѣ казака (см. 7) и черезъ часъ полу*чилъ 100 оттисковъ; Леженъ поднесъ своего казака Наполеону, который весьма заинтересовавшись этой первой литографiей, поручилъ Леженъ организовать въ Парижѣ литографское дѣло, — казакъ, неожиданно для самого себя, принялъ участiе въ большомъ культурномъ начинанiи. Эпоха нашихъ войнъ съ Наполеономъ положила начало всемiрной извѣстности казаковъ.

Очень трудно, даже приблизительно, перечислить иностранныхъ художниковъ, такъ или иначе, рисовавшихъ казаковъ на фонѣ этой великолѣпной эпохи. Остается только выдѣлить наиболѣе характерное.

Отступленiе Великой Армiи изъ Россiи, такъ трагически-вѣрно зарисованное въ альбомахъ художниковъ-очевидцевъ де Фабера и Адама или послѣдующихъ изображенiяхъ другихъ художниковъ: Аткинсона, Жерико, Вернэ, Шарлэ и т. д., — это трагическое отступленiе изображено всегда въ окруженiи казаковъ, — они являются неизбѣжнымъ дополненiемъ снѣжныхъ пейзажей Россiи.

Нашъ заграничный походъ, — Германiя, Францiя, наконецъ, Парижъ, — явился кульминацiоннымъ пунктомъ европейской славы казаковъ. Для поисковъ «казачьей натуры» уже не надо было ѣхать въ «Тартарiю» — эта самая натура появилась въ Европѣ: «степные варвары» стали бивуакомъ на Елисейскихъ поляхъ. Сейчасъ же вокругъ этого

www.elan-kazak.ru

Кубанцы (Л. Гв. Черноморскій казачій дивизіонъ въ 1858 г.).
(рисовалъ А. Jebens, литографировалъ Hiller).

www.elan-kazak.ru

казачьяго бивуака выросли балаганы и кафэ, парижане ходили, какъ на ярмарку, смотрѣть на казаковъ, на ихъ сальныя свѣчи, которыя они должны были ѣсть, но этихъ свѣчей не оказалось, казаки были люди, какъ люди, — очень добродушные, а ихъ офицеры очень любезные.

Хорошія отношенія между казаками и парижскими жителями быстро наладились, атмосфера была подходящая: миръ, миръ! Беранже сочинилъ пѣсенку: «Viv'nos amis, nos amis les enn'mis!..». Можно съ увѣренностью сказать, что никого такъ охотно и много не рисовали въ то время въ Парижѣ изъ «иностранцевъ», какъ казаковъ. Чудесныя гравюры Дебюкура по рисункамъ Карла Вернэ, главнымъ образомъ, изображаютъ казаковъ (см. 8 и 9), прелестныя акварели Опица всѣ посвящены казакамъ (см. 10 и 11), казаки занимаютъ почетное мѣсто въ очаровательныхъ стилизованныхъ офортахъ Финара, въ военныхъ костюмныхъ серіяхъ Женти, не говоря уже, про тѣ гравированныя и литографированныя картинки, которыми былъ наводненъ въ то время Парижъ (главнымъ образомъ, въ изданіи Мартинэ), сколько очарованія въ сценкѣ съ лейбъ-казачьимъ офицеромъ, котораго удерживаетъ его денщикъ отъ соблазновъ «палеруаяльскихъ» прелестницъ, сколько непосредственной наблюдательности художника сказалось въ группѣ казаковъ, смотрящихъ на уличный театръ маріонетокъ на литографіи Марлэ (см. 12), не даромъ Марлэ былъ не только художникъ, но и поэтъ, — глядя на чужихъ дѣтей, на ихъ одинокую мать, казаки, навѣрное, вспоминали свои далекія семьи, — своихъ одинокихъ женъ и дѣтей.

Много рисовалъ казаковъ Зауервейдъ и мастерски гравировалъ его рисунки Жазэ (см. 13), — Зауервейдъ, такъ же какъ и Опицъ, оставили намъ прекрасные листы, изображающіе казачій бивуакъ на Елисейскихъ поляхъ. Сюита «казачьихъ» офортовъ Клейна замѣчательна по своей реальности: именно такими, навѣрное, и были казаки того времени на бивуакахъ и походахъ (см. 14).

Много рисовали казаковъ и Свебахъ и Зуръ.

Хочется остановиться на «казачьихъ сюжетахъ» директора берлинской Академіи Художествъ Шадова, — его рисунокъ перомъ «Платовъ съ казаками» (принадлежалъ въ 1912 г. принцу Іоганну Саксонскому), замѣчательно передаетъ «климатъ» той эпохи; такъ же весьма интересны шадовскіе зарисовки карандашемъ съ натуры казаковъ для этой композиціи (хранится въ берлинской академіи) и очень мало извѣстные, но превосходные его казачьи «портреты» (см. 15 и 16).

www.elan-kazak.ru

Тревога (Л. Гв. Атаманскій полкъ въ 1884 году).
(съ картины Ed. Detaille).

www.elan-kazak.ru

Если Францiя и Германiя такъ охотно и много рисовали съ натуры въ ту эпоху казаковъ, то и Англiя не осталась въ долгу, хотя Лондонъ и посѣтило только два казака: въ 1813 г. Землянухинъ, присланный въ Англiю генераломъ Теттенборномъ съ извѣстiемъ о взятiи его отрядомъ Гамбурга и въ 1814 г. атаманъ графъ М. И. Платовъ, прiѣхавшiй въ свитѣ Императора Александра I. Описанiе энтузiазма англичанъ и проявленiе ихъ знаковъ вниманiя къ обоимъ казакамъ заняло бы много страницъ — и простого казака и атамана Лондонъ буквально носилъ на рукахъ. Платовъ много позировалъ въ Англiи (кромѣ англичанъ портреты его рисовали Ромбауеръ, Сенъ-Обенъ, Альтингъ) и лондонскiе портреты, безусловно, лучшiя изображенiя «вихря-атамана» (см. 17 и 18). Особенно работы знаменитаго Лауренса, — какъ ни странно, этотъ замѣчательный портретъ совершенно неизвѣстенъ въ нашей иконографiи: просмотрѣли, можно сказать, слона. Изобразили англичане, правда, заочно, и дочь Платова и, конечно, уже съ натуры, во многихъ видахъ очаровавшаго ихъ казака Землянухина (см. 19).

Отблистала великолѣпная эпоха Наполеоновскихъ войнъ, вернулись армiи въ свои отечества, вернулись и казаки къ своимъ роднымъ куренямъ. Но и въ послѣдующiя, куда менѣе блистательныя времена, казаки все же продолжали интересовать иностранныхъ художниковъ.

Не обошелся безъ казаковъ Рафэ и въ своихъ иллюстрацiяхъ къ путешествiю съ Демидовымъ по югу Россiи и въ своихъ «фигурахъ» къ русскимъ видамъ Дюрана, — какъ не обходился безъ казаковъ и его предшественникъ Демартрэ.

Въ спецiальныхъ серiяхъ, посвященныхъ Русской Армiи, какъ напримѣръ, Экерта и Вейсса или Р. Вернэ, не говоря уже о Пажолѣ, — самыми нарядными и интересными являются казачьи листы. Рисовалъ казаковъ и Адамъ (увы, на совершенно одинаковыхъ англизированныхъ лошадяхъ), и Крюгеръ, и Орасъ Вернэ, и многiе другiе, болѣе или менѣе извѣстные, гастролеры-художники, прiѣзжавшiе въ Россiю. Среди нихъ извѣстный (и относительный, именно, съ бытовой стороны) интересъ представляютъ групповые «портреты» нашихъ воинскихъ частей Гебенса (см. 21). Однимъ изъ послѣднихъ иностранныхъ баталистовъ, приглашенныхъ въ Россiю, былъ Эдуардъ Детайль, прiѣхавшiй по приглашенiю Императора Александра III-го въ 1884 году. Въ наши дни художественная цѣнность Детайля сильно понижена въ сравненiи съ концомъ прошлаго вѣка, — все относительно, особенно, слава: даже о Месонье наша эпоха говоритъ безъ всякаго восторга. Возможно, что

www.elan-kazak.ru

Казачья джигитовка.
(рисовалъ Caran d'Ache).

www.elan-kazak.ru

губилъ Детайля его детализмъ, его слишкомъ добросовѣстная документальность баталиста «добраго стараго времени», быть можетъ, даже невѣроятная трудоспособность Детайля, — пошла ему во вредъ, — но для насъ его работы на русскія военныя темы все же интересны — это, во всякомъ случаѣ, не нашъ Самокишъ.

Изъ многихъ работъ, сдѣланныхъ Детайлемъ въ Россіи, самыми лучшими оказались его работы на «казачьи сюжеты», — громадное полотно «Атаманскій полкъ съ пѣсенниками впереди на походѣ», пріобрѣлъ Императоръ Александръ III (кромѣ того, онъ наградилъ художника Станиславомъ I степени), — эта монументальная картина и по сей день виситъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Мы удержались отъ соблазна ее воспроизвести, — она достаточно извѣстна — воспроизведя взамѣнъ болѣе миніатюрную, но и болѣе разнообразную въ композиціонномъ отношеніи «Тревогу» (см. 22).

Рисовалъ казаковъ, — и понынѣ здравствующій — ученикъ Детайля-Скоттъ (см. 20).

О шаржахъ на казаковъ, злыхъ или «дружественныхъ», можно написать отдѣльное изслѣдованіе.

Не обошлись безъ казаковъ ни Доре, ни даже Домье, какъ и многіе другіе мастера этого жанра: среди нихъ хочется упомянуть «Карандаша» (Пуарэ), знавшаго отлично Россію, — его «Казачья джигитовка» (см. 23) очаровательна*).

Не были забыты казаки и въ послѣднюю, столь трагическую для насъ, войну, правда, въ спеціальномъ уже военномъ жанрѣ «народныхъ картинокъ», — намъ попалась даже японская картинка, изображающая казачью атаку и, какъ ни странно, безъ всякой «клюквы», — казачья слава, «гремя трубой», долетѣла на самый край свѣта.

Казаковъ сегодняшняго дня, конечно, уже никто не рисуетъ: некого и нечего рисовать.

Казачьи войска — лучшія жемчужины Россійской короны. Но многіе ли теперь твердо помнятъ имена этихъ жемчужинъ?

Отгремѣла казачья слава — загремитъ ли вновь?

Наше казачье «стремя къ стремени» для разсѣянныхъ и обездоленныхъ казаковъ хочется замѣнить: «сердце къ сердцу!».

Казачье сердце все еще остается самымъ богатымъ на свѣтѣ.

---

*) Распредѣленіе иллюстрацій по страницамъ указано въ ихъ перечнѣ на страницѣ 134-135.

www.elan-kazak.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

От Кружка Казаков Литераторов 5

Стихотворенія:

Марія Волкова 8

Евгенія де Жерве 11

Нила Жарова 12

Игорь Воиновъ 12

Ирина Полякова 13

Алексѣй Ачаиръ 14

И. Даниловъ 15

Николай Евсѣевъ 16

Борисъ Номикосовъ 18

Сергѣй Сулинъ 19

Николай Туровѣровъ 20

П. Н. КРАСНОВЪ. Казачьи Войска 24

В. КРЮКОВЪ. Въ своей средѣ 32

Александръ ТУРОВѢРОВЪ. Первая любовь 42

Н. М. МЕЛЬНИКОВЪ. Въ донской станицѣ (изъ воспоминаній дѣтства) 62

Сергѣй СУЛИНЪ. Проводы казака на службу 68

Д. И. ОЗНОБИШИНЪ. Моя служба въ казакахъ и съ казаками 75

И. Г. АКУЛИНИНЪ. Казаки въ гражданской войнѣ 1917-20 гг. 110

Николай ТУРОВѢРОВЪ. Казаки въ изображеніи иностранныхъ художниковъ 124

www.elan-kazak.ru

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

стр.

1. Одно изъ первыхъ изображеній казака 7
2. Казакъ 17-го столѣтія (во французской перерисовкѣ 1814-15 г. г.) 7
3. Калмыкъ. Рисовалъ и гравировалъ Ле Пренсъ 23
4. Донскіе казаки. Рисовалъ и гравировалъ Хр. Гейслеръ въ 1793 г. 23
5. Уральскіе казаки со своимъ Атаманомъ М. Д. Бородинымъ въ походѣ Суворова, въ 1799 г. (по картинѣ Хесса, гравировалъ «Грениxеръ) 31
6. Казаки въ сторожевомъ охраненіи. Рисовалъ Кобель, гравировалъ Гейслеръ) 41
7. Казакъ — одна изъ первыхъ литографій въ мірѣ. Рисовалъ Леженъ въ 1806 г. 61
8. Галантный казакъ. Рисовалъ Верне, гравировалъ Дебюкуръ 61
9. Сибирскій казакъ начала 18-го вѣка. Рисовалъ Верне, гравировалъ Дебюкуръ 67
10. Казакъ на Парижскомъ рынкѣ. Съ акварели Опица 73
11. Казаки на берегу Сены. Съ акварели Опица 73
12. Казаки и уличный театръ маріонетокъ. Рисовалъ и литографировалъ Марле 85
13. Лейбъ-Казаки на бивуакѣ. Рисовалъ Зауервейдъ, гравировалъ Жазе 109

www.elan-kazak.ru

14. Казаки на походѣ. Рисовалъ и гравировалъ Клейнъ 109

15. Донской калмыкъ эпохи Имп. Александра I. Рисовалъ Шадовъ, гравировалъ Бухгорнъ 117

16. Донской казакъ эпохи Имп. Александра I. Рисовалъ Шадовъ, гравировалъ Бухгорнъ 117

17. Донской Атаманъ графъ М. И. Платовъ. Рисовалъ Филлипсъ, гравировалъ Зай 121

18. Онъ же, съ портрета работы Лауренса въ Виндзорской королевской галлереѣ 121

19. Землянухинъ. Рисовалъ и гравировалъ Гисъ 123

20. Терецъ (конвоецъ). Съ неопубликованнаго рисунка Ж. Скоттъ 123

21. Кубанцы (Л. Гв. Черноморскій казачій дивизіонъ въ 1856 г.). Рисовалъ Гебенсъ, гравировалъ Хиллеръ 127

22. Тревога. (Л. Гв. Атаманскій полкъ въ 1884 г.). Съ картины Детайля 129

23. Казачья джигитовка. Рисовалъ Каранъ д'Ашъ 131

Титульный листъ работы художника В. Н. Душкина.

www.elan-kazak.ru

Складъ изданія въ конторѣ

казачьяго иллюстрированнаго журнала-трехмѣсячника

«СТАНИЦА»,

органа Парижской Студенческой казачьей станицы

Адресъ: P. Gousseff, 7, rue Jobbé Duval, Paris 15.

Imprimerie de NAVARRE — 5, rue des Gobelins, Paris-13e.